Санкт-Петербургский Институт истории
Российской академии наук

П. Л. БАРК

Воспоминания последнего министра финансов Российской империи

1914–1917

Том 2

КУЧКОВО ПОЛЕ
МОСКВА
2017

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524
Б24

Утверждено к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского Института истории
Российской академии наук

Рецензенты: д. и. н. С. К. Лебедев, д. и. н. С. Г. Беляев

Научный редактор: к. и. н. С. В. Куликов

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Барк П. Л.

Б24 Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 2 / вступ. ст. и коммент. С. В. Куликова. — М.: Кучково поле; Мегаполис, 2017. — 552 с. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0656-5
ISBN 978-5-9950-0750-0 (т. 2)

Петр Львович Барк (1869–1937) известен не только как последний министр финансов Российской империи, но и как автор замечательных воспоминаний, которые являются одними из наиболее объективных во всей эмигрантской мемуаристике, созданной представителями первой волны русской эмиграции. Уникальность мемуаров П. Л. Барка обусловливается особенностями его неординарной личности, блестящей служебной карьеры, проходившей в Министерстве финансов, и судьбы после 1917 года, ознаменованной не менее блестящей карьерой в Англии. Читая эти воспоминания, иногда подернутые дымкой легкой иронии, делающей их еще более увлекательными, читатель встретится с Николаем II, великими князьями, царскими министрами, государственными и общественными деятелями России, а также Англии, Германии, Франции, окажется в самом центре российской и международной финансовой политики периода Первой мировой войны. Мемуары П. Л. Барка издавались в парижском журнале «Возрождение» в течение 1955–1956, 1959 и 1965–1966 годов и впервые публикуются в полном объеме на родине их автора.

Во 2-й том вошли воспоминания с июня 1915 по март 1917 года.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0656-5
ISBN 978-5-9950-0750-0 (т. 2)

ГЛАВА XV

Новые министры были хорошо приняты своими коллегами. Князь Щербатов (новый министр внутренних дел) просил назначения подходящего лица на должность товарища министра. Так как на этом министерстве лежала большая ответственность по ведению внутренней политики и сохранению порядка в стране, было весьма важно назначить подходящую личность на эту должность в такое критическое время.

Кривошеин предложил пригласить в качестве товарища министра внутренних дел князя Владимира Михайловича Волконского — вице-председателя Государственной думы[I]. Дед его был декабристом, за что был приговорен к ссылке в Сибирь[II]. Его бабушка (дочь знаменитого генерала Раевского) была героиней, описан-

[I] К этому времени В. М. Волконский являлся рядовым депутатом и бывшим старшим товарищем председателя IV Государственной думы. Эту должность он занимал с 1 декабря 1912 по 15 ноября 1913 г. Наоборот, в III Государственной думе (1907–1912) В. М. Волконский был старшим товарищем председателя в течение всей ее легислатуры.

[II] Дед В. М. Волконского — декабрист С. Г. Волконский.

вителей высшей бюрократии была особенная слабость к еврейскому племени. Помню, однажды появилась передовая статья, которая объясняла, что обыкновенно каждый министр имеет при себе своего «лейб-еврея», который является его интимным советником, и что даже члены Государственного совета, принадлежащие к крайней правой группе, официально исповедующие антисемитизм, во всех своих частных делах не могут обойтись без еврейской помощи и что каждый из них также имеет своего «лейб-еврея»[I]. Думаю, что в этой статье была большая доля правды, и это объясняется тем, что среди просвещенного общества не было личной вражды к евреям. Антисемитизм этих кругов был основан на том же старинном чувстве опасения, что энергичные способные элементы еврейства могут легко эксплуатировать остальное крестьянское население, и посему, в видах ограждения этого населения, «преждевременно предоставлять евреям равноправие».

В моей личной жизни я могу лишь с благодарностью вспоминать те случаи, когда евреи оказывали мне большие услуги.

В течение войны мне неоднократно приходилось говорить о еврейской проблеме в России во время моих путешествий в Париж и Лондон.

Как я уже упоминал, в начале 1915 г. бароны Эдмонд и Эдуард де Ротшильд в бытность мою в Париже просили меня уделить им специальное время для беседы об улучшении положения их единоверцев в России, и в частности в районе военных действий. Наш посол Извольский очень настоятельно поддерживал их ходатайство[II].

[I] Термин «лейб-еврей» ввел в обиход ведущий публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков. Во всяком случае, в статье «Подделка патриотизма» (опубликована в «Новом времени» за 16 июля 1909 г.), критикуя публицистов газеты «Россия», являвшейся столыпинским официозом, он писал: «На днях почтенный официоз взял на себя задачу разъяснить, чем должен быть русский патриотизм. С великолепным самомнением господа лейб-евреи поучают страну, вступившую во второе тысячелетие своей истории, как ей жить и какие иметь нравственные идеалы».

[II] На заседании Совета министров 6 августа 1915 г. П. Л. Барк информировал коллег, что «французские Ротшильды далеки от требования полного равноправия. Им необходим с нашей стороны такой акт, достаточно эффектный, который хотя бы на короткое время успокоил наиболее возбужденные умы среди заграничного еврейства и дал бы возможность провести нужные для нас кредитные операции. Должен отметить, — подчеркивал министр финансов, — что Ротшильды действительно искренно желают помочь союзникам в победе над Германией. Всем известен факт, что их дом не воспользовался мораториумом во Франции, а это возложило на них огромные жертвы. Характерно, что Китченер неоднократно повторял, что для успеха войны одним из важных условий является смягчение режима для евреев в России» (Тяжелые дни... С. 50).

Во время моего последующего посещения Лондона канцлер казначейства Мак-Кенна говорил мне о желательности облегчения участи евреев в России. Он мне пояснял, что для союзников чрезвычайно важно создать в Америке благоприятную атмосферу в видах получения необходимых кредитов у американских банкиров. Между тем среди влиятельных еврейских представителей американской «haute finance» существует настроение враждебное по отношению к России вследствие ограничения у нас прав их единоверцев, и это обстоятельство затрудняет успешность операций в Америке. Наш посол в Лондоне граф Бенкендорф указывал мне, что было бы чрезвычайно желательно оказать внимание главе банкирского дома Ротшильдов в Лондоне, и предложил мне устроить свидание с ним. Я охотно на это согласился, и, когда граф Бенкендорф несколько смущенно приехал сообщить мне, что барон Ротшильд страдает подагрой и затрудняется приехать ко мне, я нисколько не формализировался и сказал, что очень охотно поеду к нему. Я посетил барона Ротшильда в его загородном поместье и выслушал от него ту же просьбу, как и от его родственников в Париже.

По возвращении в России я доложил Государю о моих беседах, и Его величество сказал мне, что он никакой неприязни к евреям не питает, смотрит на них так же как и на всех других своих подданных. Что же касается до уравнения их в правах с другими гражданами, ввиду сложности проблемы полная отмена всех ограничений должна бы последовать, как Государь выразился, путем «suffrage universel»[I], то есть в законодательном порядке.

[I] Всеобщее голосование *(фр.)*.

В Совете министров особенным протагонистом уравнения евреев в правах был министр земледелия Кривошеин[I], и благодаря главным образом его поддержке удалось провести целый ряд облегчений существовавших ограничительных положений. В Министерстве внутренних дел предполагалось разработать общий законопроект о еврейском равноправии, однако, как я упомянул выше, в 1915 и 1916 гг. не удалось представить этот вопрос на рассмотрение законодательных учреждений[II].

[I] Ср. с выступлением А. В. Кривошеина на заседании Совета министров 4 августа 1915 г. в пользу отмены черты оседлости: «Министр финансов, который сейчас находится на растерзании в Государственной думе и едва ли успеет приехать в наше заседание, просил меня довести до вашего сведения совершенно однородные с министром внутренних дел соображения о настоятельной необходимости предпринять решительные шаги в еврейской вопросе и о желательности такого акта, который имел бы демонстративное значение не только в России, но и за границею... Как министр внутренних дел, так и министр финансов по соображениям финансовым приходят к одному и тому же заключению: неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу. И чем скорее он будет проведен, тем лучше. Если мы не выступим в данную минуту, то, может быть, через короткое время нам придется давать то же и даже больше при менее для нас выгодной обстановке. Не тащиться надо в хвосте событий, а предупреждать их, брать руль в руки. Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия. Высказываясь от имени П. Л. Барка и своего в пользу предложенной князем Н. Б. Щербатовым меры, я считаю необходимым использовать случай и извлечь из нашей уступки наибольшие выгоды. Надо предъявить представителям евреев, в ответ на их намеки, не менее откровенный ультиматум: мы даем вам изменение правил о черте оседлости, и притом весьма существенное, а вы пожалуйте нам денежную поддержку на русском и иностранных рынках и окажите воздействие на зависимую от еврейского капитала (это равносильно почти всей) печать в смысле перемены ее революционного тона. Если такой ультиматум не будет принят (чего я не думаю), нам придется идти на героические меры для увеличения емкости заграничного рынка и требовать более решительной помощи от союзников» (Тяжелые дни... С. 44, 45).

[II] Тем не менее, помимо ликвидации 4 августа 1915 г. черты оседлости для городских поселений, на заседании кабинета 9 августа 1915 г. последовало решение об отмене во всех государственных гражданских учебных заведениях процентной нормы для евреев — участников войны и их детей, а также для детей евреев, служивших по Министерству народного просвещения, причем это решение Николай II утвердил уже 10 августа (*Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 208–209). В начале 1916 г. министр внутренних дел А. Н. Хвостов, по инициативе военного министра А. А. Поливанова, испросил согласие царя на освобождение от призыва на действительную военную службу «не призванных еще по мобилизации, утвержденных правительственной властью общественных раввинов из числа запасных и ратников на все время состояния их в занимаемой должности». После этого последовало распоряжение, чтобы «раввины, уже зачисленные в войска при прежних призывах, были переведены из строя на нестроевые должности» (*Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 139). Согласно высочайшему повелению 18 ноября 1916 г., инициированному управляющим МВД А. Д. Протопоповым, евреи получили разрешение на жительство без регистрации в Москве и городах, не находящихся на театре военных действий, и на получение промысловых и торговых свидетельств (*Протопопов А. Д.* Предсмертная записка. Август 1918 г. // Искендеров А. А. Закат Империи. М., 2001. С. 558). В декабре 1916 г., незадолго до гибели, Г. Е. Распутин сообщил своему секретарю А. С. Симановичу, что вскоре евреи «получат полное равноправие, за исключением права занимать руководящие должности в войсках и в государственном управлении». По словам Г. Е. Распутина, «это была немецкая система» (*Симанович А. С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С. 102). Николай II говорил иркутскому генерал-губернатору А. И. Пильцу 22 января 1917 г.: «Против почти полного равноправия евреев я лично ничего не имею, но вопрос этот народной совести. Я никогда не решу земельного и еврейского вопросов единолично, хотя это было бы и полезно для меня. Дела эти должны быть разрешены при участии представителей от народа» (*Рейн Г. Е.* Из пережитого. 1907–1918: в 2 т. Берлин, б.г. Т. 2. С. 161). Тем не менее А. Д. Протопопов и управляющий Министерством юстиции Н. А. Добровольский подготовили проект Указа о даровании евреям равноправия, причем объявление Указа намечалось на Пасху, т. е. на 2 апреля 1917 г. Об отношении власти к еврейскому вопросу в период Первой мировой войны см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 44, 56, 106, 143, 146, 159, 188, 265, 281, 296, 311, 312, 373, 377, 380, 381; *Куликов С. В., Трибунский П. А.* К истории еврейского вопроса накануне Февральской революции (документы из архива С. Г. Сватикова) // Политическая история России первой четверти XX в. Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 238–248.

Иностранная печать пользовалась фактом некоторых ограничений для евреев в России — и давала нелестную характеристику нашему режиму, как отсталому и даже варварскому. В иностранной прессе распространялись легенды о том, что русское правительство было так враждебно по отношению к евреям, что оно организовывало погромы.

Интересно отметить по этому поводу, что Чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная Времен-

ным правительством после Февральской революции для расследования действий царского правительства, занималась специально расследованием предполагаемого участия правительства в еврейских погромах и, несмотря на чрезвычайную тщательность расследования и на желание найти подтверждение такому обвинению, не могла обнаружить никаких доказательств такого обвинения. Наоборот, было доказано, что правительством принимались все возможные меры для ограждения еврейского населения от бесчинств и погромов толпы во время беспорядков в черте еврейской оседлости[1].

[1] Ср. показания члена президиума Чрезвычайной следственной комиссии А. Ф. Романова: «Расследование отношений правительства к еврейским погромам было поручено Комиссией еврею, присяжному поверенному. После довольно продолжительной работы присяжный поверенный явился в Комиссию и с грустью заявил, что он пересмотрел все, самые секретные даже переписки и кроме решительных требований правительства предупреждать всеми мерами погромы и массы секретных циркуляров в том же смысле ничего не нашел. Он представил об этом письменный доклад президиуму» (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 31).

ГЛАВА XVI

В составе преобразованного Совета министров трое из наших коллег быстро освоились со своими ведомствами и оказались серьезным приобретением. Военный министр Поливанов по прежней своей службе был хорошо осведомлен в своем министерстве, он был знаком с личным составом и знал в подробностях все отделы. Хвостову не трудно было разобраться в Министерстве юстиции. Самарин, хотя и был новым человеком в ведомстве Святейшего Синода, но благодаря тому, что он с давних времен был знатоком вопросов церковных и знал многих иерархов, он сразу завоевал себе авторитетное положение в своем ведомстве.

К сожалению, в весьма затруднительном положении оказался милейший князь Щербатов. Мы питали к нему большую симпатию, он располагал к себе своим прямым характером и своим мягким обращением. Однако отсутствие надлежащего административного стажа оказалось для него большим минусом на его ответственном посту. Будучи окружен в ведомстве незнакомыми ему сотрудниками и не имея опыта в работе огромного и сложного бюрократического аппарата, он совершенно

растерялся. В Совете министров он представлял патетическую фигуру.

Военные события вызывали на местах новые проблемы, требовавшие срочного разрешения. От губернаторов получались министром внутренних дел телеграфные запросы, испрашивавшие инструкции по разным предметам. Обычно князь Щербатов привозил эти депеши в своем портфеле в заседания Совета министров, прочитывал их нам и спрашивал указаний, что ему надлежит на них отвечать. Нам было бесконечно жалко князя Щербатова, но вместе с тем становилось ясно, что, собственно говоря, у нас не было министра внутренних дел и что заведование его ведомством не могло на долгое время оставаться на коллективной ответственности Совета министров. Однако мы не хотели чрезмерно спешить с новой переменой в Министерстве внутренних дел, тем более что грозные события, развивавшиеся на фронте, ставили перед Советом министров целый ряд новых, сложных задач, поглощавших все наше время и все наше внимание.

Хотя мы уже с весны были подготовлены к тому, что нас ожидают тяжелые испытания на фронте, однако, каждый раз, когда военный министр Поливанов, в заседаниях Совета министров, знакомил нас со сводкой телеграмм, полученных с фронта, показывал на карте оставление завоеванных нами территорий и постепенный отход армий вглубь страны, с потерей собственных провинций, всех охватывало щемящее чувство постигшего нас несчастия.

16 (29) июля Поливанов свой доклад начал словами: «Отечество в опасности». Этого не было надобности подчеркивать, мы все сознавали грозность положения на фронте и связанные с ним тяжелые и сложные проблемы в тылу. Нельзя не отметить того, что в своем докладе Поливанов подчеркнул, что в Ставке Верховного главнокомандующего наблюдается растущая растерянность. В действиях и распоряжениях не видно никакой системы, никакого плана[I].

[I] Ср.: Тяжелые дни... С. 15.

Далее Поливанов воскликнул: «Печальнее всего, что правда не доходит до Его величества. Государь оценивает положение на фронте и дальнейшие перспективы только на основании сообщений, обработанных Ставкою... На рубеже величайших событий в русской истории, — с силою продолжал военный министр, — надо, чтобы русский царь выслушал мнение всех ответственных военноначальников и всего Совета министров... И наша, господа, обязанность, не откладывая ни минуты, умолять Его величество немедленно собрать, под своим председательством, чрезвычайный военный совет»[I].

Призыв военного министра встретил горячий отклик в Совете министров. Решено было уполномочить И. Л. Горемыкина и А. А. Поливанова представить Его величеству единодушное ходатайство правительства о неотлагательном созыве военного совета, причем докладчики обязаны были указать Государю, что мера эта обусловливается не только военной необходимостью, но и соображениями внутренней политики, ибо население недоумевает по поводу внешне безучастного отношения царя и его правительства к переживаемой на фронте катастрофе[II].

В это время все наши усилия были направлены к тому, чтобы наладить совместную работу с законодательными учреждениями, провести через них в возможно скором времени законопроект об особом совещании при министрах военном, путей сообщения, земледелия и торговли и промышленности. Главное внимание было, конечно, обращено на Особое совещание по обороне, и мы надеялись, что участие в нем представителей законодательных палат и различных частных организаций поднимет настроение в стране и привлечет к активной работе все ее живые силы.

Как я упоминал выше, желание правительства установить тесную связь с Думой не нашло в ней отклика. Кривошеин, поддерживавший близкие отношения с членами Думы разных партий, держал нас в курсе

[I] Там же. С. 16.
[II] Ср.: Там же. С. 16–17.

тех течений, которые выяснялись в отдельных группах и фракциях, и его информация оставляла мало надежды на то, что цели, которые мы себе поставили, будут достигнуты. Более умеренные члены Государственной думы понимали, что перемены были произведены в составе Совета министров в видах установления нормальных отношений с Думой, и пытались влиять на своих коллег в смысле примирения с правительством. Дабы достигнуть соглашения, они выдвигали Кривошеина, наиболее популярного министра, в качестве кандидата на пост премьера, для замены Горемыкина, коего считали слишком старым для возглавления кабинета в военное время. Однако, несмотря на всю популярность Кривошеина, большинство членов Думы находили, что и его назначение было бы уже недостаточной уступкой власти и что настало наиболее удобное время свалить старую власть и поставить на ее место новых людей, народных избранников.

Повторялось обычное явление, имевшее место в России в смутное время тяжелых испытаний, — осада власти со стороны элементов, не принадлежавших к бюрократии и стремившихся к перемене режима.

В эти тяжелые дни Поливанов 6 (19) августа сообщил нам о решении Государя принять на себя верховное командование армии, с назначением великого князя Николая Николаевича главноначальствующим[I] на Кавказе и командующим войсками на Кавказском фронте[II].

Со своей стороны председатель Совета министров подтвердил, что Государь ему сказал о принятом решении, но повелел ему хранить это пока в тайне. Убеждение Государя о необходимости этого решения сложилось давно. Он неоднократно повторял Горемыкину, что не может простить себе, что во время Японской войны не стал во главе армии. По словам Государя, долг царского служения повелевает монарху быть в момент опасности вместе с войсками, деля и радость, и горе. Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, Его величество считает священною обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях никакие доводы не могут заставить Государя отказаться от задуманного им шага. В данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-либо влияния. Оно подсказано сознанием царского долга перед Родиной и перед измученной армией. Горемыкин добавил, что решение Государя бесповоротно и что он не желает слышать никаких мнений своих министров по этому вопросу[I].

[I] Точнее — наместником.

[II] Ср.: Тяжелые дни... С. 53.

Это решение не явилось для нас неожиданностью. Мы все помнили, как Государь с самого начала войны хотел стать во главе войск и лишь очень нехотя уступил нашим просьбам отложить приведение этого желания в исполнение. Однако те доводы, которые мы тогда приводили, чтобы убедить Государя изменить свое решение, приобретали при изменившихся условиях гораздо больше силы и значения.

Как это ни странно, великий князь Николай Николаевич, несмотря на страшные потери в войсках, на оставление нами завоеванной территории и продвижение неприятеля вглубь нашей страны, не утратил своей популярности в войсках, а также в стране. Этому способствовала в значительной степени пропаганда, которая велась все время политическими деятелями, работавшими в санитарных организациях на фронте. Их цель состояла в том, чтобы приобрести симпатии армии, и посему все неудачи приписывались недостаточному оборудованию и снабжению фронта, в чем обвинялся исключительно тыл, в лице отдельных министров, а также всего правительства в совокупности. При таком настроении армии и страны, отозвание великого князя Николая Николаевича с должности Верховного главнокомандующего и назначение его на Кавказ, знаменуя собой порицание его действий со стороны Государя, могло вызвать лишь усиленную симпатию к великому князю и недовольство решением Государя. Это недовольство усили-

[I] Ср.: Там же. С. 54.

валось еще потому, что Государь решил сам заменить великого князя. Недоброжелатели Государя и в особенности императрицы хотели непременно объяснить перемену темными влияниями и неблаговидными побуждениями личного свойства. Открыто говорилось, что налицо лишнее доказательство пагубного влияния императрицы на безвольного Государя[I]. Указывалось на то, что императрица ненавидела великого князя, полагая, что его популярность идет в ущерб Государю, и что это ее чувство, ловко эксплуатируемое Распутиным, стало главной причиной опалы великого князя.

Что касается чувств императрицы к великому князю, то народная молва была недалека от истины. Ненависть, может быть, слишком сильное слово, но вполне верно, что императрица относилась с чувством неприязни к великому князю Николаю Николаевичу. Это ясно из писем ее к Государю, ныне сделавшихся всеобщим достоянием.

Другие члены Императорской фамилии, зная о чувствах императрицы по отношению к великому князю

[I] В августе 1915 г., опровергая слухи о причастности камарильи к принятию Николаем II верховного главнокомандования, П. Л. Барк видел истоки этого события в июле 1914 г. «Он сообщил, — писала великосветская знакомая П. Л. Барка княгиня Ю. Кантакузина, — что в июле 1914 г., в тот момент, когда была объявлена война, император заявил перед лицом собравшегося Совета министров, что всегда упрекал себя за то, что не отправился на фронт во время русско-японской войны, не разделил трудности с войсками и ответственность с командирами, и заверил, что во время этой войны не повторит подобной ошибки. Кабинет объединился, чтобы отговорить его от выполнения подобного желания, так как боялись, что он лично подвергнется опасности, а также тревожились, что правительство останется на попечении регента. Им казалось, будет лучше возложить ответственность за все бедствия на кого-то другого, кого можно будет при случае сместить и сохранить высокую репутацию императора. Их аргументы убедили императора, и, поразмыслив, он назначил главнокомандующим великого князя. Господин Барк полагал, что, возможно, отступление весной и летом 1915 г. привело к возрождению прежней идеи, и, возможно, возникло желание заставить армию почувствовать, что он стоит рядом с солдатами, — по-видимому, это отчасти заставило его величество отправить великого князя на Кавказский фронт и самому принять командование на вершине драмы» (*Кантакузина Ю.* Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. М., 2007. С. 135).

Николаю Николаевичу, и, может быть, даже из зависти к его престижу, старались увеличить эти чувства неприязни к нему.

В этом отношении очень характерно письмо к Государю одного из более выдающихся великих князей, Николая Михайловича (историка), ныне тоже сделавшееся достоянием печати. Привожу здесь выдержки из этого письма (от 28 апреля 1916 г.):

«Относительно популярности Николаши (т. е. великого князя Николая Николаевича) скажу следующее: эта популярность была мастерски подготовлена из Киева Милицей, совсем исподволь и всеми способами — распространением в народе брошюр, всяких книжонок, дубков, портретов, календарей и т. п. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после потери Галиции и Польши и снова возросла после кавказских побед...

Смею тебя уверить, по моему глубокому убеждению, что в династическом отношении явление этой популярности меня тревожит, особенно при том возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции. Популярность эта вовсе не идет на пользу престола или престижа Императорской фамилии, а только к муссированию мужа великой княгини — славянки, а не немки...»[1] Это была, конечно, Парфянская стрела, отравленная и имевшая целью подорвать авторитет великого князя Николая Николаевича в глазах Государя.

Принятие Государем верховного командования в тяжелое время военных испытаний, состоявшееся 12 (25) августа 1915 г.[II], ставило его в чрезвычайно невыгодное положение как в армии, так и в стране. Великому князю верили, у него был долгий военный опыт, а также и боевой опыт, приобретенный за год войны. У Госуда-

[1] Николай Михайлович — Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.; Л., 1925. С. 68–69.

[II] В действительности Николай II принял на себя верховное главнокомандование 23 августа (5 сентября) 1915 г.

ря этого опыта не было. Естественно, что он должен был полагаться более, чем великий князь, на советы своих ближайших сотрудников и находиться в зависимости от них. Между тем вся ответственность за руководство военными операциями ложилась на него, и всякие промахи и недочеты подчиненных ему органов должны были упадать на его голову.

Необходимость отъезда Государя в действующую армию и пребывание его там оставляли государственное управление в тылу без хозяина, в такое время, когда внутренняя политическая обстановка становилась с каждым днем сложнее, требовала постоянного общения Государя с его министрами и с представителями законодательных учреждений и принятия разнообразных срочных мер для улажения возраставшего конфликта между властью и законодательными учреждениями.

Отъезд Государя открывал широкое поле для политических интриг и вместе с тем лишил Совет министров поддержки монарха в критическое время.

Члены Совета министров, присутствовавшие на заседании под председательством Государя в Петрограде, когда он нам объявил о своей воле встать во главе войск[1], отлично знали, что нынешнее категорическое решение вызвано исключительно побуждениями высокого патриотизма, глубоким убеждением императора в необходимости исполнить свой долг перед родиной в тяжелое время горестных испытаний и готовностью, если на то последует воля рока, принести себя в жертву. Нам не нужно было прислушиваться к злобной критике. Однако как мы в начале войны были убеждены в ошибочности шага, который тогда хотел предпринять Государь, так и теперь мы еще более были уверены, что принятое им решение было равносильно грозной катастрофе, ко-

[1] Заседание Совета министров под председательством императора, о котором упоминает П. Л. Барк, происходило не в Петрограде, а в Царском Селе 20 августа 1915 г., когда Николай II записал: «Занимался до 8 ч. После обеда у меня состоялось заседание Совета министров, продолжавшееся до 11½ час.» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 148).

торая должна была разразиться над нашей несчастной родиной. Мы были совершенно убеждены, что отъезд Государя в действующую амию был связан с величайшей опасностью для страны и династии. Мы просили Горемыкина представить Государю наши опасения и сделать новую попытку переубедить Государя. Горемыкин нам ответил, что в силу полученных им высочайших указаний он этого сделать не может[1].

К вопросу о принятии Государем верховного командования министры возвращались неоднократно в последующих заседаниях Совета, причем постепенно выяснилось коренное различие во взглядах большинства министров и председателя Совета, Горемыкина. Последнего поддерживал только близкий ему министр юстиции Хвостов. Министры полагали, что Государь делает роковую ошибку. Они находили, что необходимо оставить во главе армии великого князя Николая Николаевич, который продолжал пользоваться всеобщей популярностью. Наряду с этим министры полагали, что Государь должен прислушиваться к общественному мнению и переменить правительство, назначив председателем Совета человека, не принадлежащего к бюрократии, и предоставить ему полномочия подобрать коллег по своему выбору. Горемыкин стоял на совершенно другой точке зрения. Он напомнил министрам, что в начале войны он искренне и убежденно ходатайствовал у Государя не приводить в исполнение свое желание быть Верховным главнокомандующим. Теперь он высказывал такое же мнение Государю, но раз Государь считает свое решение бесповоротным, министры обязаны подчиниться верховной воле. Что же касается до усилившегося течения в законодательных учреждениях и среди общественных кругов относительно необходимости перемены режима и образования правительства из новых элементов, не принадлежащих к бюрократии, то он считал такую перемену политического курса несвоевременным и крайне опасным уклоном влево.

[1] Это происходило на заседании правительства 6 августа 1915 г. См.: Тяжелые дни... С. 54–55.

Доводы министров, сводившиеся к тому, что они не могут продолжать исполнять свои обязанности, когда страна относится к ним с недоверием, оставляли Горемыкина непоколебимым. Прения принимали зачастую очень острый и личный характер, и Горемыкин совершенно откровенно просил своих коллег постараться убедить Государя заменить его другим лицом: он остается на своем посту, только исполняя волю Государя, но будет счастлив передать свои обязанности более достойному лицу, если на то последует высочайшее повеление[I].

В силу продолжавшихся настояний со стороны министров Горемыкин, оставаясь при своем мнении, не встретил препятствий к тому, чтобы обратиться к Государю с ходатайством о созыве Совета под личным его председательством для обсуждения вопросов: 1) о верховном командовании и 2) о дальнейшем курсе внутренней политики[II].

Как обычно, Кривошеин формулировал основные положения, предложив по первому вопросу компромисс. Увольнение великого князя недопустимо, министры не могут отвечать за порядок и безопасность в стране. Вместе с тем несомненно, что дело зашло слишком далеко, решение Государя стало достоянием общественности, и полный отказ отразился бы на авторитете монарха. Однако Государь может принять на себя верховное командование и назначить великого князя своим помощником.

По второму вопросу Кривошеин предложил следующую формулу, которая была принята. Сложившиеся внутренние условия допускают лишь два решения. Или примириться с общественностью, или сильная военная диктатура, если найдется подходящее лицо. Министры убеждены в правильности первого решения, а так как существующий кабинет не отвечает общественным ожиданиям, то он должен уступить место другому, к коему страна могла бы отнестись с доверием. Что же касается военной диктатуры, то министры таковой не сочувствуют, и посему при этом решении должна также произойти смена кабинета[I].

20 августа (2 сентября) состоялось заседание Совета министров под председательством Государя в Царском Селе. Оно не оправдало ожиданий министров. Последние откровенно высказывали Его величеству те суждения, которые выражались на последних заседаниях кабинета, и представили свои соображения о необходимости перемены внутренней политики. Государь терпеливо и спокойно выслушал министров и сказал, что вопрос о верховном командовании решен бесповоротно. Что же касается до внутренней политики, то он вполне доверяет государственному опыту Горемыкина и ожидает от министров, что они будут продолжать свою работу под его руководством[II].

Это заседание произвело на министров угнетающее впечатление, и, вернувшись в Петроград, мы решили собраться на следующий день частным образом у Сазонова, без Горемыкина и без Хвостова, коего мы не хотели ставить в неудобное положение по отношению к Горемыкину. Наше совещание длилось не долго, так как мы все были одного мнения, и мы решили представить Государю ходатайство об изменении принятого им решения. Текст нашего обращения к Государю был составлен немедленно и в окончательной форме был написан

[I] На заседаниях 6, 9, 10, 11, 12, 16 и 18 августа 1915 г. См.: Там же. С. 57–82.

[II] Идея об обращении кабинета к императору с просьбой не удалять Николая Николаевича и не вступать в верховное главнокомандование возникла уже на заседании правительства 6 августа 1915 г., когда П. Л. Барк заявил: «Мне думается, что следовало бы обратить внимание Его величества еще на то обстоятельство, что замена главного командования при настоящих условиях и возможные отсюда внутренние осложнения ухудшат наш кредит, и без того павший до невероятной для великой державы степени. Царь во главе армии идет в последний бой — это наша последняя ставка. Но этот момент еще не наступил. Риск не вовремя почти всегда влечет за собою вредные последствия. Мы обязаны заявить наше мнение Государю. Иначе нас справедливо упрекнут, что мы не приняли всех доступных мер для предотвращения несчастия» (Там же. С. 55).

[I] Речь идет о заседании 19 августа 1915 г. См.: Там же. С. 84–85.

[II] Заседание, начавшееся в 21.00 и закончившееся в 23.40, проходило в присутствии всех министров, кроме находившегося на лечении министра путей сообщения С. В. Рухлова (Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы). Оп. 219/2728. Д. 41. Л. 103 об.).

моей рукой[I]. Министры военный, Поливанов, и морской, Григорович, принимали участие в нашем совещании, однако мы не просили их подписать наше ходатайство, так как в силу военной дисциплины они этого сделать не могли. Все же остальные министры снабдили обращение своими подписями. Текст его был следующий:

«Всемилостивейший Государь.

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к Вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

Вчера, в заседании Совета министров, под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями.

На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение во всякое время недопустимо, в настоящие дни — гибельно.

Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине.

Вашего Императорского Величества верноподданные:

Петр Харитонов	Князь Н. Щербатов
Александр Кривошеин	Александр Самарин
Сергей Сазонов	Граф Павел Игнатьев
Петр Барк	Князь Всеволод Шаховской.

21 августа 1915 г.»[II].

[I] Действительно, сохранившийся подлинник письма написан рукой П. Л. Барка. См.: ГА РФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 620. Л. 1–2.

[II] Тяжелые дни... С. 98.

Кривошеин взял на себя передать наше ходатайство Государю через дежурного флигель-адъютанта.

Мы не оставляли надежды, что Государь изменит свое решение или же, в противном случае, уволит всех нас, подписавших ходатайство, и остановится на военной диктатуре. Государь не внял нашей просьбе, он был убежден, что исполняет свой священный долг. Возможно, что он сам сознавал всю опасность предпринимаемого им шага, но он был готов привести себя в жертву. Мы, однако, ошибались, ожидая нашей отставки. Государь передал нам через Горемыкина, что он возмущен нашим выступлением, но не допускает никакой забастовки своих министров по поводу принятого им решения. Все должны оставаться на местах, при исполнении каждым своих обязанностей. Он сам решит, кто и когда из министров может покинуть свой пост, но ныне, при столь тяжелом общем положении, никто из министров не вправе отказываться от своей работы.

Ответ Государя стал нам известен в Зимнем дворце, где был устроен прием Его величеством всех членов Особого совещания по обороне, которое было образовано согласно закону, только что[I] одобренному Государственной думой и Государственным советом. Государь желал подчеркнуть важность предстоявших Особому совещанию работ; поэтому прием был обставлен с особой торжественностью в присутствии всего состава Совета министров. Наше настроение в Зимнем дворце было совершенно угнетенное. Все наши попытки склонить Государя к изменению своего решения и к перемене внутренней политики оказались тщетными.

Это был фатальный поворот в истории России. Грозный рок обрушивался на нашу несчастную родину. Даже до введения в России конституционного образа правления русские монархи, хотя и были самодержцами, чрезвычайно редко проявляли самодержавную волю в важных вопросах государственного управления. Собственно говоря, Россия управлялась бюрократической машиной,

[I] Т. е. 22 августа 1915 г.

и монархи обычно руководились в своих решениях докладами, которые разрабатывались отдельными министрами и представлялись на утверждение верховной власти. В это же время, при существовании парламента, выбранного нацией, и когда стране угрожали тысячи опасностей, решения, принимаемые единолично императором, могли иметь гибельные последствия.

В такой ненормальной атмосфере кабинет должен был обсуждать деятельность Думы и решать, не лучше ли продлить сессию палат. Нужно было тоже вынести решение, как должно отнестись правительство к Прогрессивному блоку.

Наиболее спешные законы были уже утверждены палатами. Один только закон, касающийся назначения специальной комиссии, которая должна была заботиться о беженцах из занятых неприятелем областей, не был еще проведен через Государственную думу, которая откладывала прения, имея намерение делать запросы правительству по разным вопросам.

В Кабинете министров происходили бурные споры между председателем Совета министров и членами кабинета.

Министры не были противниками продолжения сессии палат и стояли за примирительную политику, тогда как Горемыкин считал, что всякие уступки будут признаком слабости[I]. Все же после длительных прений был

[I] Ср. диалог, состоявшийся между И. Л. Горемыкиным и П. Л. Барком на заседании кабинета 16 августа 1915 г., при обсуждении вопроса о предотвращении вмешательства Государственной думы в защиту оппозиционной печати. И. Л. Горемыкин: «Дело настолько серьезно, что можно будет предупредить, что вмешательство со стороны Думы в данном случае может явиться поводом к роспуску». П. Л. Барк: «Я думаю, что к такой угрозе едва ли придется прибегать. В Думе отлично понимают, что в военное время разжигание политических страстей и вожделений печатью недопустимо. Везде за границей, у наших врагов и союзников — безразлично, даже в республиканской Франции, печать находится под строжайшим режимом и служит орудием для борьбы с врагом. Если же тем не менее поднимутся толки, на них всегда можно ответить, что меры принимаются по требованию военных властей в интересах обеспечения военной обороны страны». И. Л. Горемыкин: «Я не особенно разделяю оптимизм П. Л. Барка насчет благоразумия Думы. Во всяком случае, посмотрим, что будет» (Тяжелые дни... С. 76–77).

найден компромисс. Горемыкин согласился с тем, чтобы некоторые министры вступили в частные переговоры с представителями Прогрессивного блока, чтобы лучше ознакомиться с его программой. После этих переговоров они должны будут сделать доклад о них в Кабинете министров.

Как я говорил раньше — дело переговоров с Прогрессивным блоком было поручено государственному контролеру Харитонову с участием министров юстиции, внутренних дел и торговли и промышленности[I].

Совещание состоялось 27 августа (9 сентября), и на другой день Харитонов сообщил о нем кабинету. Он находил, что по некоторым вопросам можно будет сговориться с блоком и некоторые из их предложений приемлемы. Но все же наиболее существенный вопрос — это формирование нового кабинета. Харитонов сказал представителям блока, что назначение министров всецело зависит от Государя, который может выбрать кого ему угодно. Они (представители блока) ответили, что вопрос может быть разрешен следующим образом: император может выбрать председателя Совета министров, приемлемого для нации, который составит кабинет и урегулирует отношения между правительством и палатами.

Выслушав Харитонова, Горемыкин просил министров высказать окончательное мнение относительно продолжения сессии Государственной думы. Поливанов объявил, что он не против продолжения сессии, но подчеркнул, что удачное завершение войны зависит от вооружения. Его величество думает, что наше вооружение зависит от напряженной работы частных организаций и их солидарности, благодаря контролю Государственного совещания по обороне[II]. Правительство должно сотрудничать в этом направлении и избегать всего, что может вызывать недовольство в этих организациях, а также среди рабочих. Поэтому если Дума не будет распущена, то придется избегать всего, что вызывает вра-

[I] На заседании 26 августа 1915 г. См.: Там же. С. 105–116.
[II] Т. е. Особого совещания по обороне государства.

ждебность со стороны депутатов, которые имеют влияние в организациях, работающих на оборону. Нельзя также забывать, что условия в армии изменились с начала войны. Наши потери очень ослабили наши полки, которые пополняются новобранцами, не получившими той подготовки, какая была у предыдущих, и не имеющими прежней дисциплины. Это также касается и новых офицеров, которые, кроме того, теперь склонны заниматься политикой.

Кривошеин согласился с мнением Поливанова и добавил, что кабинету не следует обсуждать срока роспуска Дума, есть вопрос значительно более важный — это выяснить, какой политики Государь имеет намерение придерживаться по внутренним вопросам. Он думает, что Его величеству следует прислушиваться к общественному мнению и составить кабинет с новым председателем.

Кабинет согласился с мнением Кривошеина и высказался за продление сессии Государственной думы, после обсуждения этого вопроса с председателем Думы и с лидерами разных групп, а также за обращение к императору с просьбой о переменах в правительстве[I].

Кроме того, кабинет решил просить Государя созвать военный совет в Ставке главнокомандующего, как можно скорее, для того, чтобы выработать сотрудничество между военной администрацией и правительством[II].

Горемыкин спросил у императора разрешение на поездку в Ставку. Перед тем как уезжать, он, несмотря на свою обычную сдержанность, не мог не высказать своему секретарю[III] свои чувства, следующим образом:

«Да, тяжело огорчать Государя рассказом о наших несогласиях и слабонервности Совета министров. Его воля

[I] См. Меморию Совета министров 28 августа 1915 г. в Приложении 19. На заседании правительства 28 сентября П. Л. Барк отсутствовал, поскольку в этот день он уезжал из Петрограда на очередную финансовую конференцию союзников. Его замещал товарищ министра финансов А. И. Николаенко, который, несомненно, выражал мнение не только свое, но и министра.

[II] На заседании 28 августа 1915 г. См.: Тяжелые дни... С. 119–127.

[III] Помощнику начальника канцелярии Совета министров А. Н. Яхонтову.

избрать тот или другой путь действий. Какое ни будет повеление, я исполню во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя от Царя нападки и неудовольствия. Пусть ругают и обвиняют меня — я уже стар и не долго мне жить. Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность Царской власти. Сила России только в Монархии. Иначе такой кавардак получится, что все пропадет. Надо, прежде всего, довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогоним немцев»[I].

Вернулся Горемыкин из Ставки 1 сентября[II] с высочайшим повелением распустить Государственную думу на осенние вакации не позже 3 сентября и Совету министров оставаться в полном составе на своих местах. Когда же позволит обстановка на фронте, Его величество лично призовет Совет министров и все разберет.

Горемыкин добавил, что он просил у Государя принять его отставку и назначить другого на его место. Император отказал ему в его просьбе, но приказал распустить Думу. Горемыкин сказал в заключение, что он будет следовать инструкциям Государя.

Кривошеин заявил, что мы не имеем права обсуждать приказания Его величества, но министры имеют право и долг принять во внимание последствия решений императора. Затем, повернувшись к председателю Совета министров, он сказал: «Теперь вы вступаете на путь действий, вытекающий из данных вам высочайших указаний, причем сотрудниками вашими остаются по высочайшему повелению те же лица, которые возражали против целесообразности намечавшейся вами политики. Простите мне один вопрос — как вы решаетесь действовать, когда представители исполнительной власти убеждены в необходимости иных средств, когда весь правительственный механизм в ваших руках оппози-

[I] Тяжелые дни... С. 128.

[II] В Ставке И. Л. Горемыкин был 30 августа 1915 г., когда Николай II записал: «Приехал Горемыкин, также гр. Келлер из Харькова. Долго принимал первого» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 150).

ционен, когда и внешние, и внутренние события становятся с каждым днем все более грозными».

Горемыкин ответил: «Свой долг перед Государем императором я исполню до конца, с какими бы противодействиями и несочувствиями мне ни пришлось сталкиваться. Я все доложил Его величеству и просил заменить меня более современным деятелем. Но высочайшее повеление последовало, а оно в моем понимании — закон. Что будет дальше? Государь император сказал, что он приедет лично и все разберет»[I].

Через две недели император вызвал в Ставку весь кабинет[II] и сделал еще раз попытку восстановить престиж председателя Совета министров своим личным влиянием. Кроме того, Его величество желал высказать свое неудовольствие всем министрам, подписавшим обращение 21 августа.

Государь объявил, что министры не имеют права, во время войны, подавать в отставку. Каждый должен продолжать исполнять свой долг, и от усмотрения Государя будет зависеть произвести перемены в составе Совета министров, когда и если он признает это нужным.

Такого рода жест был в противоречии с деликатной натурой Государя. Когда, в июне 1915 г., некоторые министры вызвали неудовольствие Государя своими советами о переменах в кабинете и также о созыве Государственной думы, он высказал это свое неудовольствие очень деликатно. Он говорил с каждым министром отдельно на очередных их докладах. Высказывая же свое неудовольствие всем министрам одновременно (коллективно), Государь, очевидно, действовал согласно совету императрицы, делая ей уступку. Государыня была возмущена нашим выступлением, называла это забастовкой и даже считала это чуть ли не изменой[III].

I На заседании 2 сентября 1915 г. См.: Тяжелые дни... С. 128, 132–133, 136.

II Николай II записал 16 сентября 1915 г.: «В 5½ у меня состоялся Совет министров» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 153).

III В действительности в данном случае Николай II следовал совету И. Л. Горемыкина. «Только что видел старика, — телеграфировал император супруге 14 сентября 1915 г. — Решил выписать сюда всех министров. Он просил об этом» (Телеграмма Николая II Александре Федоровне. 14 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. 1914–1917 / [сост. А. А. Сергеев]. М., 2013. С. 297).

В действительности, Государь очень редко следовал советам Государыни, которые она давала ему в своих письмах в Ставку. Он отвечал ей очень ласково на ее письма от 17 (30) сентября и 18 сентября (1 октября) 1915 г.: «Твои милые письма так глубоко меня трогают, что я просто в отчаянии, что не могу отвечать в том же роде; я даю тебе, может быть, лишь десятую долю того, что ты мне даешь твоими любящими строчками»[I].

В связи с Советом министров в Ставке император послал только три короткие телеграммы свой жене. Они помечены 14 (27), 15 (28) и 16 (29) сентября.

«Только что видел старика (Горемыкина). Решил выписать сюда всех министров. Он просил об этом»[II].

«Не тревожься за мое завтрашнее заседание. Я им покажу»[III].

«Заседание прошло хорошо. Строго высказал им в лицо свое мнение. Жалею, что не имел времени написать»[IV].

В письме от 17 (30) сентября император объясняет императрице, что ему не удалось, как он хотел, восстановить авторитет Горемыкина.

«Вчерашнее заседание ясно показало мне, что некоторые из министров не желают работать со старым Горемыкиным, несмотря на мое строгое слово, обращенное к ним; поэтому, по моем возвращении, должны произойти перемены»[V].

На Совете министров под председательством Государя выяснилась глубокая отчужденность между Его величеством и министрами, с тех пор, как Государь во-

I Николай II — Александре Федоровне. 18 сентября 1915 г. // Там же. С. 316.

II Телеграмма Николая II Александре Федоровне. 14 сентября 1915 г. // Там же. С. 297.

III Телеграмма Николая II Александре Федоровне. 15 сентября 1915 г. // Там же. С. 300.

IV Телеграмма Николая II Александре Федоровне. 16 сентября 1915 г. // Там же. С. 304.

V Николай II — Александре Федоровне. 17 сентября 1915 г. // Там же. С. 309.

преки мнению министров принял на себя верховное командование.

Приняв на себя верховное командование, Его величество подписал следующий указ:

«Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим Земли Русской.

Дан в Ставке Верховного главнокомандующего, 23 августа (5 сентября) 1915 г.»[I].

В то же время Его величество подписал следующий рескрипт великому князю Николаю Николаевичу:

«Ваше Императорское Высочество.

Вслед за открытием военных действий причины общегосударственного характера не дали Мне возможности последовать душевному Моему влечению и тогда же Лично стать во главе армии, почему Я возложил Верховное командование всеми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высочество.

На глазах всей России Вашим Императорским Высочеством проявлена на войне непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое доверие и молитвенные пожелания Мои и всех русских людей, неизменно сопутствовавшие Вашему Имени при неизбежных превратностях боевого счастья.

Возложенное на Меня свыше бремя Царского служения Родине повелевает Мне ныне, когда враг углубился в пределы Империи, принять на Себя Верховное командование действующими войсками и разделить боевую страду Моей армии и вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую Землю.

Пути Промысла Божьего неисповедимы, но Мой долг и желание Мое укрепляют Меня в этом решении из соображений пользы государственной.

[I] Приказ Николая II армии и флоту. 23 августа 1915 г. // Летопись войны. 1915. № 54 (Приложение). С. 1. Ср.: Ставка Верховного главнокомандующего. Два приказа // Русская летопись. 1921. Кн. 1. С. 157–158.

Усилившееся вторжение неприятеля с Западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение военной и всей гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением деятельности всех частей государственного управления, отвлекая тем внимание от нашего Южного фронта.

Признавая, при сложившейся обстановке, необходимость Мне Вашей помощи и советов по нашему Южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество наместником Моим на Кавказе и главнокомандующим доблестною Кавказскою армией, выражая Вашему Императорскому Высочеству за все Ваши труды грубокую благодарность Мою и Родины.

Пребываю к Вам неизменно благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: "И искренно и сердечно Вас любящий

Николай".

Ставка. 23 августа 1915 г.»[I].

Решение императора вызвало большую тревогу среди дипломатических представителей союзных стран. Французский посол Палеолог послал телеграмму министру иностранных дел Делькассе 21 августа (3 сентября) следующего содержания: «Что касается внутреннего положения, оно ничуть не более утешительно. До самого последнего времени можно было верить, что не произойдет революционных беспорядков раньше конца войны. Я не могу утверждать этого теперь. Вопрос заключается в том, чтобы знать, будет ли в состоянии Россия, через более или менее отдаленный промежуток времени, выполнять должным образом свою роль союзницы. Всякая случайность должна отныне входить в предвидения правительства Республики и в расчеты генерала Жоффра»[II].

[I] Высочайший рескрипт, данный на имя Верховного главнокомандующего Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича. 23 августа 1915 г. // Летопись войны. 1915. № 54 (Приложение). С. 1–2.

[II] *Палеолог Ж. М.* Дневник посла. М., 2003. С. 358. П. Л. Барк пользовался первым, французским, изданием. См.: *Paleologue M.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Paris, 1922.

Все же военные действия, которые последовали немедленно после того, как верховное командование перешло в руки императора, были хорошим предзнаменованием.

Привожу здесь выдержку из письма Государя императрице от 25 августа (7 сентября) 1915 г. «...я получил через Алексеева телеграмму от Иванова, сообщившего, что сегодня наша 11-я армия (Щербачева) в Галиции атаковала две германских дивизии (3-ю гвардейскую и 48-ю пехотную) с тем результатом, что было взято свыше 150 офицеров и 7000 солдат, 30 орудий и много пулеметов. И это случилось сейчас же после того, как наши войска узнали о том, что я взял на себя верховное командование. Это воистину Божья милость, и какая скорая!»[I]

В это же время генерал Алексеев думал серьезно о перенесении Ставки Верховного главнокомандующего с фронта в Калугу. Император упоминает об этом часто в своих письмах к государыне. Он пишет, что немцы напирают с большой энергией в направлении Двинска и Вильны[II]. Все же армия наша получила подкрепление, немецкое наступление было остановлено, и Ставка осталась в Могилеве. Уже это было огромным успехом. И этим успехом армия всецело была обязана именно

[I] Николай II — Александре Федоровне. 25 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 224–225.

[II] Ср.: «Германцы вливаются в прореху между нашими войсками в Двинске и другими, что у Вильны, и это сильно озабочивает Алексеева, так как сведений и подробностей не имеется. Их кавалерийские патрули со следующей позади пехотой дошли до железной дороги у Полоцка! Это движение опрокидывает наш план подвоза резервов к двум упомянутым городам. Можно в отчаяние прийти, когда ты не в состоянии передвигать и сосредоточивать войска так быстро, как хотел бы. Он (Алекс[еев]) сказал мне нынче, что находит необходимым перенести Ставку, и полагает, что для этого подошла бы Калуга. Это очень печалит меня, потому что я снова буду чувствовать себя далеким от армии. Он отправил кого-то, и Воейкова тоже, для выбора подходящего места. Может быть, он и прав, но мне эта мысль очень не нравится. Если Бог вновь пошлет нам благословение и мы сможем остановить это нашествие неприятеля — тогда, разумеется, Ставка останется в Могилеве, что и удобно, и целесообразно — здесь все близко и под рукой» (Николай II — Александре Федоровне. 4 сентября 1915 г. // Там же. С. 255–256).

лично самому Государю, своим хладнокровием, выдержкой и спокойствием духа влившему силы и бодрость в своих ближайших сотрудников. Это признавал сам генерал Алексеев (см. «Русская Летопись», книга 1-я, страница 167 и след., Париж, 1921 г.[I]).

В дальнейшем именно под водительством Государя русская армия окончательно окрепла и перешла снова в наступление. Вспомним о боях Брусилова в 1916 г., после которых фронт продвинулся на 70 верст вперед и была занята нашими войсками вся Буковина и снова часть Галиции[II]. И бои на Стоходе, предпринятые для спасения Вердена, когда значительно был выпрямлен наш фронт и снова, как в 1914 г., спасена Франция[III].

С тех пор как Государь переехал на фронт, он был счастлив. Он выполнял свой долг, и он всегда чувствовал себя более дома среди военных, ближе к солдатам, чем со своими министрами. Он сосредоточивает все свое внимание на ведении войны, и текущие затруднения в стране, благодаря расстоянию, которое его отделяло от них, потеряли для него значение.

Палатами были уже утверждены законы об особых комиссиях, прикомандированных к различным министерствам. Депутаты и также представители отдельных общественных организаций должны были принимать участие в работах этих комиссий. Следовательно, наиболее срочные меры для организации нашего вооружения и для доставки снабжения войскам на фронте были уже проведены.

Император не придал большого значения политическим домогательствам Прогрессивного блока. Он смотрел на это как на попытку мало подготовленных и неопытных людей захватить власть и политическую

[I] Ставка Верховного главнокомандующего. Последние дни пребывания Государя Императора в Ставке. Могилев // Русская летопись. 1921. Кн. 1. С. 167–168.

[II] Имеется в виду Брусиловский (Луцкий) прорыв, явившийся результатом наступления русской армии на Юго-Западном фронте в течение мая — августа 1916 г.

[III] Речь идет о Ковельском сражении, длившемся с 11 июня до 26 июля 1916 г.

ответственность. Вот почему и резолюция, принятая на Съезде представителей земств и городов в Москве, показалась императору пустой пропагандой[I]. Представитель этого съезда князь Львов — председатель земств, который впоследствии возглавил Временное правительство сразу после революции, и городской голова Москвы Челноков просили разрешения поехать в Ставку, чтобы представить Государю пожелания съезда. Его величество отказался их принять[II].

Вот содержание резолюции, выработанной на Съезде земств и городов в Москве:

«Съезд представителей городов России считает своим святым долгом в минуту тяжких испытаний горячо приветствовать нашу стойкую, доблестную родную армию. Пусть знает она, что все мысли и чувства граждан России слиты в стремлении к победе и страстном желании всеми силами помочь героям в тяжелой борьбе, выпавшей на их долю. По-прежнему исполнен русский народ решимости довести войну до конечной победы в тесном единении с нашими верными союзниками. Роковым препятствием на пути к конечной победе стоят все те же старые пороки нашей государственности — безответственность власти и ее оторванность от страны. Необходим решительный честный поворот на новый путь. Это требует долг перед родиной. На смену нынешнего правительства должны быть призваны люди, облеченные доверием народа. Творческая работа народного представительства должна быть возобновлена безотлагательно...»[I]

[I] «Пустой пропагандой» резолюции Общеземского и Общегородского съездов должны были показаться Николаю II еще и потому, что в них говорилось об отказе кабинета И. Л. Горемыкина от сотрудничества с общественностью. Между тем в сентябре — октябре 1915 г., когда якобы произошел разрыв между правительством и оппозицией, по решению Совета министров, утвержденному царем, Земский и Городской союзы получили от государства почти 57 000 000 руб., между тем как подчиненный правительству Красный Крест — 7 000 000, а черносотенное Курское земство — всего лишь 270 000 руб. В течение первого года войны, к 26 июня 1915 г., Земский союз получил от казны 72 241 050 руб., т. е. около 6 000 000 в месяц, а с 1 июля 1915 по 1 января 1916 г. — 115 266 194 руб., т. е. 19 000 000 в месяц. За третье полугодие войны, когда, по мнению лидеров оппозиции, произошел разрыв между нею и правительством, ежемесячные субсидии Земскому союзу возросли в три раза (*Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 119).

[II] Упомянутое П. Л. Барком событие произошло 11 сентября 1915 г., когда Николай II написал на телеграмме Н. Б. Щербатова о результатах Общеземского и Общегородского съездов: «Этих самозваных уполномоченных я, конечно, не приму, о чем известите Щербатова» (*Куликов С. В.* Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 23, 34).

Эта резолюция была повторением пожеланий, высказанных за месяц перед тем императору Московской городской думой[II].

Государь дал на это обращение следующий ответ:

«Сердечно благодарю Московскую городскую думу за единодушно выраженные Мне верноподданнические чувства. Особенно ценю их в настоящие трудные для нашей родины дни. Верю в их искренность и вполне разделяю мысль, что теперь, когда все силы должны быть направлены к одной цели — одолению врага, особенно необходимо единение Царя и Его правительства с народом»[III].

[I] П. Л. Барк воспроизвел первую половину резолюции, принятой на Общегородском съезде. См.: Там же. С. 35.

[II] Подразумевается следующая резолюция, принятая Московской городской думой 18 августа 1915 г.: «1) Москва знает, что во власти врага целый ряд наших городов и даже крепостей. Но Москва неуклонно и твердо верит в русскую армию и ее вождя — великого князя и готова напрячь все свои силы для создания условий, обеспечивающих победу. Война должна быть доведена до конца. Мир должен быть заключен только после полной победы над врагом и при единодушном согласии всех союзников. 2) Война вступила в новую фазу. Создавшееся положение ставит новые, более ответственные задачи. В этот момент все силы страны, все слои населения должны соединиться в общей напряженной работе, чтобы предпринять все, что ведет к победе. 3) Основанием к достижению победы служит единение народного представительства со страной. Москва убеждена, что Государственная дума сумеет в этот час исполнить пожелания, продиктованные страной. 4) Стоящая ныне ответственная задача требует созыва правительства, сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна» (Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 405).

[III] Тяжелые дни... С. 98. Ответная телеграмма Николая II была отправлена 21 августа 1915 г. На состоявшемся тогда же заседании Совета министров П. Л. Барк оказал существенное влияние на содержание этой

Когда председатель Государственной думы Родзянко добивался аудиенции в Ставке, чтобы представить Государю пожелания Думы, ему было отказано в этом.

Государь был горько разочарован. Он согласился с мнением большинства министров, сделал соответствующие перемены в кабинете и уволил тех, которые были неугодны Думе. Он затем созвал Думу экстренно. Все эти уступки не были оценены Государственной думой. Дума стала добиваться новых и радикальных перемен в режиме, которые император считал во время войны недопустимыми[1].

телеграммы. Парируя замечание С. Д. Сазонова: «Лучше избежать касаться в ответе вопроса о великом князе», министр финансов заявил: «Я не совсем согласен с опасениями С. Д. Сазонова. Все знают, что перемещение Николая Николаевича на Кавказ дело решенное. Надо оттенить, что такое решение порождено не личными мотивами, и подчеркнуть, что доверие царя к великому князю непоколебимо, что в оценке его ратного подвига царь не расходится со страною. Затем надо поярче выразить, что Государь император с полным доверием относится к Москве, верит в искренность ее тревоги, ждет полного единения верноподданных в тяжкую годину. Нельзя, по моему убеждению, оставить без ответа не только московский, но и всероссийский вопль о твердой власти. Надо упомянуть в телеграмме, что Государем императором преподаны указания о направлении правительственной деятельности в согласии с общественными пожеланиями. Закончить можно царским призывом ко всем верноподданным исполнить свой долг до конца» (Там же. С. 90–91).

[1] Разочарован был и П. Л. Барк, который 10 ноября 1915 г. заявил левому октябристу И. С. Клюжеву: «Правительство шло к вам навстречу; неприятные вам министры были удалены, и все делалось для сближения с вами, но вы не захотели такого сближения. В Думе начались несвоевременные выпады — потребовали даже ответственного министерства, и дело кончилось тем, чем и должно было кончиться при таких условиях — Дума была распущена. Поверьте, что это непростительная ошибка с вашей стороны». Полностью оспаривать упреки П. Л. Барка И. С. Клюжев не стал. «Да, отчасти вы правы, — ответил он, — но при создавшихся условиях трудно было удержать равновесие» (Дневник А. В. Клюжевой // РГИА. Ф. 669 (И. С. Клюжев). Оп. 1. Д. 17. Л. 29).

ГЛАВА XVII

В эти тревожные дни, когда Государь, вопреки своей обычной мягкости, решил настоять на первоначальной политике, которая была чревата весьма тяжелыми последствиями, мне пришлось покинуть Россию, чтобы принять участие во второй конференции трех союзных министров финансов, которая была назначена в Лондоне[1]. Я направился по тому же маршруту, через Румынию, Болгарию и Сербию в Салоники, где меня ожидал крейсер «Аскольд». Морской министр просил меня захватить с собой награды для некоторых офицеров и матросов «Аскольда», и я с особенным удовольствием роздал порученные мне ордена среди офицеров и чинов команды. Помимо сего я от себя привез небольшой подарок — серебряный жбан для кают-компании, с серебряными чарками по числу офицеров с выгравированным именем

[1] П. Л. Барк выехал 28 августа 1915 г. из Петрограда через Румынию, Салоники, Булонь в Париж и Лондон. Он не упоминает, что перед отъездом, по свидетельству А. А. Поливанова, «лично представил Государю свое прошение об отставке, но оно было им разорвано с указанием, что теперь не время министру финансов оставлять свои обязанности» (*Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 159).

Для Хвостова, коему стало известно, что он намечался Государем в министры, назначение Макарова было, конечно, большим ударом по самолюбию. Будучи очень честолюбив, он задался целью проникнуть непременно на верхи власти и использовать другие пути, чтобы привлечь внимание Государя. Оставив ряды бюрократии, чтобы попасть в Государственную думу, он там примкнул к правой партии и выступал неоднократно с крайне патриотическими (шовинистскими) речами.

Наряду с этим он приложил старания сблизиться с Распутиным и Вырубовой, чтобы завоевать доверие императрицы и при ее посредстве достигнуть министерского портфеля, что ему и удалось, хотя и не без труда. В своих письмах императрица неоднократно и настоятельно рекомендует Хвостова в качестве министра внутренних дел. Однако Государь медлил остановить свой выбор на Хвостове. Возможно, что он помнил отрицательную оценку графа Коковцова и что настояния императрицы и Вырубовой побуждали его относиться к Хвостову с некоторой осторожностью.

Нужно отдать справедливость императрице в том, что она искренно сожалела потом о своей настойчивости и признается в этом в своих письмах Государю.

Во время революции Хвостов был заключен в тюрьму и впоследствии расстрелян большевиками. (*Примеч. авт.*)

Здесь П. Л. Барк неверно описывает обстоятельства назначения А. Н. Хвостова 26 сентября 1915 г. управляющим МВД. Как и в сентябре 1911 г., А. Н. Хвостов являлся личным выбором Николая II, который еще в конце июля 1915 г. заявил о своем намерении назначить его руководителем МВД И. Л. Горемыкину, однако премьер выступил против этого, имея собственного кандидата в лице, прежде всего, государственного секретаря С. Е. Крыжановского. В первой декаде августа царь, во время аудиенции, данной А. Н. Хвостову, посоветовал ему встретиться с Александрой Федоровной, для чего думец и воспользовался посредничеством ее подруги А. А. Вырубовой, встретившись с ней 29 августа. Между тем, как это бывало при разногласии Николая II со своими сотрудниками по кадровым вопросам, императрица заняла сторону супруга и в письме от 22 августа поддержала избранника Николая II, однако — не окончательно, раздумывая еще и относительно другого кандидата И. Л. Горемыкина — А. Б. Нейдгарта. Только после организованной А. А. Вырубовой встречи Александры Федоровны и А. Н. Хвостова, состоявшейся 17 сентября, царица однозначно поддержала кандидата царя. В это время Г. Е. Распутин находился у себя на родине, в Сибири, куда о близости назначения А. Н. Хвостова старцу телеграфировала А. А. Вырубова и откуда, по телеграфу же, 16 сентября Г. Е. Распутин благословил выбор Николая II. С А. Н. Хвостовым, уже назначенным управляющим МВД 26 сентября, старец, вернувшийся в Петроград 28 сентября, встретился только на следующий день (*Куликов С. В.* Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 34–55; 2016. № 1. С. 36–57).

Для замены министра земледелия Кривошеина Государь также выбрал члена законодательной палаты. Он назначил Наумова, который принадлежал к правой группе выборных челнов Государственного совета[I]. Наумов был предводителем дворянства Самарской губернии[II], крупным землевладельцем, женат на дочери богатого московского коммерсанта[III]. Он был популярен в своей губернии, хорошо знал сельское хозяйство и, как человек, не принадлежащий к бюрократии, мог рассчитывать на хороший прием в Государственной думе.

Назначением депутатов на министерские должности Государь хотел показать, что ничего не имеет против привлечения в состав правительства членов законодательных палат. Однако этими единичными назначениями он вместе с тем подчеркивал, что сохраняет за собой полную свободу выбора своих сотрудников, которые продолжают нести ответственность непосредственно перед монархом, а не перед законодательными палатами.

Государь не желал переходить к парламентаризму по образцу Англии и Франции, где премьер назначается из состава депутатов и ему поручается подбор министров также из числа депутатов. Впрочем, во Франции бывали исключения, как и в Англии во время войны. Во Франции неоднократно генералы, не будучи депутатами, занимали должность военного министра.

Государь желал сохранить систему, принятую в Германии, Австрии и Америке, где глава государства не стеснен определенной средой для выбора премьера и прочих министров и где министры ответственны не перед палатами, а только перед главой государства.

[I] А. Н. Наумов был назначен управляющим Министерством земледелия 10 ноября 1915 г., утвержден в должности министра 1 января 1916 г. С 1909 г. являлся выборным членом Государственного совета, где входил в Группу правого центра.

[II] В 1902–1905 гг. А. Н. Наумов занимал пост ставропольского уездного предводителя дворянства (Самарская губерния), в 1905–1915 гг. — самарского губернского предводителя дворянства.

[III] Женой А. Н. Наумова была Анна Константиновна, урожденная Ушкова, дочь известного миллионера.

Наумов был милейший человек, настоящий русский барин, привыкший к широкой жизни, к русскому гостеприимству и поддерживающий лучшие отношения со своими соседями. Государственная дума приняла его с распростертыми объятиями. Он прекрасно владел словом, имел большой опыт выступать в многолюдных собраниях и знал, как захватить аудиторию и расположить ее в свою пользу.

Я помню один случай, когда мне пришлось говорить с трибуны Государственной думы после него. Он в небольшой речи привлек внимание всей Думы и закончил свои объяснения несколькими удачными словами, свидетельствовавшими, что он чувствовал себя в своей среде, которая его понимала. Когда он сходил с трибуны, Дума провожала его громкими аплодисментами[I].

Мое выступление было совершенно иного характера. Это был сухой доклад бюрократии, к коему Дума относилась враждебно, прерывая его объяснения разными замечаниями. Когда я кончил, только со стороны крайних правых раздалось несколько единичных хлопков[II].

Однако в заседаниях Совета министров, где прения были краткие и требовали не красноречия, а основательного знакомства с обсуждавшимися вопросами, Наумову было трудно выдержать конкуренцию со своими коллегами, прошедшими серьезную бюрократическую школу. Он не всегда имел время ознакомиться со справками, заготовленными для него подлежащими департаментами его министерства, и защита дел его ведомства зачастую оставляла желать лучшего. Видимо, заседания Совета министров были ему в тягость, и он был рад посылать на них под разными предлогами товарищей министра вместо себя. Помню один забавный случай, когда по окончании заседания Совета министров, в коем Наумов не мог присутствовать будто бы по болезни, я возвращался к себе пешком. Мне пришлось проходить мимо Министерства земледелия, и, когда я поравнялся с этим зданием, я, к удивлению своему, увидел выходящего Наумова. Он сконфузился как ученик, манкировавший классный урок, и пытался найти объяснения, почему он не мог присутствовать на заседании Совета министров.

[I] Имеется в виду состоявшееся 18 февраля 1916 г. выступление А. Н. Наумова в Общем собрании IV Государственной думы, которое было довольно длинным, однако в конце этого выступления он выразил сочувствие оппозиции, чем вызвал «бурные рукоплескания слева и в центре». См.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия 4. Стб. 1831–1856.

[II] Действительно, 18 февраля 1916 г. П. Л. Барк выступил непосредственно после А. Н. Наумова (Там же. Стб. 1857–1867), однако П. Л. Барк, оценивая свою речь, выказал, по отношению к себе, явную скромность. Как заявил 20 февраля 1916 г. на заседании очередного съезда Кадетской партии рязанский делегат А. В. Елагин, выступлению П. Л. Барка «все в Думе рукоплескали» (Шестой съезд Конституционно-демократической партии 18–21 февраля 1916 г. // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. М., 2000. Т. 3, кн. 1. С. 290).

Пребывание его среди нас было также кратковременным. Через несколько месяцев его заменил граф А. А. Бобринский[I], принадлежавший также к членам Государственного совета правой группы, однако по назначению, а не по выборам, как Наумов[II].

Уход Кривошеина был огромной потерей для правительства. Собственно говоря, он был душой Совета министров и пока поддерживал престарелого Горемыкина, последний, несмотря на свой возраст, мог руководить делами Совета[III]. Когда же между этими двумя лицами образовалась пропасть, положение Горемыкина стало невозможным. Несмотря на желание Государя поддержать авторитет Горемыкина и на смену нескольких министров, было ясно, что такая обстановка долго продолжаться не может.

Давая распоряжение о перерыве занятий Государственной думы, Государь никогда не имел в виду ее окончательный роспуск. Он желал, чтобы Дума продол-

[I] А. Н. Наумов был заменен графом А. А. Бобринским 21 июля 1916 г.

[II] А. А. Бобринский являлся председателем Правой группы верхней палаты, между тем как А. Н. Наумов 21 июля 1916 г. стал членом Государственного совета по назначению.

[III] П. Л. Барк писал своему сыну 2 ноября 1915 г.: «Ушел А. В. Кривошеин, душа нашей коллегии, которая теперь значительно изменилась» (П. Л. Барк — Ю. П. Барку. 2 ноября 1915 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 453).

жала свою регулярную работу и чтобы годовой бюджет, как обычно, прошел через обе законодательные палаты.

Из писем Государя и императрицы видно, что уже в ноябре 1915 г. Государь имел в виду созвать Государственную думу для рассмотрения бюджета. Вследствие непопулярности Горемыкина предполагалось, что он по болезни будет отсутствовать при открытии новой сессии, а Государь лично приедет в Думу и скажет краткое приветствие. Это предположение тогда не осуществилось, но Государь этой мысли не оставлял[1].

По отъезде Государя на фронт, когда никаких чрезвычайных событий, коих многие опасались, не произошло, наступило некоторое затишье, и все внимание Государя сосредоточилось на нуждах армии, на ее снаряжении и надлежащей подготовке для наступления

[1] В Указе о перерыве занятий IV Государственной думы 3 сентября 1915 г. было сказано, что они возобновятся «не позднее ноября» того же года. «Конечно, — соглашалась императрица с мужем, имея в виду открытие нижней палаты в ноябре, — если бы ты мог появиться и сказать несколько слов, совершенно неожиданно, в Думе (как ты это полагал), то это могло бы все переменить, и было бы блестящим выходом из положения. После этого старику (И. Л. Горемыкину. — *С. К.*) стало бы легче, — или лучше, чтобы он заболел за несколько дней до открытия Думы и не открывал бы ее лично, чтобы не быть ошиканным?» (Александра Федоровна — Николаю II. 13 ноября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 384). Однако после встречи с И. Л. Горемыкиным, состоявшейся 15 ноября, Александра Федоровна писала: «Ну, дело идет о том, созывать ли теперь Думу — он против этого. Им сейчас нечего делать. Бюджет был внесен министром финансов с опозданием на 5 или 6 дней, и они еще не начали предварительных работ, которые требуются перед представлением его на обсуждение всей Думы.. Одним словом, таков совет старика, плод долгого размышления и вчерашних разговоров с одним членом Думы, имя которого он просил не называть. Он хочет посоветовать тебе дать 2 рескрипта — один на имя Куломзина (А. Н., председатель Государственного совета. — *С. К.*) и другой на имя Родзянко, в котором ты указал бы на то, что комиссии еще не разработали бюджета и слишком рано поэтому созывать всю Думу, и чтобы Родзянко представил тебе доклад, как только они окончат предварительную работу» (Александра Федоровна — Николаю II. 15 ноября 1915 г. // Там же. С. 390). Именно согласно совету И. Л. Горемыкина и поступил Николай II, подписавший 23 ноября Указ и рескрипты на имя председателей Государственного совета и Государственной думы А. Н. Куломзина и М. В. Родзянко об отсрочке начала их занятий «впредь до окончания подготовительных работ по утверждению государственных доходов и расходов».

весной. Задачи тыла, авторитет правительства, политические домогательства думских кругов, внутренняя политика отошли на задний план. Государь считал, что дал хороший урок и своим министрам, и политическим деятелям. Во время войны надлежит, прежде всего, заботиться об армии, победить противника, а не заниматься внутренними раздорами.

Когда мне приходилось бывать с докладом у Государя в Ставке[1], Его величество мне неоднократно говорил, насколько хорошо он чувствует себя среди своей армии и насколько ему несимпатична вся атмосфера столицы, когда возвращается на короткое время в Царское Село. На фронте люди защищают свою родину и жертвуют собой, а в тылу занимаются сплетнями, интригами и личными интересами.

К сожалению, безучастность Государя к тылу побуждала его относиться довольно безразлично и к задачам правительства. Встав на путь персональной политики, приняв верховное командование и определив курс внутренней политики вопреки мнению большинства Совета министров, Государь тем самым принял лично на себя все бремя ответственности административной машины. Совет министров, как объединенное правительство, перестал существовать, министры превратились в простых начальников своих ведомств, коих Государь вызывал к себе в отдельности, для выслушивания их докладов по текущим делам.

Понятно, что при таких условиях авторитет правительства не мог не пострадать. Если же принять во внимание, что при многих министрах были учреждены особые совещания, с представителями из законодательных

[1] В конце 1915 г. Николай II принимал П. Л. Барка в Ставке два раза — 16 октября и 13 ноября, когда записал: «До обеда принимал Барка», «После завтрака принял Барка» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 160, 167). «Ты, — писала царица супругу 12 ноября, — только сегодня вечером прибываешь в Ставку, так что мне кажется невозможным, что ты покинешь ее 13-го. Кроме того, Барк ждет тебя в Могилеве — и, наверное, с массой дел» (Александра Федоровна — Николаю II. 12 ноября 1915 г. // Переписка Николая и Александры. С. 378).

учреждений и из общественных и других организаций, то станет ясно, насколько власть правительственного аппарата была ослаблена. Среди этих совещаний самое большое значение приобрело, понятно, Совещание государственной обороны при Военном министерстве[I], постановления коего приводились в исполнение помимо Совета министров.

Кроме того, не следует забывать, что территория театра военных действий, как упомянуто выше, была непосредственно подчинена военным властям во главе с командующими армиями. Эта территория все время расширялась все более и более.

Вполне очевидно, что полномочия и значение правительства были низведены до крайности, в ущерб правильному функционированию административного аппарата.

После отъезда Государя в Ставку и перерыва занятий Государственной думы в оппозиционных кругах наступил период растерянности.

Оппозиция предсказывала ужасы от перемены командования: продвижение неприятеля чуть ли не до Москвы. Однако натиск неприятеля был остановлен и не нужно было даже эвакуировать Киев и Могилев, относительно коих уже делались все приготовления.

Оппозиция предсказывала внутренние волнения и смуты, если не будет образовано Министерство общественного доверия, то есть [из] парламентариев. Произошла некоторая перемена министров, но самый непопулярный — премьер Горемыкин остался, и страна нисколько не реагировала на это, ответила полным равнодушием на последовавшее решение Государя не считаться с пожеланиями парламентариев.

Интересно отметить те настроения (атмосферу), которые образовались в разных оппозиционных группах. В «Красном архиве» напечатаны документы, отчеты заседаний разных групп, по коим можно точно проследить, что в это время происходило в этих кругах[II]... Прогрессивный блок, который был образован из членов Государственной думы и Государственного совета и вел переговоры с правительством о перемене кабинета, имел многочисленные заседания, на коих присутствовавшие никак не могли прийти к определенному плану. Лишь постепенно намечается известная линия поведения и определяется будущая тактика оппозиционных элементов.

[I] Т. е. Особое совещание по обороне государства.

[II] См.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 117–160; Т. 52. С. 143–196; 1933. Т. 56. С. 80–135.

Члены блока откровенно признаются, что первая их фронтальная атака на правительство потерпела поражение. Это поражение в стране никакого эффекта не произвело, но отразилось на отношениях к блоку со стороны крайних левых элементов, социалистов. Последние рассчитывали на победу. Поражение же подорвало престиж блока в их глазах, и они решили идти самостоятельным путем.

На заседаниях блока неоднократно поднимался вопрос, не следует ли совсем бойкотировать правительство и демонстративно выйти из разных совещаний, которые в законодательном порядке были образованы при некоторых министрах (военном, путей сообщения, земледелия и торговли). Такая тактика облегчила бы оппозиции все недочеты по снабжению и продовольствию армии приписывать правительству. Однако депутаты пришли к убеждению, что общественное мнение сложилось бы не в их пользу. Правительство широко раскрыло двери министерств для совместной работы бюрократии с депутатами и представителями разных частных организаций на нужды армии, и на такой призыв нельзя было отвечать бойкотом. По существу, все эти новые элементы были привлечены к административной работе правительственного аппарата, и они становились ответственны, наряду с правительством, за все дальнейшие непорядки. Депутаты сознавали трудность своего положения, и им хотелось избавиться от ответственности. В конце концов, было решено не покидать особых совещаний[I]. Однако работа в них не помешала в дальнейшем продолжать нападки на

[I] Ср. с записью совещания лидеров оппозиции, состоявшегося сразу после перерыва занятий нижней палаты 3 сентября 1915 г. См.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 154–157.

правительство и обвинять его в нераспорядительности и неумелости, несмотря на то, что в действительности все административные распоряжения по снабжению армии происходили с ведома и при участии депутатов и прочих представителей разных организаций.

После долгих прений был принят коренной принцип, что конфликт, который существовал между оппозицией и правительством, перешел в конфликт между оппозицией и короной. Такая постановка проблемы требовала соответственного изменения тактики. Понятно, что козлом отпущения по-прежнему должно было остаться правительство. Однако задача теперь сводилась к тому, чтобы атаку направить через голову правительства на личность самого монарха. Проблема значительно осложнялась и требовала иных методов[I].

Фронтальная атака была исключена. Намечалась длительная осада власти, которая требовала применения различных способов и в разных областях. Прежде всего, было решено добиваться скорейшего возобновления занятий Государственной думы, дабы иметь открытую трибуну для пропаганды.

Было также решено усилить пропаганду при содействии органов Союза земств и городов, в особенности на

[I] На совещании руководителей Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. А. И. Гучков заявил: «В каждой борьбе риск есть. Но его преувеличивают. Прострация есть, но есть и выигрыш — в выяснении положения. Все иллюзии исчезли, и все разногласия отпали. Разногласия в диагнозе нет. Почему кажется, что общественное мнение апатично. Оно достигло пределов отчаяния. Пациент признан moribundus (тем, кто должен умереть (*лат.*). — *С. К.*). Тут замерли, потому что предстоит акт великой важности. В выставленных лозунгах мы найдем небывалое единодушие и в тылу, и в армии. Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью. Все равно, обстоятельства к этому приведут. Молчание будет истолковано в смысле примирения. Мы никогда не присутствовали при кучке безответственных людей. Режим фаворитов, кудесников, шутов. Это новая нота, которая должна быть сказана. А это — разрыв мирных сношений с властью. Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обеспечен — благоприятный. Но нас ведут к полному внешнему поражению и к внутреннему краху». «Конфликт с короной, — говорил далее А. И. Гучков, — не нужно создавать, а надо зафиксировать. Каждая группа найдет формулу для выражения этого конфликта» (Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 52. С. 148, 150).

фронте. Решено было также усилить влияние оппозиционных кругов на рабочих, входивших в состав Военно-промышленного комитета[I], и привлечь их на свою сторону[II]. Денежные средства находились в изобилии, так как таковые отпускались правительством щедрою рукою из государственных сумм, будто бы на нужды государственной обороны[III].

[I] Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) — общественная организация военного времени, образованная 30 мая 1915 г. по решению IX Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли для содействия правительству в области снабжения армии и флота необходимыми предметами снаряжения и довольствия. ЦВПК венчал собой сеть местных военно-промышленных комитетов. Председателями ЦВПК были Н. С. Авдаков (30 мая — 27 июля 1915 г.) и А. И. Гучков (27 июля 1915 — 3 марта 1917). В ЦВПК входили представители его отделов, местных военно-промышленных комитетов, Совета съездов представителей промышленности и торговли, советов съездов различных отраслей промышленности, Земского и Городского союзов, Петроградского и Московского городских самоуправлений, Русского технического общества, Центрального комитета военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций, Всероссийского союза инженеров, Всероссийской сельскохозяйственной палаты, Вольно-экономического общества, петроградских вузов, министерств и ведомств и членов, избранных по решению ЦВПК. Подобно Земскому и Городскому союзам, ЦВПК формально являлся аполитичным, однако с августа 1915 г., поддерживая Прогрессивный блок, фактически стал оппозиционной организацией, участвовавшей в подготовке и проведении Февральской революции 1917 г. При этом военно-промышленные комитеты имели ничтожное производительное значение, поскольку за 1915–1917 гг. поставили лишь 5% от общего объема необходимых предметов снаряжения и довольствия, остальное произвели казенные (15%) и частные (80%) заводы (*Протопопов А. Д.* Предсмертная записка... С. 561).

[II] С 29 ноября 1915 по 27 января 1917 г. при ЦВПК существовала Рабочая группа, в которую входили члены, избранные на фабриках и заводах Петрограда, — меньшевики и эсеры. Председателем Рабочей группы являлся рабочий-меньшевик К. А. Гвоздев. Позднее аналогичные группы были образованы при местных военно-промышленных комитетах. Руководители ЦВПК использовали его Рабочую группу и связанные с ней структуры для политической мобилизации столичного пролетариата накануне и во время Февральской революции. Подробнее см.: *Куликов С. В.* Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90.

[III] Действительно, подобно Земскому и Городскому союзам, в финансовом отношении ЦВПК и другие военно-промышленные комитеты полностью зависели от казны, которая в 1915–1917 гг. выделила им 170 млн руб. См.: *Протопопов А. Д.* Предсмертная записка... С. 557.

Конечной целью становился дворцовый переворот в случае, если Государь вторично отклонит домогательства об образовании кабинета из парламентариев. Неоднократно упоминается 11 марта, то есть день убийства императора Павла I. Оппозиционные круги готовили Государю Николаю II участь одного из его несчастных предков[I].

Преемником Государя намечалось его брат, великий князь Михаил Александрович, в положении регента, до достижения наследником Алексеем Николаевичем совершеннолетия. Дабы заблаговременно склонить великого князя Михаила Александровича к более либеральному курсу внутренней политики, были завязаны сношения с его морганатической супругой Н. С. Брасовой, которая имела большое влияние на великого князя. По этому поводу в заседании Прогрессивного блока отмечается, что лицо, близкое к Н. С. Брасовой, имело беседу с великим князем Михаилом Александровичем, который отлично понимал неправильность и опасность пути, на который вступил Государь. Великий князь будто бы заметил: «Да минует меня чаша [сия]! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам»[II].

Одновременно имелось в виду установить близкие связи с командующими армиями, с начальником штаба

[I] На совещании лидеров Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. В. А. Маклаков рассуждал: «Скажем ли, что не нужно хранить спокойствие? Поднять забастовки, заставить страну идти путем брожения — мы идем путем, которого боимся. Если бы я был убежден, что не можем победить (Гучков: "При современной власти") — я надеюсь на deus ex machina — на 11-е марта. Либо перестать бояться всеобщей забастовки... Додумаем до конца: 11-е марта, забастовка?» (Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 52. С. 150).

[II] На совещании руководителей Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. М. М. Федоров сообщил: «Выдвинули Татищева (С. С., граф. — *С. К.*) в торгово-промышленный комитет — лицо, близкое к жене Михаила Александровича, вели беседу о современном положении. М. А. говорил, что отлично понимает неправильность и опасность пути, на который вступил царь с Горемыкиным... М. А. ответил (один из претендентов): "Да минует меня чаша! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен"» (Там же. С. 146–147).

Верховного главнокомандующего и конспиративно подготовить почву для дворцового переворота, заручившись согласием наиболее влиятельных лиц командного состава.

Подробности этого плана не обсуждались в Прогрессивном блоке. Там только была брошена мысль о дворцовом перевороте, о чем, между прочим, упоминает В.А. Маклаков[I].

Детальное осуществление этого плана явилось заботой особого секретного «Комитета народного спасения», который образовался в Москве еще в начале сентября 1915 г. и главными деятелями коего были Гучков, Керенский и князь Львов. Все трое вошли потом в состав Временного правительства: князь Львов в качестве премьера, Гучков в качестве военного министра, Керенский в качестве министра юстиции. Установление связи с армией взял на себя Гучков. Об этом плане Гучков давал показания в следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для выяснения всех проступков членов Императорской фамилии и Императорского правительства[II]:

«*Соколов*[III] (член следственной комиссии): "Вы говорили, что наступил момент, когда вы и ваши друзья предполагали, что не позднее Пасхи переворот или отречение Государя совершится?"

Гучков: "Переворот".

Соколов: "К какому моменту вы можете отнести это ваше убеждение или ваши разговоры об этом с вашими друзьями — к январю или к февралю?"

Гучков: "Значительно раньше".

Соколов: "Когда вы намечали, что переворот должен был совершиться, вы не справлялись о настроении и об отношении к этому возможному перевороту со стороны высшего командного состава или хотя бы некоторых органов, если не высшего, так среднего калибра?"

[I] Подразумеваются рассуждения В. А. Маклакова, высказанные им на совещании 25 октября 1915 г. См.: Там же. С. 150.

[II] Имеется в виду Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства.

[III] Сенатор, назначенный Временным правительством. (*Примеч. авт.*)

Гучков: "...Довольно трудный вопрос вы задаете. Я был убежден, что этот переворот, раз он будет совершен, будет встречен сочувственно всеми, сверху донизу... Я должен сказать (а я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры), что провести это было трудно технически. Если бы дело шло о том, чтобы поднять военное восстание, будь то на Северном или Румынском фронте, такое дело оказалось бы чрезвычайно легким, но план заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью... Здесь Петроградский гарнизон не представлял, конечно, трудностей, но все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс. Я был убежден, что солдаты пойдут на это дело, что было бы достаточно одного приказания и чтобы их повели куда нужно и когда нужно. Но я хочу резюмировать ответ на ваш вопрос. В том, что этот акт будет приветствован армией сверху и донизу, я не сомневался ни одной минуты. Были люди, которым это трудно досталось; вы сами понимаете, что у многих из них известные принципиальные верования и симпатии, для многих это представляло трагедию. Но я был убежден, что, за мелкими исключениями, все бы присоединились и все бы сочувственно отнеслись. Затем, технические условия акта, который казался мне необходимым, встречали, конечно, известные затруднения".

Соколов: "Не вправе ли я понять так, что в личном офицерском составе вы встречали затруднения? Может быть, в тех частях, где нужны были офицеры такого типа, их не находилось в достаточном количестве?"

Гучков: "Отказа не было, но требовалась с нашей стороны известная осторожность, потому что преждевременное раскрытие могло бы сделать этот шаг совершенно невозможным. Я твердо верил, что, если бы у нас было больше времени, мы бы это сделали"»[1].

Интересно отметить, какую задачу преследовал и взял на себя секретный Комитет народного спасения, образовавшийся в Москве. Программа этой организации была опубликована в «Красном архиве» под заголовком: «Диспозиция № 1 от 8-го сентября 1915 г.» (№ 26 «Красного архива»):

«Необходимо:

1) Признать, что война ведется на два фронта: против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри.

2) Отделить определенно и открыто людей, понимающих и признающих наличность внутренней войны, столь же важной, как и внешняя, от людей, не понимающих или не желающих признать наличность двух войн.

3) Признать, что достигнуть полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной полной победы над врагом внутренним.

4) Признать, что полная победа внутри означает публичное и окончательно связующее преклонение всех без исключения лиц в империи перед утверждением: "русский народ есть единственный державный хозяин земли Русской", с соответственными из сего практическими выводами, а именно: право хозяина иметь свое мнение, открыто его высказывать и требовать беспрекословного подчинения его организованной воле.

5) Для успешности борьбы по внутреннему фронту отставить идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными, немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А.И. Гучков и А.Ф. Керенский, и, отказавшись при выборе кандидата от назначения по признаку личного уважения и прошлых заслуг, назначать исключительно по признакам: а) ясности мышления, б) честности слова и в) твердости воли.

[1] Падение царского режима... М., Л., 1926. Т. 6. С. 278–280.

6) Признать, что организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилам военной централизации и дисциплины, совместно с широкой инициативой отдельных частных начальников. Лозунг объединения и борьбы: возвращение в руки хозяина — русского народа в лице его организованного представительства — прав, узурпированных за время его несовершеннолетия приказчиком.

7) Верховное командование организованным народом в борьбе за свои права принять на себя А.И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России.

8) Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусными. Памятуя, что лиц с именами, на которые с упованием взирают армия и народ, никто тронуть не посмеет, эти лица должны дерзать произносить своевременно слова и действия, другим недоступные. Коронованные народным доверием и надеждой, они должны принять на себя не только лавры венков, но и их тернии.

9) Мирная борьба разумеет, прежде всего, открытое и всенародное отделение козлищ от овец. Кто за народ, должен быть отделен и сорганизован, дабы тверды и дисциплинированы были его кадры. Кто против народа, тот должен быть занесен в особый список с занесением его проступков и ответственности за задержку дела обновления России.

10) Сия работа, не касающаяся обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности, даст возможность определить силы обоих лагерей и в зависимости от этого укажет и способы мирной борьбы.

11) Мирная борьба должна оперировать не методами забастовок, вредных для войны внешней и для интересов населения и государства, а методом отказа войск, борцов за народное дело, от какого бы то ни было общения с лицом, удаление которого от государственных и общественных функций декретировано верховным командованием. В связи с этим все отрицательные поступки лиц у власти должны быть открыто и всенародно "записаны на книжку", с предупреждением, что по окончании войны будет отдан приказ "к расчету стройся", и никакие торжества по случаю мира и естественные утомления не [могут] сломать решимости расчет этот произвести по заслугам перед народом и армией. Должно быть твердо установлено, что врагам народа в эту поворотную минуту амнистии не будет в течение 10 лет после заключения мира.

12) Признать, что внешним фактором успеха или проигрыша внутренней войны представляется пресса и ее повышающее — правдиво патриотическое — или понижающее — лживо-пошлое — воздействие на массы. Посему: а) перестать сентиментальничать с прессой, руководители которой цинично набивают себе карманы, покупая свои доходы прислуживанием к врагам народа; б) подчинить прессу верховному командованию и требовать ее согласованных действий, несогласных же заставить молчать путем снятия с работы рабочего персонала и объявления бойкота неподчинившихся органов печати.

Пока не представляется желательным развивать далее сии основные решения. Сочувствующие приглашаются заявлять о том вышеуказанным лицам. Из числа этих заявлений будет видно, созрели ли обыватели до сознания неотложной необходимости по-военному организованной, не боящейся света армии для открытой мирной, но неослабной борьбы за победу, порядок и права народа. В зависимости от развития событий на внутреннем фронте диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено»[1].

[1] Диспозиция Комитета народного спасения // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 212–213. А. Я. Аврех, игнорируя мнения предыдущих авторитетных исследователей (С. П. Мельгунова и Г. М. Каткова), увидел в диспозиции плод политического графоманства, поскольку в декабре 1915 г. один из лидеров Партии прогрессистов А. Н. Брянчанинов, которому принадлежали экземпляры диспозиции № 1 и 2, обнаруженные Департаментом полиции, заявил на допросе в Петроградском охранном отделении его начальнику, генералу К. И. Глобачеву, что «не помнит, от кого и при каких обстоятельствах он получил осенью 1915 г. упомя-

Генерал Деникин в своих воспоминаниях говорит об этом заговоре:

«Алексеев осенью 1916 г. тяжко заболел и лечился в Севастополе, не прекращая, однако, связи со Ставкой, с которой он сносился по прямому проводу... В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета. Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, "и так не слишком прочно держится", и просил во имя сохранения армии не делать этого шага. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота. Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое пер-

нутые циркуляры». А. Н. Брянчанинов охарактеризовал их как один из «курьезов, распространявшихся в те времена» (*Аврех А. Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 101). Однако курьезом надо признать не диспозиции, а то, что А. Н. Брянчанинов, еще сравнительно молодой человек (1874 года рождения!), уже через три месяца не помнил обстоятельств появления у него пресловутых циркуляров. Очевидно, что его объяснения — всего лишь отговорка, тем более что это был тот самый А. Н. Брянчанинов, который 31 июля (13 августа) 1915 г., после беседы с А. И. Гучковым, говорил французскому послу Ж. М. Палеологу о необходимости «национальной революции» и «национального государственного переворота» (*Палеолог Ж. М.* Дневник посла. С. 337, 339), что и подразумевала диспозиция № 1. Эстонский революционер А. Э. Кескюла, связанный с германской контрразведкой, в донесении одному из ее руководителей удостоверил подлинность диспозиции и отнес ее к числу «в высшей степени интересных документов», показывающих «степень развития, достигнутую русским революционным движением к концу 1915 г.» и доказывающих, что оно стало «вполне созревшим и готовым» (А. Э. Кескюла — Штейнваксу. 9 января 1916 г. // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 259). Весьма характерно, что подлинность диспозиции фактически признал и П. Л. Барк.

воначальное решение: подготовка переворота продолжалась...

В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной думы, Прогрессивного блока, члены Императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к Государю одного из великих князей.. В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович.

В то же время большая группа Прогрессивного блока, земских и городских деятелей, причастная или осведомленная о целях кружка, имела ряд заседаний для выяснения вопроса "какую роль должна сыграть после переворота Государственная дума". Тогда же был намечен и первый состав кабинета, причем выбор главы его, после обсуждения кандидатур М. Родзянко и князя Львова, остановился на последнем»[1].

Генерал Деникин приводит выдержки из письма, которое великий князь Николай Михайлович передал Государю во время одного из своих посещений Ставки 1 ноября 1916 г.:

«Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобою доверие громадного большинства твоих подданных. Когда время настанет, а оно уже не за горами, ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность перед тобою и законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 г.

[1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: в 3 т. М., 2003. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). С. 137, 139. П. Л. Барк пользовался эмигрантским изданием этой работы (Париж, 1921).

Я долго колебался открыть тебе истину, но после того, что твоя матушка и твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений. Поверь мне, если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, а только ради надежды спасти тебя, твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий»[I].

По этому же поводу я припоминаю разговор, который я имел с Кривошеиным после того, как он уже покинул Кабинет министров и работал на фронте в качестве главного уполномоченного Красного Креста[II].

Он приехал в Петроград на несколько дней и был приглашен к завтраку вдовствующей императрицей Марией Феодоровной, которая в это время жила в Елагинском дворце, на одном из островов в устьях Невы, носящем то же имя[III].

Императрица любила Кривошеина и очень его уважала. Во время завтрака она имела продолжительный разговор с ним и делилась с ним своими тревогами по поводу внутренней политики, которую повел император. Она говорила, что невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общественного мнения. Она закончила разговор, выразив грусть и тревогу, что император своими личными действиями приготовляет себе трагическую судьбу.

I Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 140. П. Л. Барк мог пользоваться и публикацией письма Николая Михайловича в советском сборнике документов. См.: Николай II и великие князья... С. 145–147.

II А. В. Кривошеин получил отставку с должности главноуправляющего землеустройством и земледелием 26 октября 1915 г.

III Мария Федоровна записала 21 января 1916 г.: «К завтраку был Кривошеин, который затем отправился в Красный Крест» (Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 100).

ГЛАВА XIX

Я говорил о письме великого князя Николая Михайловича, адресованном императору 1 ноября 1916 г.

В течение войны великий князь несколько раз высказывал монарху свои соображения. Великий князь был научно образованный и знал основательно историю: он опасался, что по окончании войны, во время обсуждений больших проблем на мирной конференции, интересы России не будут в достаточной степени ограждены. Он долго обдумывал этот вопрос, и поэтому его письма заслуживают быть отмеченными.

Первое письмо на эту тему помечено 22 апреля 1916 г.:

«К сожалению, на сей раз я хочу поделиться с тобой некоторыми мыслями, прямо до меня не касающимися, но в связи с которыми связано мое личное ходатайство. Вот в чем дело. Скоро пойдет третий год небывалой войны, думается, что с каждым месяцем мы приближаемся к развязке. Мне мнится, что победа будет на нашей стороне и союзников, а в худшем случае ни победителей, ни побежденных не будет, и война прекратится от финансового истощения народов.

Так или иначе, необходимо уже теперь подготовиться к выбору тех людей, которым будет вверено на будущем совещании или международной конференции поддерживать честь и величие России. Эти избранники (вероятно, 5 или 6 человек) не должны быть ни бюрократами, ни бумагомарателями, ни люди с душой чиновника.

Для такой почетной задачи нужны люди самостоятельные, имеющие образовательный ценз в широком смысле этого слова, и лица смелые, не боящиеся мнения ни газет, ни различных сфер нашей болотной столицы. На будущей конференции предстоит задача нелегкая: держать все время высоко знамя своей родины, не уступая ни врагам, ни союзникам по тем вопросам, которые могут затронуть величие царя и России. Думая и передумывая все обстоятельства, которые уже возникнут на предварительных переговорах, меня тревожит все то, что могло бы случиться тогда, когда дело дойдет до выработки условий мира на будущей конференции. Поэтому я дерзаю обратить твое серьезное внимание на вопрос о выборе лиц для этой сложной работы, не только по Министерству иностранных дел, но и по ведомству военному, морскому и финансов.

Теперь перехожу к личному ходатайству. Я бы желал попасть в число этих избранников, несмотря на то, что я — великий князь, заранее отказываюсь от всех преимуществ, связанных с титулом.

Очевидно, прецедентов таких еще не бывало, и, может, моя мечта испугает господ Сазоновых и Извольских, но и война тоже незаурядная и без прецедентов.

Ты хорошо знаешь мои качества и мои недостатки.

Язык мой без костей, я могу вспылить и наговорить дерзостей, но я не боюсь ни людей, ни клеветы; многому учился в молодых годах и научился в зрелом возрасте, ровно ничего не ищу, но хотел бы принести действительную пользу именно тебе и нашей дорогой России. По этому вопросу я уже неоднократно беседовал с твоей матушкой и сестрой Ксенией, и обе они усиленно поддерживали мое стремление, а потому, не откладывая

в долгий ящик, я решился теперь по совести откровенно тебе передать мои соображения, может быть, смелые, но искренние, на твое благоусмотрение. Еще много времени все обдумать и обсудить, а может быть, когда-нибудь и лично с тобой побеседовать на эту тему, которая не дает мне покоя ни днем, ни ночью, особенно припоминая, как историк, все бывшие конгрессы печальной памяти. Прошу принять мои поздравления с наступающим Днем ангела Ее величества.

Весь твой Николай М.»[1].

28 апреля великий князь пишет снова:

«Возвращаясь к затронутому вопросу в моем письме от 22-го апреля, обращу твое внимание на выбор и роль будущих избранников на конференции или конгрессе после окончания международной войны.

Если выбор твой состоится в течение ближайших месяцев, то избранные должны будут приступить, не теряя минуты, к предварительной работе, и вот почему.

Прежде всего, им надо снюхаться между собой и просто познакомиться. Засим, получивши от тебя или Сазонова общую директиву, приступить к обсуждению тех главных пунктов, по коим уже достигнуто соглашение с нашими союзниками. Обсуждение должно быть самое всестороннее, как по главным, так и по второстепенным пунктам, так как не только я один, но и многие другие на Руси изверовались в прозорливости наших представителей иностранной политики. У них отсутствует божеская искра, а преобладает рутина, ослепляющая всякий проблеск вдохновения.

Аргументы против заблаговременного избрания лиц для выработки единства действия и программы на будущих совещаниях не выдерживают критики. Опасения, что это могло бы послужить поводом к толкам о мире, неосновательны. Напротив, если войскам даже в траншеях станет известно, что они умирают и их калечат недаром и что уже теперь правительство озабочено

[1] Николай Михайлович — Николаю II. 22 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С. 63–64.

выработкой не только почетного, но и выгодного мира, [это] произведет впечатление.

Смею думать, что сам милейший Сазонов не всегда обладает даром предвидеть — "prevoir et puis decider"[1], который явился бы залогом успехов на будущем судилище Германии, составленном из ее нынешних врагов. Аппетиты будут большие. Надо будет считаться не только с европейскими союзниками, но и с японцами, а может быть, и с американцами, о которых часто забывают в стенах у Певческого моста.

Если я так напираю на удачном выборе наших будущих русских избранников на конгрессе, то потому еще, что люди такого склада ума, как эта известная канарейка со своей нескончаемой трелью, в лице В.Н. Коковцова, самодовольный снобизм величавого Извольского, язвительный анализ Поливанова — вряд ли были бы у места на будущих совещаниях. Нужны люди дела, свежие и не связанные с прошлым и со сделанными уже промахами.

Перебирая списки Военного ведомства, я положительно останавливаюсь на имени генерала Головина, которого смелые мысли напугали нашу Академию Генерального штаба, а он мог бы избрать себе младших сотрудников.

Из адмиралов, способности которых больше известны тебе, чем мне, хорошие отзывы слышны об адмирале Канине и менее единодушные — о Русине.

По ведомству финансов мне казалось бы, что сам Барк и, например, Покровский были бы оба весьма ценны для тех сложных вопросов денежного характера, которые будут самыми трудными при обсуждениях с союзниками.

Позволяю себе сделать краткий обзор предыдущих конгрессов и конференций за XIX столетие как отрицательные примеры нашей бдительности.

В 1815 г. заседали в Вене управляющий Министерством иностранных дел граф Нессельроде, граф Поццо ди Борго и князь Андрей Разумовский. Первый — полунемец-полуеврей, второй — продувной корсиканец,

[1] Предвидеть и затем решать *(фр.)*.

и, наконец, Разумовский, хотя и русский, но дряхлый и вполне рамольный (в молодых годах он был любовником первой супруги Павла Петровича). Едва ли это трио было на высоте своей задачи, и интересы России были представлены весьма оригинально, но, конечно, личное влияние императора Александра I сыграло главную роль, особенно по делам Польского королевства, возбудившим радужные надежды поляков и закончившимся революцией 1831 г.

После Крымской кампании собралась конференция в 1856 г. в Париже. Здесь главным представителем России явился князь Алексей Орлов и некоторые бесцветные чиновники. Результаты совещаний были более чем плачевны для наших интересов.

Наконец, в 1878 г., после Турецкой войны, собрался достопамятный конгресс в Берлине. Графы Петр Шувалов и Убри были представителями России под руководством самого канцлера князя Горчакова, больного и расслабленного, то появлявшегося в Берлине и возбуждавшего всеобщие насмешки на конгрессе, то удалявшегося обратно в Петроград, где он играл еще более грустную роль.

Таковы были наши представители на конгрессах XIX столетия, и какие получились плачевные результаты!

Вероятно, на будущем конгрессе роль главы наших интересов выпадет на Сазонова, так как союзники выставляют, по обычаю, своих министров иностранных дел. В связи с этой возможностью я и писал Сергею Дмитриевичу (Сазонову), что был бы в восторге работать под его руководством в качестве простого рядового, очевидно, при твоем одобрении.

24-го апреля я получил от него ответ на мое послание, хотя и любезный, но вовсе не одобряющий моих планов. Затем по телефону Сазонов просил приехать к нему, и я провел более часа в самой оживленной беседе, но, к сожалению, каждый остался при своем мнении. Сазонов стоит на той точке зрения, что второстепенная роль не подобает для великого князя, равно как и несение ответственности, особенно в нынешнее время, где все ве-

Дабы завязать более простые отношения с Государственной думой, менее официальные, новый председатель Совета министров Штюрмер хотел устроить у себя вечер для депутатов. Он имел мысль в беседах с лидерами разных групп сблизиться частным образом с ними и вместе с тем высказать им особое внимание. Однако, чтобы не рисковать бойкотом со стороны депутатов, он через посредство одного из них навел справки о настроении Прогрессивного блока. Вопрос этот обсуждался в одном из заседаний блока, и после долгих прений большинство склонилось к тому, чтобы от приглашения на вечер к премьеру уклониться[I].

Выступление Штюрмера в Государственной думе было довольно бесцветно. Он не был оратором и ограничился прочтением декларации правительства, к коей депутаты отнеслись совершенно безразлично[II].

Занятия в разных подготовительных комиссиях по рассмотрению бюджета начались безотлагательно и проходили в чисто деловой атмосфере. Никакой обструкции со стороны депутатов не было. Не лишнее по этому поводу заметить, что обыкновенный бюджет представлял небольшой интерес и составлял меньшую часть расходов. Издержки на военные нужды проходили по бюджету особого Военного фонда, который, по закону, не подлежал рассмотрению законодательных палат. Сметы представлялись отдельными министерствами в Совет министров, про проверке их Министерством финансов и Государственным контролем, и, по одобрении Советом, представлялись на утверждение Государя.

Нужно заметить, что Штюрмеру не повезло, когда он испросил особый кредит из Военного фонда. Вскоре после его назначения Хвостов убедил его, что премьер должен располагать крупными средствами для патрио-

[I] Вопрос об этом обсуждался на совещании лидеров Прогрессивного блока 28 января 1916 г. См.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 52. С. 184–187.

[II] Текст состоявшегося 9 февраля 1916 г. выступления Б. В. Штюрмера в IV Государственной думе см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 368–373.

тической пропаганды в прессе и другими способами для получения надлежащей информации. Прежде чем войти по этому поводу с официальным представлением, Штюрмер хотел узнать частным образом, не встретится ли к тому возражений с моей стороны как министра финансов. Я очень сочувствовал мысли образовать патриотическую пропаганду и развить правильную информацию по образцу Лондона и Парижа, но относился с некоторым недоверием к способностям Штюрмера и Хвостова правильно организовать это дело.

Поэтому, когда Штюрмер назвал цифру кредита в 5 млн рублей, добавив, что он имел по этому предмету разговор с Государем и что Его величество сочувствует этому начинанию, я ответил, что не буду возражать против общего ассигнования этой суммы из Военного фонда, но при условии, чтобы отдельные расходы производились каждый раз по соглашению с Государственным контролем.

Вопрос об этом кредите был поднят Штюрмером в Совете министров весьма неудачно. Его объяснения показались большинству моих коллег весьма неудовлетворительными, у меня же никакого желания не было особенно поддерживать Штюрмера. Однако министрам было неудобно выразить недоверие новому премьеру, и кредит был одобрен единогласно[I]. Тем не менее у некоторых из моих коллег оставались большие сомнения по этому предмету, и по неосторожности некоторых членов Совета министров слухи об этом ассигновании распространились в кругах Государственного совета и Государственной думы[II]. Понятно, что поднялась страшная

[I] Это произошло на заседании Совета министров 26 января 1916 г. Подробнее см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 181–182. На заседании 26 января по поводу 5 млн руб. «в особенности волновался Наумов, а также Барк» (Показания Н. Н. Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 5. С. 344).

[II] Министр земледелия А. Н. Наумов после заседания 26 января 1916 г., беседуя с одним из лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе князем И. С. Васильчиковым, пошел на нарушение служебной тайны и «сказал все откровенно». От И. С. Васильчикова новость о подготовке правительства к подкупу печати дошла до нижней палаты, предъявившей скандальный запрос, чему А. Н. Наумов «был рад».

критика Штюрмера и Хвостова. Со всех сторон Штюрмеру пришлось слышать отрицательные отзывы по своему адресу, и он благоразумно решил совсем отказаться от использования полученного кредита. Таким образом, этот эпизод закончился en queue de poisson[I], но значительно повредил авторитету премьера[II].

После ухода Хвостова Штюрмер сделал Государю представление о необходимости соединить в своих руках обязанности премьера и министра внутренних дел, на что последовало согласие Его величества[III]. Таким образом, с начала марта Штюрмер посвятил себя специально задачам внутренней политики.

Для надлежащей информации он пригласил в Петроград многих губернаторов на совещание и предложил им откровенно высказать свои взгляды на внутреннее положение и на те меры, которые надлежит принять для упорядочения снабжения армии и для сохранения надлежащего порядка внутри страны.

Собралось в столицу пятнадцать губернаторов, которые в своих объяснениях дали картину положения на местах[I].

Они отметили, что крестьянское население обладает значительно бóльшим достатком, чем перед войной. Объясняется это, с одной стороны, запрещением продажи водки. Средства, которые в изобилии шли на по-

«По этому поводу, — вспоминал он не без ложного тщеславия, — в Совете министров было заявлено о том, что как это странно, некоторые вопросы, которые носят чисто конфиденциальный характер, делаются достоянием широких масс» (Показания А. Н. Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.; Л., 1924. Т. 1. С. 409)

I Ничем *(фр.)*.

II «Ни предмет назначения, ни инициатива, откуда шло испрошение этого кредита, — вспоминал тогдашний государственный контролер Н. Н. Покровский, — членам Совета не были вовсе известны. Все страшно возмутились против Штюрмера, но делать было нечего, журнал был заготовлен и его пришлось подписать. Выйдя из заседания Совета, некоторые из нас (помню Барка и Наумова) обменивались мыслями, как быть дальше. Явилась мысль представить Государю по этому поводу особую записку, но она была оставлена ввиду неудачи подобной же записки, направленной в свое время против Горемыкина. Тогда, сколько помню, по мысли Барка, решено было предложить Штюрмеру доложить Государю о том, чтобы расходование этих пяти миллионов рублей производилось председателем Совета не иначе, как при участии государственного контролера. Штюрмер пошел на это, в Контроле были проектированы правила расходования, на которые он также согласился, а затем получили они и высочайшее одобрение» (*Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 142).

III В действительности пост министра внутренних дел премьер получил по инициативе царя. На аудиенции, данной Б. В. Штюрмеру 29 февраля 1916 г., Николай II высказал ему «неудовольствие» А. Н. Хвостовым. Император сообщил, что «просмотрел» списки чинов первых четырех классов, и «спросил, — вспоминал Б. В. Штюрмер, — кого я укажу». Премьер указал на своего близкого друга — председателя Группы правых Государственного совета графа А. А. Бобринского. Во всеподданнейшем докладе, составленном 1 марта, Б. В. Штюрмер, помимо кандидатуры графа, в преемники А. Н. Хвостова прочил еще одного назначенного члена верхней палаты — князя Н. Д. Голицына (впоследствии — последний царский премьер), а также варшавского губернатора П. П. Стремоухова. Вопрос о преемнике А. Н. Хвостова был решен Николаем II 2 марта, когда он заявил Б. В. Штюрмеру, что «считает более правильным, как было при Столыпине». Царь подразумевал совмещение премьерства с должностью министра внутренних дел. Решив назначить Б. В. Штюрмера руководителем МВД, на обороте его доклада от 1 марта Николай II написал: «Танееву — о назначении Б. В. Штюрмера и министром внутренних дел» (*Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 186–187).

I С высочайшего соизволения Б. В. Штюрмер, как министр внутренних дел, в начале мая 1916 г. созвал в Петрограде совещание губернаторов 15 Центральных губерний «в целях освещения всех сторон жизни Империи и нужд времени — как настоящего, так и непосредственно последующего за завершением войны, и обсуждения необходимых мероприятий, обеспечивающих благополучный переход от исключительности условий военного времени к мирной обстановке». В заседаниях совещания участвовали товарищи министра: граф А. А. Бобринский, князь В. М. Волконский, А. В. Степанов, директор Департамента общих дел П. П. Стремоухов, вице-директор этого департамента Е. Г. Шинкевич, исполнявший обязанности вице-директора того же департамента А. С. Путилов, начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферов, его помощник А. А. Евтифеев, директор канцелярии министра внутренних дел Б. В. Писаренков, помощник управляющего Земским отделом И. Ф. Цызырев, член Совета министра внутренних дел В. Г. Кондоиди, а также губернаторы: владимирский — В. Н. Крейтон, калужский — Н. С. Чебыкаев, костромской — И. В. Хозиков, московский — граф Н. Л. Муравьев, нижегородский — А. Ф. Гирс, новгородский — М. В. Иславин, псковский — А. И. Келеповский, рязанский — Н. Н. Кисель-Загорянский, смоленский — К. А. Шумовский, ставропольский — Б. М. Янушкевич, тамбовский — А. А. Салтыков, тверской — Н. Г. фон Бюнтинг, тульский — А. Н. Тройницкий, херсонский — Н. Г. Ветчинин и ярославский — С. Д. Евреинов. Всего совещание имело пять заседаний.

требление водки, остаются у населения и идут в сберегательные кассы. Другим источником благосостояния служит паек, который получается семьями призванных в ряды войск.

В ином положении находятся все чиновники, которые получают прежнее содержание, несмотря на сильное вздорожание жизни, вызванное постепенным обесценением бумажных денег. Волна беженцев с фронта, которая вначале была настоящим бедствием, мало-помалу оседает и устраивается на новых местах. Интересно по этому поводу подчеркнуть, что губернаторы отмечали примерное поведение беженцев из евреев.

Жаловались губернаторы на распоряжения военных властей, не координированные с таковыми же исходящими от местных гражданских властей, вызывающие напрасные трения и зачастую вносящие дезорганизацию.

Отмечали также губернаторы пропаганду органов Общеземского и Городского союзов, направленную против правительства, с целью дискредитировать представителей администрации в глазах местного населения. Среди крестьян пропаганда стремилась разжечь аппетиты к дальнейшему наделению крестьян землей, причем утверждалась мысль о бесплатном увеличении крестьянской земельной собственности по окончании войны[I]. Журналы совещаний губернаторов были представлены Штюрмером в сокращенном докладе Государю[II].

Весной Государю пришлось принимать много серьезных решений в Ставке. В начале марта он получил доклад Особой комиссии, которая была назначена для обследования деятельности Сухомлинова в бытность его военным министром[III]. Несмотря на свою личную симпатию к нему, Государь одобрил представление комиссии о предании его суду[I]. В письме, которое пишет императрица по этому поводу своему мужу, упоминается, что она узнала об этом решении из газет. Государь ей ничего не сообщил, однако она пишет, что одобряет его решение[II].

К этому же времени относится перемена, произведенная Государем в Военном министерстве. Поливанов был уволен и на его место был назначен генерал Шуваев[III]. Эта перемена была опять приписана влиянию темных сил. Однако это совершенно не соответствует действительности. Правда, что императрица, в своих письмах, неоднократно напоминает о необходимости уволить Поливанова, но не ее советы побудили Государя расстаться с ним[IV]. Выбор Шуваева был для императри-

[I] Ср.: Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. 1929. Т. 33. С. 145–169.

[II] Всеподданнейший доклад Б. В. Штюрмера о совещании губернаторов, датированный 8 мая 1916 г., см.: Там же. С. 146–149.

[III] Подразумевается Верховная комиссия, учрежденная для рассмотрения обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии, созданная Николаем II по решению Совета министров 25 июля 1915 г. и работавшая до 10 марта 1916 г. Председателем комиссии являлся назначенный член Государственного совета генерал Н. П. Петров, ее членами были товарищ председателя верхней палаты И. Я. Голубев, выборные члены Государственного совета В. М. Андреевский и А. Н. Наумов (до назначения 10 ноября 1915 г. управляющим Министерством земледелия), назначенный член верхней палаты генерал А. И. Пантелеев, депутаты IV Государственной думы граф В. А. Бобринский и С. Т. Варун-Секрет и сенатор Н. П. Посников. В центре внимания комиссии оказались бывший военный министр В. А. Сухомлинов и лица из его окружения, подозревавшиеся в измене и шпионаже.

[I] Всеподданнейший доклад (донесение) Верховной комиссии от 9 февраля 1916 г. Николай II получил 20 февраля, когда «принял инженер-генерала Петрова» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 212). Отчет комиссии и ее материалы по высочайшему повелению от 1 марта были переданы 10 марта в 1-й департамент Государственного совета для производства предварительного следствия и последующего привлечения В. А. Сухомлинова к суду.

[II] Ср.: «Я узнала из газет, что ты приказал отдать Сухомлинова под суд; это правильно — вели снять с него аксельбанты. Говорят, что обнаружатся скверные вещи, что он брал взятки, это, вероятно, ее (жены В. А. Сухомлинова. — *С. К.*) вина — это очень грустно! Дорогой мой, как не везет! Нет настоящих "джентльменов", — вот в чем беда — ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего развития и принципов, — на которых можно было бы положиться» (Александра Федоровна — Николаю II. 4 марта 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 507).

[III] Замена А. А. Поливанова главным полевым интендантом генералом Д. С. Шуваевым произошла 15 марта 1916 г.

[IV] «Представь себе, как гадко, — писала царица супругу 8 октября 1915 г., — у Военного министерства есть свои собственные сыщики для выслеживания шпионов, и теперь они следят за Хвостовым, куда он ходит и кого видает, и бедный человек очень этим расстроен. Он не

в Лондон и Париж. Его величество высказал мне много симпатии[I]. Он говорил с большим сожалением и грустью о смерти Китченера и выражал мне наилучшие пожелания успеха в моих переговорах. Я знал, что переговоры будут трудными, и также сказал Государю, что, может быть, меня ожидает та же участь, которая постигла Китченера. Я назвал Государю лиц, которых я считал подходящими для замены меня на посту министра финансов, если бы я не мог вернуться в Россию. Особенно я рекомендовал Государю А. И. Вышнеградского, сына бывшего министра финансов. Он был моим начальников, когда я поступил на службу в Министерство финансов в 1892 г. в бытность его отца министром. После он был в течение многих лет вице-директором Кредитной канцелярии[II], затем председателем Международного банка торговли в Санкт-Петербурге[III]. Я его пригласил сопровождать меня в Париж в сентябре 1915 г. Он мне много помог тогда в деле получения кредитов от Banque de France для русских коммерческих банков.

Государь, видя меня озабоченным, был полон внимания ко мне и желания меня подбодрить. Я решил воспользоваться таким моментом, чтобы затронуть очень деликатный вопрос, касающийся лично Государя и его

[I] Под 1 июня 1916 г. Николай II отметил: «От 6½ до 8 ч. у меня был с докладом Барк» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 234). В свою очередь, под той же датой М. К. Лемке записал: «Приехал министр финансов Барк. Царь принял его не сразу, потому что гулял, и Барку долго пришлось ждать, сидя в садике около двора» (*Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С. 839). «Вчера я принял Барка, — сообщал император супруге на следующий день. — Через неделю он едет в Англию и Францию» (Николай II — Александре Федоровне. 2 июня 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 621).

[II] Т. е. Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, вице-директором которой А. И. Вышнеградский был с 1897 до 1905 г.

[III] Имеется в виду С.-Петербургский (Петроградский) международный коммерческий банк, учрежденный в 1869 г. В начале XX в. занимал второе место среди русских банков по размеру капитала. Имел филиалы в сорока городах. Финансировал железнодорожный транспорт, транспортное машиностроение, судостроение, сахарную, текстильную и табачную промышленности. Национализирован в декабре 1917 г. В 1906–1917 гг. А. И. Вышнеградский являлся директором-распорядителем и членом правления этого банка.

семьи. Обратиться по этому поводу к Государю меня настойчиво просили министр Двора и его сотрудники, советов которых Государь не хотел принимать, и они думали, что Государь скорее послушает меня, как делового человека.

Я пояснил Государю, что решаюсь обратиться к Его величеству с предложением моих услуг для помещения хотя бы части личного капитала Государя в Англии (причем приму все предосторожности к тому, чтобы это было сделано секретно), что делаю это по настойчивой просьбе графа Фредерикса и других преданных Его величеству лиц свиты и потому, что также считаю, что в тревожное время, которое наше отечество переживает, такая предосторожность необходима и правильна. В ответ на это мое выступление Государь, смотря на меня прямо своими чудными проницательными глазами, задал мне вопрос: «А вы, Петр Львович, тоже переводите ваши деньги за границу?» Я сейчас же ответил Его величеству, что не только не имею права это делать, но, будучи министром финансов и хлопоча о получении займов для России, уж никак этого сделать не могу, так как мог бы этим подорвать всю мою сложную задачу, для которой еду. Тогда Его величество, продолжая смотреть мне прямо в глаза, сказал: «А я, Хозяин земли Русской, еще более чем кто-либо не могу этого сделать и не сделаю».

Через два дня после моего возвращения из Ставки в Петроград я получил от Его величества письмо, адресованное двоюродному брату Государя — королю Великобритании, которое я должен был лично передать Георгу V, по прибытии в Лондон. Было также письмо от Его величества мне лично, преисполненное милостивой благосклонности и заканчивавшееся словами: «Да благословит Бог Ваше путешествие»[I].

[I] Кроме того, перед отъездом на заседании 4 июня 1916 г. Особого совещания по обороне государства П. Л. Барк дал разъяснения по вопросу «о расплате по заграничным заказам» (Журнал № 77 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 4 июня 1916 г. // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства... Т. 2. С. 300–304).

ции объединенной Польши после победы над Центральными державами[I].

Как мною было упомянуто, при Министерстве земледелия, как и при военном, путей сообщения и торговли и промышленности, были образованы особые совещания, для обсуждения и разрешения вопросов, связанных с военными надобностями. В Министерстве

них дел и юстиции, а также министр финансов, т. е. П.Л. Барк, и государственный контролер. Подробнее см.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления... С. 143–153.

[I] Подготовленный С.Д. Сазоновым, накануне его увольнения 7 июля 1916 г. с поста министра иностранных дел, проект манифеста о даровании Польше автономии был послан Николаю II товарищем министра иностранных дел А.А. Нератовым, который 9 июля сообщил Б.В. Штюрмеру, в том числе и как преемнику С.Д. Сазонова, что по поводу проекта царь наложил резолюцию: «Немедленно рассмотреть в Совете министров». На заседаниях кабинета 13, 16 и 18 июля 1916 г. только три человека (министры морской — И.К. Григорович и военный — Д.С. Шуваев и замещавший А.Н. Наумова товарищ министра земледелия А.А. Риттих) поддержали предложение С.Д. Сазонова о немедленном объявлении манифеста. Остальные восемь человек (министры внутренних дел А.А. Хвостов, юстиции А.А. Макаров, народного просвещения граф П.Н. Игнатьев, путей сообщения А.Ф. Трепов, государственный контролер Н.Н. Покровский и обер-прокурор Св. Синода А.Н. Волжин и замещавшие П.Л. Барка и князя В.Н. Шаховского товарищи министра финансов А.И. Николаенко и торговли и промышленности С.П. Веселаго) присоединились к мнению премьер-министра и нового министра иностранных дел об издании манифеста после вступления русской армии в Польшу. За мысль о превращении ее в союзное государство, т. е. о даровании политической автономии, безоговорочно высказался лишь Д.С. Шуваев, И.К. Григорович и П.Н. Игнатьев эту точку зрения признали с оговорками. Другие члены кабинета проголосовали за предложение Б.В. Штюрмера о даровании Польше областной (административной) автономии. Об итогах обсуждения польского вопроса премьер информировал императора 19 июля. См.: Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1925. С. 108, 125–144. Николай II согласился с большинством кабинета и заявил Б.В. Штюрмеру 1 августа 1916 г., что «склоняется к обнародованию манифеста лишь после вступления русских войск в пределы Царства Польского». Беседуя с монархом 10 сентября, премьер передал Николаю II проект манифеста, «составленный согласно высочайшим указаниям». Манифест император «оставил у себя, высказав при этом, что он предполагает его обнародовать только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши» (Письменные доклады Б.В. Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением... С. 141–142, 153–154). См. также: *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 224–231.

земледелия рассматривались все необычайно важные меры по снабжению армии продовольствием. Осенью 1915 г., под умелым председательством Кривошеина, обладавшего большим опытом и авторитетом, эта чрезвычайно трудная задача была решена с большим успехом. Армия ни в чем не нуждалась. С его уходом задачи Министерства земледелия стали гораздо сложнее, к нашим средствам транспорта предъявлялись все бóльшие требования, тогда как материал изнашивался, а частью был захвачен неприятелем. Усиленные выпуски кредитных билетов на нужды войны вели к обесценению денег и к повышению цен на все предметы потребления. Между тем представители законодательных учреждений, входившие в состав совещания при Министерстве земледелия, приписывали вздорожание цен на хлеб маневрам спекулянтов и, желая ограждать интересы армии и потребителей, настаивали на введении низких твердых цен, совершенно не соответствовавших рыночным, в результате чего товар исчез с рынка и план продовольственной кампании не мог быть приведен в исполнение[I]. Новый министр земледелия[II] терялся среди этих затруднений и представлял возникшие несогласованные противоречия на рассмотрение своих коллег по кабинету.

Польская проблема занимала у нас очень много времени. Она возникла при самом начале войны, когда во-

[I] Вероятно, П.Л. Барк подразумевает утвержденные А.Н. Наумовым 12 февраля 1916 г. новые Правила перевозок продовольственных продуктов, которые наделяли уполномоченных Особого совещания по продовольствию правом ходатайствовать о заготовках продуктов по твердым ценам в случае необеспеченности рынка их подвозом. Состоявшееся 29–30 августа 1916 г. в Петрограде Общее собрание Съезда уполномоченных председателя Особого совещания по продовольствию установило твердые цены на хлеб нового урожая на местах производства. Затем 31 августа — 3 сентября вопрос о твердых ценах обсудило само Особое совещание. В результате этих обсуждений было выработано постановление А.А. Бобринского от 9 сентября 1916 г. за № 45 о введении твердых цен на хлеб и распространении их на частные сделки. Подробнее см.: *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985.

[II] Очевидно — А.Н. Наумов, который первым ввел в широких масштабах принцип твердых цен на хлеб.

енные действия развивались в польских губерниях и когда русские войска завоевали Львов и Перемышль. Тогда главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, обратился со следующим воззванием к польскому населению:

«Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения Польского народа, братского примирения с Великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части Польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавеет меч, разивший врага при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до Северных морей движутся Русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение Креста — символ страдания и воскресения народов.

Верховный главнокомандующий, генерал-адъютант Николай.

1 (14) августа 1914 г.»[I].

В связи с этим воззванием в Совете министров рассматривался уже весной 1915 г. проект основных начал административного устройства будущей Польши[II]. Пре-

[I] См.: Летопись войны. 1914. № 1. С. 24.

[II] Вопрос об устройстве будущей объединенной Польши рассматривался еще на заседаниях Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. Результаты обсуждения этого вопроса были изложены в Мемории Совета министров, согласно которой предполагалось дать Польше автономию в виде областного земства и поставить во главе ее административного управления наместника его величества. См.: Русско-польские отношения... С. 12–16, 16–19. Под 9 января 1915 г. Николай II записал: «В 11 час. в Угловой гостиной состоялось заседание Совета министров» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 103). Тогда же В. А. Сухомлинов отметил: «Заседание Совета министров в Царском Селе: вопросы — польский, немецкое засилье, пленные» (Генерал В. А. Сухомлинов. С. 41). На этом заседании царь признал «своевременным удовлетворить горячие ожидания польского населения» и повелел «вновь тщательно пересмотреть» заключительную часть Мемории, чтобы «установить окончательно основные начала политического устройства будущего Польского края», о которых можно было возвестить полякам путем особого акта, например, в виде рескрипта варшавскому генерал-губернатору П. Н. Енгалычеву. Тем самым, полагал император, «польскому вопросу будет придана возможная при современных условиях определительность, а польское общественное мнение получит ясный ответ на его запросы о будущей судьбе Польского края». Согласно Особому журналу Совета министров 18 февраля 1915 г. «О главных началах будущего политического устройства Польского края», предполагалось, что автономная Польша сохранит едиными с Российской империей армию, флот, международные отношения, финансовое управление, пути сообщения, почту, телеграф и суд. Во главе края намечалось поставить наместника, при котором действовал бы особый совет, куда входили бы как члены по назначению от правительства, так и представители выборных учреждений края. П. Н. Енгалычев сообщил И. Л. Горемыкину 8 апреля 1915 г., что накануне, 7 апреля, царь нашел желательным «составление теперь же в окончательном виде проекта Земского положения для губерний Царства Польского» и «редактирование предположенного рескрипта по поводу польских дел, в связи с Меморией Совета министров». Под председательством И. Л. Горемыкина 21 мая 1915 г. произошло заседание Совещания по вопросу об устройстве Польского края, участниками которого были министры внутренних дел Н. А. Маклаков и народного просвещения граф П. Н. Игнатьев и варшавский генерал-губернатор. Польское население представляли граф С. И. Велепольский, Я. С. Гарусевич, В. Ф. Грабский, Р. В. Дмовский, Е. Е. Добецкий, Л. К. Дымша и И. А. Шебеко (Русско-польские отношения... С. 40–47, 49, 60–77). Наконец, на заседании Совета министров 29 мая 1915 г. рассматривался вопрос о фактическом наделении варшавского генерал-губернатора полномочиями наместника Царства Польского, причем соответствующий Особый журнал Николай II утвердил 7 июня (Особый журнал Совета министров 29 мая 1915 г. «О некотором усилении присвоенных варшавскому генерал-губернатору полномочий» // Особые журналы Совета министров... 1915 год. С. 265–266). Однако германская оккупация губерний Царства Польского затормозила решение польского вопроса.

ния принимали иногда очень резкий характер, потому что в Совете наметились определенно два течения. Одно — либеральное, которое поддерживалось главным образом Кривошеиным и Сазоновым, имевшее в виду возможно широкую автономию новой Польши, под скипетром русского императора. Другое, которое поддержи-

валось правой группой Совета министров, Маклаковым, Щегловитовым и Саблером и выражавшееся в том, чтобы дать возможно меньше и не допустить никакой автономии. Наиболее ярким выразителем этого течения был Маклаков, который, будучи министром внутренних дел, считал себя обязанным охранять существующий порядок, не допуская нарушения основных принципов управления территорий, входивших в состав Российской империи.

У меня остался в памяти тяжелый инцидент, происшедший между Кривошеиным и Маклаковым на одном вечернем заседании Совета министров, затянувшемся довольно долго. Кривошеин, который в молодые годы служил в Польше[I], знал хорошо местные условия и с полной компетентностью и с присущим ему темпераментом защищал необходимость либеральных реформ в этом крае. Когда он закончил свои объяснения, Маклаков попросил слова и начал свои возражения словами: «Министр земледелия с таким жаром и такой настойчивостью защищает полную автономию будущей Польши, что совершенно ясно определяется его понимание целей настоящей войны. Он полагает, что Российская империя приносит величайшие жертвы и проходит через величайшие испытания с единственной целью освободить поляков от германского и австрийского владычества и, объединив их с польским населением России, создать независимое Польское государство».

Кривошеин немедленно его перебил, заявив резким голосом: «Это клевета со стороны министра внутренних дел, и я пошлю ему своих секундантов». Ввиду позднего часа и во избежание дальнейшего разрастания ссоры, мудрый Горемыкин закрыл заседание, и министры, несколько смущенные, разъехались по домам[II].

[I] Мать А. В. Кривошеина, Юлия Ивановна, урожденная Яшинская, была природной полячкой. С 24 декабря 1888 по 11 января 1891 г. А. В. Кривошеин служил комиссаром по крестьянским делам Ленчицкого уезда Калишской губернии.

[II] Ср. со сделанной В. А. Сухомлиновым дневниковой записью от 15 ноября 1914 г.: «Вечернее заседание Совета министров. Инцидент тяжелый между Маклаковым и Кривошеиным по поводу польского вопроса» (Генерал В. А. Сухомлинов. С. 35–36).

Несмотря на позднее время, я, пользуясь своей дружбой с Кривошеиным, поехал к нему, старался его успокоить и предложил ему переговорить с председателем Совета министров, дабы он уладил возникший инцидент. Под влиянием раздражения Кривошеин стал упрекать меня, что я не проявляю достаточного интереса к польской проблеме и большей частью молчу, когда происходят трения. На это я возразил, что я, действительно, не проявляю особенной активности в этом деле, так как, по моему мнению, наши прения носят в данное время очень абстрактный характер. Мы совсем не знаем, как развернутся в дальнейшем военные события, в каком положении очутятся области, занятые польским населением, и поэтому мне кажется, что у нас еще нет вполне точных данных, которые могли бы нам служить фундаментом для постройки нового прочного здания.

Между тем польская проблема продолжала занимать Совет министров, проходя через разные фазы, в зависимости от разных перипетий на нашем театре военных действий, обещаний, даваемых полякам со стороны Центральных держав, и чрезвычайно активной деятельности польских патриотов как в России, так и за границей и весьма умело организованной ими пропаганды в разных странах.

Краткое официальное заявление со стороны Императорского правительства по поводу польской проблемы было сделано лишь 13 (26) декабря 1916 г., когда Трепов заменил Штюрмера по посту председателя Совета министров. Существенную часть этого заявления составляло следующее: намерение России — создать объединенную Польшу, которая включила бы в себя все польские территории и которой после войны было бы предоставлено право свободно организовать национальную жизнь на основах автономии и под скипетром всероссийского Государя, с соблюдением принципа объединенного государства[I].

[I] Имеется в виду приказ Николая II по армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. № 870, в котором говорилось: «Достижение Россией созданных войною задач: обладание Царьградом и Проливами, равно как созда-

В течение летних месяцев 1916 г. Государь с особенным удовлетворением следил за успешным развитием наступательных действий Брусилова. Он постоянно уведомлял об отдельных эпизодах императрицу, выражая ей свою радость. Военные действия Кавказских армий, под начальством великого князя Николая Николаевича, развивались также успешно. Одновременно техническое снабжение наших армий улучшилось, и вооружение, заказанное за границей, стало поступать быстрее прежнего.

О проблеме тыла Государь предпочитал не думать, ограничиваясь указаниями председателю Совета министров и отдельным министрам, когда они приезжали в Ставку. На мелкие подробности разных явлений в тылу, коими так богаты письма императрицы, Государь не реагировал, лишь изредка давая ответы на вопросы своей супруги. Несмотря на чрезвычайную свою деликатность, Государь все же неоднократно просит императрицу не придавать значения разным сплетням.

Между тем императрица, главным образом под влиянием низкопоклонной лести Штюрмера, который считал своим долгом являться к ней с регулярным докладом, вошла в роль «правительницы». Она была убеждена, что исполняет свой священный долг, ограждая престиж трона и интересы династии в отсутствие Государя, находящегося в действующей армии. Ее письма испещрены разными указаниями, советами и рекомендациями тех или иных кандидатов на разные должности. Они отличаются настойчивостью, и, не получая ответа на свои вопросы, императрица энергично, иногда страстно повторяет свои советы и указания.

В области союзных отношений летом 1916 г. особенно усилилось давление, которое оказывалось со стороны союзников на Румынию, приведшее эту страну к объявлению войны Центральным державам.

Положение этой страны между воюющими коалициями было чрезвычайно трудное. Король Карл и вступивший на престол после его кончины его племянник, король Фердинанд, принадлежали оба к династии Гогенцоллернов. Оба были большими поклонниками императора Вильгельма, были воспитаны в атмосфере полной лояльности и преданности к главе дома Гогенцоллернов. Оба привыкли к прусской дисциплине и верили в непобедимость германского оружия. Таким образом, и по убеждениям, и по личным симпатиям их влекло к Центральным державам, и они видели интересы Румынии и ее успешное развитие в будущем лишь в орбите Центральных держав. Из осторожности они считали правильным сохранять нейтралитет. В случае же активных действий они не видели другого решения, как воевать на стороне Центральных держав.

ние свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей еще не обеспечено». См.: Русско-польские отношения... С. 131.

Между тем все симпатии населения Румынии и большинства политических ее деятелей были на стороне Франции и ее союзников. Старые счеты с Австро-Венгрией могли быть разрешены в пользу Румынии в случае победы союзных держав и своевременного присоединения к ним Румынии.

Эти противоречивые течения в стране способствовали развитию политических интриг, которые настойчиво проводились дипломатами и иными представителями воюющих держав в самой Румынии. Каждая сторона старалась заманить выгодами, которые получит Румыния в случае выступления. Эта маленькая страна все же в течение двух лет настойчиво придерживалась нейтралитета, и только в августе 1916 г. правительство Британии убедило короля присоединиться к союзным державам[1].

В конечно результате, принятое решение принесло стране огромные выгоды. Однако конец 1916 г. и начало 1917 г. увидели разгром румынской армии военной силой Центральных держав, эвакуацию столицы и поспешное отступление румынских войск, преследуемых победоносным неприятелем. Имелось даже в виду, что королю и королеве придется искать убежища на русской территории.

[1] Договор о присоединении Румынии к Антанте был заключен 4 (17) августа 1916 г., вступление Румынии в войну произошло 15 (28) августа.

ГЛАВА XXII

Летом и осенью 1916 г. все глубже становилась та пропасть, которая отделяла верховную власть от подчиненных ей бюрократии и законодательных учреждений. Чтобы дать себе ясный отчет о происходивших событиях, необходимо вспомнить, что с учреждением Государственной думы в 1906 г. и с преобразованием Государственного совета прежнее чисто бюрократическое управление, когда монарх законодательствовал и управлял страной при посредстве чиновников, было заменено конституционным строем.

В прежнее время Россия управлялась министрами и верховная власть обычно санкционировала доклады министров, а также законопроекты, рассмотренные Государственным советом. Император в большинстве случаев был наивысшим должностным лицом. Он был основой бюрократического режима. Традиции режима были могущественны; как я уже упоминал, редки были случаи, когда императоры Александр II и Александр III применяли совершенно личную политику.

С учреждением Государственной думы появился новый элемент в управлении страной. Государственная

дума была призвана в первую голову для законодательных работ и для утверждения бюджета. Однако право запросов давало ей возможность воздействовать на управление страной, и необходимость для министров давать объяснения, а также их постоянное общение с парламентом, в общим собраниях и в комиссиях, устанавливали тесную связь между Думой и правительством и взаимное влияние друг на друга.

Когда была объявлена война, патриотическое настроение, охватившее всю страну, создало полное единение между верховной властью, бюрократией и законодательными учреждениями. Но с тех пор постепенно, под влиянием военных неудач, с одной стороны, и стремлений Государственной думы захватить всю полноту административной власти, с другой стороны, это единение уступило место разладу, который все более и более углублялся. Осенью 1915 г., когда Государь решил повести чисто персональную политику, этот разлад чрезвычайно обострился. В течение зимних месяцев и весною 1916 г. как будто наступило затишье во взаимной борьбе этих трех элементов. Однако это затишье было лишь кажущимся. Если Государь и министры, под бременем своих текущих дел, были всецело поглощены своими обязанностями, оппозиционные элементы законодательных учреждений, объединившиеся в Прогрессивном блоке, с усиленной энергией продолжали свою работу по осаде власти. Главная их задача заключалась в вовлечении армии в политику и в привлечении ее на сторону оппозиции.

Опыт 1905 г., когда вспыхнула первая революция в России, показал, что, пока армия верна режиму, переворот невозможен.

Вследствие сего оппозиционные элементы с самого начала войны, главным образом при содействии организаций Союзов земств и городов, установили близкий контакт с военными властями на фронте и занялись противоправительственной пропагандой. Эта пропаганда была особенно успешной, когда армии приходилось отступать под натиском неприятеля и дух войск падал под влиянием неудач.

Когда Государь принял на себя верховное командование и наступление неприятеля было приостановлено, настало некоторое затишье. Однако оппозиционные элементы не приостанавливали своего натиска и с усиленной энергией продолжали свою пропагандную работу. Как выше было сказано, Секретным комитетом в Москве было возложено на Гучкова принять все меры для привлечения армии на сторону оппозиции. Он с большим успехом выполнил эту задачу, установив близкую связь с начальником штаба Верховного главнокомандующего, генералом Алексеевым. Интересной иллюстрацией сношений этих лиц служат письма, коими они обменивались и которые после революции были опубликованы[I].

Государь, оставаясь на фронте, думал, что он находился среди верных ему войск и лояльных и преданных генералов. Между тем действительность нисколько этому не соответствовала. Постепенно настроение в армии менялось, генералы в большинстве сочувствовали оппозиции, охотно критиковали Государя, в особенности же императрицу, и деятельность правительства.

Государь разошелся с своими министрами, пренебрег их советами, считал, что задачи тыла не столь важны во время войны и должны уступать требованиям фронта. Он был убежден, что найдет полную опору в армии и что в его единении с армией — спасение России. Он глубоко и жестоко ошибался, и дальнейшие события вызвали в нем тяжелое разочарование, которое выразилось в словах, начертанных им в дневнике от 3 марта 1917 г.: «Кругом измена, и трусость, и обман»[II].

Императрица, с своей стороны, была убеждена, что лица, которые обращаются к покровительству Распутина и рекомендуются им, исключительно лояльны и преданы трону. Хотя в одном из них, Хвостове, ей пришлось сильно разочароваться и хотя она и сознала свою ошибку, все же она продолжала верить, что Распутин послан

[I] См.: Монархия перед крушением... С. 276–282.

[II] Эта запись была сделана экс-императором не 3, а 2 марта 1917 г. См.: Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 296.

ей провидением и что он Божий человек. Ничто не могло поколебать ее веру в Распутина. Она не хотела иметь общения с независимыми элементами, и весь ее кругозор ограничивался небольшим кругом близких ей людей. Она вовсе не знала, что действительность совсем не соответствовала тому, что ей говорили эти близкие ей люди.

Таким образом, и Государь, и императрица были оторваны от действительной жизни и, несмотря на ряд предупреждений, которые они получали с разных сторон, не отдавали себе отчета в серьезности все возрастающего оппозиционного настроения в стране. Они не хотели с ним считаться, и судьба складывалась так трагически, что выбор для занятий министерских постов некоторых лиц, казавшихся им наиболее подходящими, давал повод к ожесточенной критике и все более углублял пропасть между монархом и страной.

Особенно показательно в этом отношении назначение на должность министра внутренних дел Протопопова. Первый, кто горячо рекомендовал Протопопова как кандидата в министры, был не кто иной, как председатель Государственной думы[I]. Это было вполне понятно, так как Протопопов состоял товарищем председателя Государственной думы и был весьма популярен среди депутатов[II]. Он принадлежал к дворянству Сим-

[I] В ходе всеподданнейшего доклада, состоявшегося 24 июня 1916 г. в Ставке, председатель Думы М. В. Родзянко рекомендовал императору назначить А. Д. Протопопова министром торговли и промышленности, и эту рекомендацию монарх занес в записную книжку (*Родзянко М. В.* Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 130). Более того, банкир Д. Л. Рубинштейн, который «бывал у Барка», говорил А. Д. Протопопову, что министр финансов «думал о проведении меня, — показывал А. Д. Протопопов, — на пост своего товарища» (Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. С. 32).

[II] Как депутат III Государственной думы (1907–1912) и один из лидеров левого крыла Фракции Союза 17 октября, А. Д. Протопопов являлся членом, затем — председателем Комиссии о торговле и промышленности и членом и докладчиком комиссий: по государственной обороне, по запросам, по рабочему вопросу (по законопроекту о страховании рабочих) и по направлению законодательных предположений; он был также членом Вероисповедной комиссии. В качестве депутата IV Госу-

бирской губернии, которое выбрало его своим предводителем[I]. Помимо земельной собственности он владел в Симбирской губернии несколькими суконными фабриками и, таким образом, был сведущ в вопросах промышленности и торговли. Его популярность не только в Государственной думе, но и в Государственном совете была особенно подчеркнута, когда весной 1916 г. была выбрана парламентская делегация от обеих законодательных палат для посещения союзных стран. Протопопов был избран председателем делегации[II]. Таким образом, если принцип всеобщего голосования может быть положен в основу оценки той или другой личности, то нужно признать, что «рекорд» Протопопова был блестящий. Дворянство избирает его своим предводителем. Избиратели в Симбирске выбирают его членом Государственной думы. Государственная дума избирает его товарищем председателя. Она же и Государственный совет избирают его председателем парламентской делегации для посещения союзных стран.

Чрезвычайно интересно проследить по письмам, как император пришел к решению назначить его министром. Государь был не высокого мнения о председателе Государственной думы Родзянко, и письмо его к императрице свидетельствует, что он не обратил никакого

дарственной думы (1912–1917) и, с конца 1913 г., члена Фракции земцев-октябристов, А. Д. Протопопов занимал следующие посты: председатель Комиссии о торговле и промышленности, член и докладчик комиссий: по военным и морским делам, по рабочему вопросу и финансовой, член комиссий: по запросам и по направлению законодательных предположений. В обеих Думах А. Д. Протопопов получил известность как один из лучших думских ораторов. Младшим (вторым) товарищем председателя Думы его избрали 20 мая 1914 г. подавляющим большинством голосов (203 против 11), причем «с приветствием и с левой стороны Государственной думы» (Допрос М. В. Родзянко // Падение царского режима... Т. 7. С. 140).

[I] А. Д. Протопопов был избран симбирским губернским предводителем дворянства в январе 1916 г. и утвержден в этой должности 2 февраля.

[II] А. Д. Протопопов возглавил делегацию по предложению М. В. Родзянко и избранию IV Государственной думы. В ходе поездки А. Д. Протопопов «очаровал всех членов, дипломатов» и «общественных и государственных деятелей за границей» (Допрос М. В. Родзянко // Падение царского режима... Т. 7. С. 141).

внимания на разные советы Родзянко. Вот что он пишет 25 июня 1916 г.: «Родзянко болтал, разумеется, всякую чепуху, но, по сравнению с прошлым годом, тон его изменился и стал менее самоуверенным! Из всех сказанных им глупостей самой большой было предложение заменить Штюрмера Григоровичем (на время войны), а также сменить Трепова и Шаховского. На должность первого он предложил инженера Воскресенского (я его не знаю), а на должность второго — своего товарища Протопопова. Наш Друг упоминал, кажется, как-то о нем»[I]. Тут следует отметить, что упоминание Протопопова также Распутиным не побуждает Государя остановить свое внимание на кандидате, рекомендованном председателем Государственной думы. К его рекомендации он не желает прислушиваться.

Другой тон в письме Государя от 20 июля, когда Протопопов имел у него аудиенцию в Ставке в качестве председателя парламентской делегации по возвращении депутатов из заграничной поездки. Государь пишет: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился — Протопопов, товарищ председателя Гос. думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного. Он бывший офицер Конно-гренадерского полка, и Максимович хорошо его знает»[II].

Несмотря на это хорошее впечатление, произведенное на него Протопоповым, Государь отнесся более чем сдержанно к просьбе императрицы назначить его на пост министра внутренних дел. Вот какой обмен мнений произошел по этому поводу между Государем и императрицей. Императрица пишет Государю 7 сентября о разных переменах, которые имелись в виду Штюрмером, в том числе и о назначении нового министра внутренних дел взамен Хвостова:

«Штюрмер хочет предложить на пост министра внутренних дел князя Оболенского из Курска-Харькова (перед тем он был в старой Ставке при Николаше!!), ра-

[I] Николай II — Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 662.

[II] Николай II — Александре Федоровне. 20 июля 1916 г. // Там же. С. 687.

ботающего теперь по продов. вопросу, но Григорий убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление, — он член Думы (не левый), а потому будет знать, как с ними себя держать. Эти мерзкие люди собрались и постановили, чтоб Родзянко отправился к тебе и просил сменить всех министров и назначить их кандидатов, дерзкие скоты. — Мне кажется, что ты не мог бы ничего сделать лучше, как назначив его. — Бедный Орлов был его большим другом, — я думаю, что Максимович должен хорошо его знать. Уже, по крайней мере, четыре года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека. Оболенский же, наверное, опять из той клики. — Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга»[I].

Государь отвечает 9 сентября 1916 г.:

«Мне кажется, что этот Протопопов — хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вместо Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь, — поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности. Этого Климовича я лично не знаю. Разве хорошо одновременно уволить обоих — т. е., я хочу сказать, министра внутренних дел и начальника полиции. Это нужно тщательно обдумать! И с кого начать? От всех этих перемен голова идет кругом. По-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны, потому что каждый новый человек вносит также перемены и в администрацию»[II].

Императрица повторяет свою просьбу в письме от 9 сентября:

[I] Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Там же. С. 730.

[II] Николай II — Александре Федоровне. 9 сентября 1916 г. // Там же. С. 733–734.

«Пожалуйста, назначь Протопопова министром внутренних дел; так как он член Думы, то это произведет на них большое впечатление и закроет им рты»[I].

По-видимому, этот последний довод побудил Государя назначить Протопопова на должность министра внутренних дел. Государь и императрица думали, что назначение популярного депутата на ответственный министерский пост, в особенности ввиду того, что этот депутат был рекомендован председателем Государственной думы, произведет отличное впечатление как среди депутатов, так и в стране. Вместе с тем Государь рассчитывал, что с привлечением Протопопова в состав правительства установятся более близкие отношения между Думой и Советом министров[II]. Результат получился совершенно обратный.

Члены Думы стали смотреть на Протопопова как на предателя, перебежчика в лагерь врагов, в особенности когда стало известно, что он своим назначением обязан был императрице и ее советчикам Штюрмеру и Распутину[III]. Депутаты были возмущены, у них было чувство, что им было нанесено тяжелое оскорбление, они чувствовали себя униженными и не скрывали своих чувств, когда Протопопов по обязанности службы являлся для объяснений в думской комиссии и в Общее собрание. К тому же он имел еще большую бестактность являться в Думу в форме главноначальствующего Корпуса жандармов[IV].

[I] Александра Федоровна — Николаю II. 9 сентября 1916 г. // Там же. С. 733.

[II] Николай II сообщил Александре Федоровне вскоре после 19 июля 1916 г., т. е. после встречи с товарищем председателя Думы, что «думает назначить его [Протопопова] министром внутренних дел». «Тем более что я, — подчеркивал император, — всегда мечтал о министре внутренних дел, который будет работать совместно с Думой» (*Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, царю и Отечеству. А. А. Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 108).

[III] Б. В. Штюрмер планировал назначить министром внутренних дел не А. Д. Протопопова, а председателя Особого комитета для борьбы с дороговизной князя Н. Л. Оболенского.

[IV] Министр внутренних дел по должности являлся шефом Отдельного корпуса жандармов. А. Д. Протопопов появился в Таврическом дворце в соответствующей форме, поскольку в этот же день ему надо было присутствовать на праздновании очередного юбилея корпуса.

Корпус жандармов исполнял главным образом обязанности политической полиции. Расследования политических преступлений производились жандармами, они же производили аресты лиц, заподозренных в политических преступлениях, и посему были особенно ненавистны либеральным кругам. Протопопов не мог не знать, что форма жандарма не могла вызывать симпатий среди членов Думы, и совершенно непонятно, почему он считал особенным почетом для себя являться к своим бывшим коллегам в жандармском мундире.

В Совете министров Протопопов своими выступлениями производил отрицательное впечатление. Его объяснения и суждения были необычайно поверхностны, он никаким авторитетом не пользовался и представлял собой жалкую фигуру по своей неосведомленности и некомпетентности. Наряду с этим у него были самые благие намерения проявить твердую власть не только в своем собственном министерстве, но и расширить деятельность своего ведомства передачей ему из Министерства земледелия продовольственного дела. Ни то, ни другое ему не удалось выполнить, несмотря на то, что он последний вопрос через императрицу представлял на благовоззрение Государя[1].

[1] На заседании правительства 15 октября 1916 г. против предложенной А. Д. Протопоповым передачи продовольственного снабжения из Министерства земледелия в МВД высказались только два члена кабинета — министр земледелия граф А. А. Бобринский и министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев. Но после того, как Бюджетная комиссия IV Государственной думы, в пику А. Д. Протопопову, выступила за сохранение прежнего положения, на заседании правительства 22 октября министры провалили предложение управляющего МВД. Его план поддержали Б. В. Штюрмер, три близких к нему министра (юстиции — А. А. Макаров, путей сообщения — А. Ф. Трепов и главноуправляющий государственным здравоохранением Г. Е. Рейн), а также государственный контролер Н. Н. Покровский, не приняли — семь министров (военный — генерал Д. С. Шуваев, морской — адмирал И. К. Григорович, финансов — П. Л. Барк, народного просвещения — П. Н. Игнатьев и торговли и промышленности — князь В. Н. Шаховской, земледелия — А. А. Бобринский, обер-прокурор Св. Синода — Н. П. Раев). Не желая обострять отношения с нижней палатой, от передачи продовольственного дела в МВД отказался не только Б. В. Штюрмер, но и А. Д. Протопопов, хотя с ними, вопреки мнению большинства, согласился Николай II. См.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 285.

Нужно отдать ему справедливость в одном таланте — он превосходно владел словом и мог говорить без конца. Эта особенность, однако, оказалась для него большой помехой в его новой деятельности. Он не имел никакого представления о времени. Когда он посещал меня, чтобы посоветоваться по какому-нибудь делу, я знал, что он раньше как через два часа от меня не уйдет, и должен был приносить в жертву драгоценное время. Между тем сам Протопопов не отдавал себе отчета, что он теряет столько времени на собственные разговоры. Он назначил определенные часы подчиненным в своем министерстве, ожидавшим часами своей очереди, которая совсем не наступала, и срочные текущие дела приходили в хаотическое состояние.

Однако сердиться на него было нельзя. Он был в высшей степени воспитанный человек, внимательный, любезный, располагающий к себе своим мягким обращением.

Он был прототипом тех своих коллег, которые после переворота образовали первое революционное Временное правительство, — фантазеров, преисполненных добрых намерений, лишенных всякого государственного опыта, обладавших талантом красноречия и придававших огромное значение словам, но не умевших претворять слова в действия. Вполне естественно, что их призрачная власть продолжалась всего несколько месяцев и что они без труда были сметены большевиками, которые понимали, что значит «действовать».

Протопопов был назначен на должность министра внутренних дел 16 сентября[1], но Государю, который был весьма наблюдательным, недолго потребовалось времени, чтобы дать ему правильную оценку. Уже 10 ноября он пишет императрице: «Мне жаль Протопопова — хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне

[1] Точнее, А. Д. Протопопов был назначен 16 сентября 1916 г. управляющим МВД и утвержден в должности министра 20 декабря.

нормален после известной болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека Министерство внутренних дел в такие времена!»[I]

Очень интересно отметить, что Государь упоминает о молве, которая была пущена членами Думы, что Протопопов вдруг сделался ненормальным. Это был очень ловкий маневр. Иначе трудно было объяснить нападки на него со стороны бывших коллег, которые вдруг сообразили, что он, в сущности, ничтожный человек. Довольно непонятный «volte-face»[II]!

Вчера, когда он руководил прениями Государственной думы, занимал кресло товарища председателя, он был всеми признаваем как один из самых выдающихся парламентариев и сами думцы, во главе с председателем Родзянко, считали его достойным занять пост министра. Сегодня, когда он поднимался на трибуну той же Государственной думы в качестве министра внутренних дел, тот же человек — ничтожество. Совершенно непостижимая метаморфоза. Однако вся картина меняется, если пустить слух, что за эти несколько дней он сошел с ума. Тогда все объяснимо. — Вчера он — выдающаяся величина, сегодня он — ничтожество.

Председатель Совета министров Штюрмер тоже ошибся, думая, что с заменой Хвостова Протопоповым он найдет в последнем умного сотрудника, который установит прочный мост между правительством и нижней палатой. Ему пришлось горько разочароваться в этом, когда занятия Государственной думы возобновились 1 ноября[III].

[I] Николай II — Александре Федоровне. 10 ноября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 824.

[II] Поворот *(фр.)*.

[III] Вспоминая заседание Совета министров, состоявшееся 1 ноября 1916 г., Н. Н. Покровский писал: «Шла речь о том, произвести ли роспуск Государственной думы или нет... Выяснились два мнения: Протопопов был за роспуск, Барк, по-видимому, тоже. Он высказывался даже за то, чтобы на всякий случай стянуть в Петроград гвардейскую кавалерию для подавления возможного возмущения. Против роспуска были Макаров, Григорович, граф Игнатьев, я, может быть, еще другие» (*Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце... С. 169).

После правительственной декларации[I] и нескольких патриотических слов, произнесенных председателем Государственной думы, на трибуну поднялся лидер оппозиции Милюков и произнес речь, которая, по его мнению, была чрезвычайно умна и патриотична, в действительности же представляла собой революционную пропаганду.

Его речь состояла из целого ряда слухов и сплетен, собранных не только в России, но почерпнутых также из германских газет. Оппозиция принимала эти сведения за чистую монету и оглашала их с трибуны Государственной думы в качестве непреложных фактов. Каждую свою фразу Милюков заканчивал словами, которые казались ему весьма остроумными: «Глупость это или измена?»[II]

Правительству была заранее известна программа выступления Милюкова в Государственной думе, и посему Совет министров в полном составе покинул Думу после приветствия ее председателя, пользуясь тем, что в этот же день было назначено возобновление занятий Государственного совета и председатель Совета министров должен был огласить декларацию правительства также и там[III].

[I] Правительственная декларация 1 ноября 1916 г. озвучена не была, поскольку правительство во главе с Б. В. Штюрмером после открытия заседания Общего собрания в полном составе покинуло Таврический дворец, протестуя против оппозиционной декларации Прогрессивного блока, о содержании которой они узнали накануне.

[II] Имеется в виду речь П. Н. Милюкова, с которой он выступил 1 ноября 1916 г. при открытии пятой сессии IV Государственной думы. Текст речи см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 245–255. Член президиума Чрезвычайной следственной комиссии А. Ф. Романов писал: «Все факты, указанные в этой речи, были проверены Комиссией следственным путем, не нашли себе никакого подтверждения и оказались основанными лишь на слухах, неизвестно от кого исходивших, что должен был признать на допросе и сам Милюков» (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство... // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 26). О реакции на речь П. Н. Милюкова Николая II, Александры Федоровны и Б. В. Штюрмера см.: *Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. 1999. Вып. 11. С. 82–85.

[III] Б. В. Штюрмер 1 ноября 1916 г. не выступал с декларацией и в Государственном совете.

Милюков закончил свою речь заявлением, что при существующем правительстве не может быть победы над врагом, однако оппозиция примет меры к тому, чтобы не при содействии этого ненавистного правительства, а вопреки ему война была доведена до последнего конца.

Такая нелепая речь, конечно, не могла быть допущена к печати, и военная цензура распорядилась не оглашать ее.

Бедный Протопопов оказался также одной из главных мишеней, в которые были направлены стрелы Милюкова.

Штюрмер ошибся также в своем предположении, что с назначением Протопопова его собственное положение будет упрочено и что, имея преданного ему министра внутренних дел, он будет в состоянии укрепить свой авторитет в Совете министров. Министр путей сообщения Трепов продолжал очень ловко вести кампанию против него, в частности, пользуясь тем, что у Штюрмера было немецкое имя, которое способствовало распространению легенды, будто он германофил и, руководя Министерством иностранных дел, прилагал старания к тому, чтобы склонить Государя к более примирительному отношению к нашим противникам. При этом Трепов, конечно, не упоминал, что его собственное имя тоже германского происхождения (Trepp-Hof)[I].

[I] По сведениям князя С. Д. Урусова, отец А. Ф. Трепова, знаменитый с.-петербургский градоначальник генерал Ф. Ф. Трепов, был «незаконным сыном первого германского императора, прусского короля, старого Вильгельма. После того как Вильгельм еще в молодых годах гостил в Петербурге у своей сестры Александры Федоровны, супруги императора Николая I, — сообщает С. Д. Урусов, — на дворцовой лестнице фрейлинского отделения был найден ребенок, которому была дана фамилия Трепов (от немецкого слова Trepp (лестница))» (*Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 538). Впрочем, формально Ф. Ф. Трепов, исповедовавший лютеранство (его дети, в том числе А. Ф. Трепов, уже являлись православными), происходил «из обер-офицерских детей» и выслужил потомственное дворянство в 1858 г. См.: *Куликов С. В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // Из глубины времен. 1997. Вып. 9. С. 11. По другим данным Ф. Ф. Трепов — внебрачный сын директора городов Павловска и Гатчины действительного статского советника Ф. А. Штенгера (*Губастов К. А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 1908).

Вполне понятно, что, слыша от многих русских опасения о возможной перемене нашей политики, оба посла союзных держав, Англии и Франции, приходили в смущение и доносили своим правительствам, что, пока Штюрмер находится во главе Совета министров, они не могут не испытывать беспокойства.

Неблагоприятная атмосфера, которая создалась вокруг имени Штюрмера, не могла оставаться неизвестной Государю, который в начале ноября решил расстаться с ним. Интересно отметить его переписку по этому поводу с императрицей.

Относительно ее общения со Штюрмером и некоторыми другими министрами, являвшимися к ней с докладами, он ей писал 23 сентября 1916 г.: «Да, действительно, тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты приносишь огромную пользу мне и нашей стране! О, бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты, наконец, нашла себе подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах»[I].

Однако, когда Государь пришел к убеждению, что необходимо произвести серьезную перемену в Совете министров, он это делает самостоятельно, не спрашивая мнения императрицы, хотя ожидал в ближайшие дни ее приезда в Ставку, и в одном письме даже говорит, что о предстоящих переменах будет с ней беседовать по ее приезде в Могилев. 8 ноября он пишет: «Все эти дни я думал о старике Штюрмере... Я не понимаю, в чем дело, но никто не имеет доверия к нему!»[II] 9 ноября он продолжает: «Я приму Штюрмера через час и буду настаивать на том, чтоб он взял отпуск. Увы! я думаю, что ему придется

[I] Николай II — Александре Федоровне. 23 сентября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 765.

[II] Николай II — Александре Федоровне. 8 ноября 1916 г. // Там же. С. 821.

совсем уйти, — никто не имеет доверия к нему. Я помню, что даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. Надо с этим считаться»[I].

В тот же и следующий день император посылает телеграммы императрице:

9 ноября: «Сердечно благодарю. Переговорил со стариком, он возвращается завтра. Сообщит тебе мое решение»[II].

10 ноября: «Исполнил. Спокойной ночи»[III].

10-го же он пишет: «Нежно благодарю за дорогое письмо. Когда ты получишь мое, ты, наверное, уже будешь знать от Штюрмера про перемены, которые крайне необходимо теперь произвести»[IV].

Он пишет дальше в своем письме о Протопопове и о последующих переменах, о которых говорил с Штюрмером и новым председателем Совета министров Треповым:

«Старого Бобринского также надо сменить. Если мы найдем на его место умного и энергичного человека, тогда, надеюсь, продовольственный вопрос наладится и без изменений в существующей системе. Пока будут происходить эти перемены, Думу закроют дней на 8, иначе они стали бы говорить, что это делается под их давлением. Трепов, во всяком случае, постарается сделать, что может. Он вернется, по всей вероятности, в воскресенье и привезет список лиц, которых мы намечали с ним и с Штюрмером. Только, прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе. Бедный старик был спокоен и трогателен»[V].

[I] Николай II — Александре Федоровне. 9 ноября 1916 г. // Там же. С. 823.
[II] Телеграмма Николая II Александре Федоровне. 9 ноября 1916 г. // Там же.
[III] Там же.
[IV] Николай II — Александре Федоровне. 10 ноября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 824.
[V] Там же. С. 825.

Очень знаменательны последние слова Государя о Распутине.

Назначение Трепова было полнейшей неожиданностью для императрицы. Она не скрывает своего смущения и высказывает Государю свои опасения, что Трепов не будет преданным ей человеком. В письме от 10 ноября она пишет Государю:

«Принимала старика Штюрмера. Он сообщил мне о твоем решении — дай Бог, чтоб все было к добру, хотя меня больно поразило, что ты его уволил и из Совета министров. У меня стало очень тяжко на душе — такой преданный, честный, верный человек! Твоя благосклонность и доверие, а также почетное назначение очень тронули его». Далее она пишет о Трепове: «Трепов мне лично не нравится, и я никогда не буду питать к нему таких чувств, как к старикам Горемыкину и Штюрмеру. То были люди доброго старого закала. Этот же, надеюсь, будет тверд (боюсь, что душевно — он черствый человек), но с ним гораздо труднее будет говорить. Те двое любили меня и с каждым волновавшим их вопросом приходили ко мне, чтоб не беспокоить Тебя, а этот — увы! — меня недолюбливает, и если он не будет доверять мне или нашему Другу, то, думается, возникнут большие затруднения»[I].

Трагедия России заключалась в том, что различные круги, искренне убежденные, что они одни — патриоты, одни понимают настоящие национальные цели страны и находятся на правильном пути к достижению процветания России, — с полным недоверием и даже ненавистью относились к инакомыслящим. Нетерпимость к другим вместо содружества во время Великой войны, когда требовалось полное единение для победы над грозным врагом, погубила великую империю.

Вновь оправдалась старая истина: «Quos vult Jupiter perdere, dementat prius»[II].

Императрица была искренне убеждена, что она призвана к поддержанию авторитета династии и к сохране-

[I] Александра Федоровна — Николаю II. 10 ноября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 823–824.
[II] «Если Бог хочет наказать, он лишает разума» *(лат.)*.

нию суверенных прав монарха, которые должны потом перейти к наследнику престола в полной неприкосновенности. Вот почему она постоянно умоляет Государя проявлять свою силу, чтобы всем было ясно, что он хозяин страны: «Покажи, что Ты хозяин» («Show that You are the Master»).

У нее стало какой-то навязчивой мыслью, что существует вражеский лагерь, где ее ненавидят за ее определенные принципы и за твердую волю, с коей она проводила эти принципы в жизнь.

Государь по необычайной деликатности своего характера большей частью не реагировал на эти выпады, иногда обещает ей следовать ее советам, но подчас в мягкой форме дает ей отпор.

В одном из своих писем (от 23 февраля 1917 г.) он пишет императрице:

«Ты пишешь о том, чтобы быть твердым — повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место»[1].

С другой стороны, в кругах оппозиции, где все усилия были направлены к захвату власти, существовал другой гипноз. Там было распространено убеждение, что Государь в 1906 г. дал конституционное правление под напором революционных событий, что он хочет восстановить самодержавие и воспользуется первым удобным случаем, чтобы привести его намерение в исполнение. В этих же кругах и в обществе все более укреплялось мнение, что главная беда заключается в личности Распутина. Стоит только устранить его, и все события пойдут иначе.

Помню по этому поводу мои разговоры с великим князем Николаем Михайловичем и его братом великим князем Сергеем Михайловичем, а также с председателем Государственной думы.

[1] Николай II — Александре Федоровне. 23 февраля 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 873.

Великие князья во время моей беседы с ними во дворце великого князя Николая Михайловича очень откровенно сказали мне, что они только что говорили о пагубном влиянии Распутина. Я на это возразил, что совсем не согласен с ними, что если Распутин и пользуется влиянием на императрицу, то на решениях Государя эти влияния очень редко отражаются. Насчет же влияния на императрицу лиц, которых она по тем или иным причинам считает пророками, вследствие ее экзальтированной натуры, полной мистицизма, то, по моему мнению, если Распутин будет устранен, то может появиться кто-либо другой, в кого императрица поверит как в пророка.

Председатель Государственной думы в течение осени 1916 г. несколько раз был у меня, главным образом чтобы представить доводы в пользу скорейшего образования правительства из лиц, заслуживающих общественного доверия, то есть политических деятелей и в частности Государственной думы. С Родзянко у меня были хорошие отношения, и он вполне откровенно высказывал свои мысли. Он не скрывал своего желания стать во главе «правительства общественного доверия», в качестве председателя Совета министров, и говорил мне, что первой задачей этого правительства должно быть устранение Распутина, который, по его мнению, был причиной всех бед. Родзянко был очень доволен собственной персоной, находил, что он обладает специальным даром объединять вокруг себя людей, и был уверен, что под его руководством новое правительство с легкостью справится со всеми трудными проблемами, связанными с военными действиями. Я не высказывал никакого сомнения в его исключительных способностях, но задал ему однажды вопрос, что он намерен предпринять, если с устранением Распутина окажется, что императрица подпадает под влияние какого-либо иного старца, в кого она будет верить, как в пророка. Нисколько не смутившись, Родзянко ответил, что в таком случае новое правительство предъявит Государю требование о заключении императрицы в монастырь, ссылаясь на исторические примеры в прошлом.

19 ноября Трепов заменил Штюрмера в качестве председателя Совета министров и выступил в Государственной думе и Государственном совете с краткой и очень умно составленной декларацией[I].

Государственная дума лишний раз высказала свое нежелание работать с правительством, назначенным верховной властью.

Государь прислушивался к общественному мнению, расстался со Штюрмером, который был неугоден Государственной думе, и выбрал в качестве его заместителя одного из наиболее энергичных министров, который за короткое время управления своим ведомством проявил административные способности. Не будучи сам техником, он привлек на должности двух своих помощников опытных инженеров, которые служили в частных железнодорожных обществах. Один из них был Войновский-Кригер, председатель правления Владикавказской железной дороги, впоследствии он заменил Трепова на посту министра путей сообщения. Я охотно облегчил Трепову трудную задачу привлечения этих инженеров, получавших крупное содержание на частной службе, согласившись ввиду исключительных обстоятельств назначить обоим особое вознаграждение, дополнительное к обычным окладам, которые получали все товарищи министров.

В особую заслугу надлежит вменить Трепову, что он с необычайной энергией проводил постройку новой железнодорожной линии от Петрограда к Мурманску на Северном Ледовитом океане.

Порт в Архангельске был далеко недостаточен для приема военного снабжения, приходившего из-за границы. К тому же он был открыт для навигации только в течение нескольких месяцев летнего времени.

Трепову удалось закончить постройку новой линии к осени 1916 г., и хотя она и не вполне удовлетворяла всем техническим требованиям, тем не менее по ней могли уже доставляться предметы военного снаряжения и снабжения, приходившие из-за границы и столь нужные армии[I].

[I] Ее текст см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 311–318.

Трепов пригласил делегацию из членов Государственной думы и Государственного совета совершить с ним поездку по вновь открытой линии и давал своим гостям все необходимые объяснения, что в значительной степени сблизило его с наиболее выдающимися депутатами и членами Государственного совета, которые оценили его распорядительность. Однако, несмотря на такое, сравнительно доброжелательное, отношение к нему в Государственной думе и Государственном совете, появление его на трибуне в качестве главы правительства вызвало в нижней палате выкрики: «Долой правительство, долой Протопопова!» Безобразный шум, поднятый депутатами, заставил его несколько раз прерывать речь[II].

После декларации правительства особенно завлекательны были выступления графа Владимира Бобринского[III] и Пуришкевича[IV]. Оба принадлежали к правому крылу Государственной думы, которое обычно поддерживало министров и не примыкало к критике оппозиции. Однако на этот раз речи этих двух депутатов ничем не отличались от нападок, которые направлялись против правительства со стороны левых партий.

Наряду с оппозиционным движением, которое развивалось в кругах политических, в обществе и в армии вследствие энергичной пропаганды депутатов и членов Городского и Земского союзов, с осени начинается сильный подъем революционного движения среди

[I] «В воздаяние выдающейся ревностной службы Вашей, — телеграфировал Николай II А. Ф. Трепову 3 ноября 1916 г., — в день окончания укладки рельсового пути, соединяющего Россию с незамерзающим Мурманским побережьем, жалую Вас званием моего статс-секретаря с оставлением в занимаемой Вами должности» (Николай II — А. Ф. Трепову. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства Императорского двора). Оп. 67. Д. 634. Л. 30).

[II] Из-за обструкции, устроенной левыми депутатами, А. Ф. Трепову пришлось три раза подниматься на думскую кафедру.

[III] Текст его речи см.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: в 4 т. М., 1995. Т. 4. С. 97–100.

[IV] Текст его выступления см.: Там же. С. 89–97.

фабричных рабочих, устраивавших спорадические стачки. В особенности этот рост достигает большой высоты в октябре, когда число бастовавших рабочих дошло до 187 000. Стачечная борьба носила в это время ярко выраженный политический характер. Руководство движением находилось в руках большевиков. Петроградский комитет партии наладил настолько сильную организационную связь с рабочими массами и армией, что, несмотря на обыски и аресты, произведенные Департаментом полиции среди его членов летом и осенью этого года, влияние большевиков непрерывно усиливалось и Петроградский комитет по-прежнему стоял во главе движения.

Наряду с осадой власти, которая велась открыто политическими деятелями, объединившимися в Прогрессивном блоке, причем противоправительственная пропаганда раздавалась с трибуны Государственной думы, шла подпольная деятельность нелегальных революционных партий.

Представители оппозиции имели в виду произвести дворцовый переворот, заменив царствующего Государя малолетним наследником, с назначением великого князя Михаила Александровича регентом до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича. Они боялись революции, и их пожелания сводились к введению в России парламентаризма, при сохранении монархии. Их пропаганда в армии была направлена к установлению тесной связи между политическими деятелями и командным составом — генералами и офицерами.

Между тем нелегальные революционные партии направляли свою пропаганду в среду низовых народных масс, рабочих, крестьян и солдат на фронте, так и среди новобранцев, обучавшихся в тылу.

Война приняла затяжной характер, и постепенно среди народных масс создавалась атмосфера, чрезвычайно благоприятная для восприятия революционной пропаганды.

Главная задача правительства заключалась в снабжении армии всем необходимым вооружением и продовольствием. Успешное наступление армий генерала Брусилова в течение летних месяцев 1916 г. доказало, что снабжение фронта, после тяжелых испытаний 1915 г., значительно улучшилось и вполне обеспечивало военные нужды. Следует, однако, отметить, что интересам тыла не уделялось должного внимания, и таковые сильно страдали. Новые постоянные наборы солдат среди крестьянского населения лишали деревни необходимых работников. Число мобилизованных достигало 12 млн человек. Усиленные подвозы продовольствия на нужды фронта вносили дезорганизацию в деле снабжения городов, создавая впечатление недостатка продуктов. Этой дезорганизации способствовал усиленный выпуск бумажных денег на военные нужды, который имел последствием обесценивание денежной единицы и вздорожание цен на все продукты. Крестьяне задерживали у себя запасы хлеба, боясь продешевить свой товар и ожидая дальнейшего повышения цен. Большинство не отдавало себе отчета в причинах этого вздорожания и приписывало его проискам спекулянтов, наживавших огромные барыши. Во всей неурядице обвинялось правительство и указывалось, что оно не принимает надлежащих мер для ограждения интересов широких масс населения.

Ростом этого оппозиционного настроения, которое свидетельствовало, что население стало проявлять усталость от войны, нелегальные революционные партии воспользовались для усиления своей пропаганды. В деревне началось брожение как в 1905 г. во время первой революционной вспышки. Стали устраиваться ячейки разных организаций, которые составляли резолюции, направленные против имущих классов, главным образом против помещиков и купцов. Среди крестьян распространилась молва, что после войны земля помещиков будет распределена между ними, без всякого вознаграждения.

Среди рабочих пропаганда была направлена к тому, чтобы путем стачек задерживать исполнение военных запасов для скорейшего прекращения войны.

Среди солдат настроение изменилось после тяжелых неудач 1915 г., и революционная пропаганда была

направлена очень искусно на развитие недовольства, причем объекты этого недовольства постепенно менялись. Сначала это была пища, потом одежда, потом служба вообще, потом война и, наконец, начальство. Очень показательным документом, свидетельствующим, насколько сильна была революционная пропаганда среди солдат, является письмо с фронта, которое опубликовано в томе XVII «Красного архива». Оно было перехвачено Департаментом полиции и привело в большое смущение военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего. Начинается оно с того, что скоро или не очень скоро, но война закончится, а с этим встает для русского народа вопрос освобождения; долг революционных и социалистических партий приготовиться к борьбе, организовать и сосредоточить революционные силы и выработать программу и тактику для достижения победы. Только повсеместная революция, а не частичные восстания, как было в 1905 г., даст свободу народу. В период ликвидации войны восставший народ должен быть поддержан бунтом в армии, что одно может оказать революции надежную и достаточную поддержку.

Далее в письме излагается подробный план революционных мероприятий, имеющих целью установить в России демократическую республику[1].

Министерство внутренних дел было осведомлено о деятельности революционных партий и принимало меры к подавлению их пропаганды. В июле 1916 г. в Петрограде были произведены многочисленные аресты видных представителей Партии большевиков, последствием чего явилось ослабление их революционной деятельности. В целях возобновления прерванной работы большевики после июльских арестов приступили к пополнению кадров своих активных работников и стали привлекать в свои ряды дезертиров из армии. Когда организация их стала снова крепнуть, Департаментом полиции были вновь произведены многочисленные аре-

[1] Текст письма см.: Революционная пропаганда в армии в 1916-1917 гг. // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 38–44.

сты. Однако деятельность их не прекращалась, и в их среде созрела мысль об образовании левого блока для преследования революционных целей. Вопрос этот обсуждался на конспиративном собрании на квартире члена Государственной думы Чхеидзе 9 октября. Было признано, что деятельность членов Государственной думы и Прогрессивного блока не соответствует стремлениям народных масс, и собрание определенно приняло принципы пораженцев, которые были провозглашены на конгрессах социалистов в Циммервальде[I] и Кинтале[II].

[I] Первая международная социалистическая конференция, происходившая 5–8 сентября (н. ст.) 1915 г. в швейцарской деревушке Циммервальд, приняла Манифест, содержавший основные принципы революционного пораженчества.

[II] Вторая международная социалистическая конференция заседала 24–30 апреля (н. ст.) 1916 г. в Берне, затем — в поселке Кинталь (также в Швейцарии). Манифест, принятый на этой конференции, призывал рабочий класс к захвату власти.

ГЛАВА XXIII

Осенью 1916 г. были сделаны разными лицами попытки предостеречь Государя и императрицу от опасностей, которые грозили династии и всей стране, в случае если принятая ими политика не будет изменена. Самым знаменательным предостережением было письмо великого князя Николая Михайловича, о коем я упоминал раньше, написанное им 1 ноября 1916 г. Интересны подробности представления его Государю. Великий князь давно пришел к убеждению, что его долг открыть глаза на то, что творится вокруг. Однако он долго не решался привести свое намерение в исполнение. Он об этом упоминает в письме, поясняя, что решился на этот шаг после того, как обсуждал его с императрицей Марией Феодоровной и великой княгиней Ксенией Александровной. Великий князь отдавал себе отчет, что, упоминая о влиянии императрицы и ее «Друга», он затрагивает самые глубокие чувства Государя и что Его величество может отнестись к нему очень сурово как к непрошенному советнику. Он правильно решил испросить аудиенцию у Государя, чтобы на словах представить свои мысли, письмо же захватил с собой, чтобы в зависимости от

направления, которое получит беседа, оставить письмо у Государя в виде памятной записке. Получив разрешение приехать в Ставку, великий князь очень волновался. Он поделился со своим секретарем Молодовским своими опасениями и сказал ему, что после аудиенции сообщит ему по телеграфу о ее результатах. Было условлено, что в случае милостивого приема в телеграмме будет сказано «колибри», в случае же недовольства Государя будет упомянута «ворона». Молодовский был очень счастлив, получив депешу со словом «колибри». Государь, действительно, очень милостиво отнесся к заявлению великого князя, внимательно выслушал чтение им письма и дополнительные объяснения. Оставлять письмо у Государя великий князь не хотел, будучи убежден, что беседа произвела на Государя глубокое впечатление, однако Его величество настоял на том, чтобы сохранить письмо у себя.

Сообщая императрице о посещении великого князя Николая Михайловича, Государь нашел самым простым переслать ей это письмо великого князя.

Привожу здесь содержание этого письма:

«Ты неоднократно выражал твою волю "довести войну до победоносного конца". Уверен ли ты, что, при настоящих тыловых условиях, это исполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении не только внутри Империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан, Кавказ)? Говорят ли тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла?

Разреши в кратких словах выяснить тебе суть дела.

Пока производимый тобой выбор министров при таком же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц — дело могло еще идти, но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немыслимо.

Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному,

сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных, систематических вмешательств этих нашептываний через любимую тобой супругу.

Если твои убеждения не действуют, — а я уверен, что ты уже неоднократно боролся с этим влиянием, — постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но, как только являются другие влияния, ты начинаешь колебаться, и последующие твои решения уже не те. Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобою доверие громадного большинства твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой. Ты найдешь людей, которые, при изменившихся условиях, согласятся работать под твоим личным руководством.

Когда время настанет, а оно уже не за горами, ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность перед тобой и перед законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 г.

Я долго колебался открыть всю истину, но после того, как твоя матушка и твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился.

Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — новых покушений. Поверь мне: если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, — в этом ты уже убедился и Ее величество тоже, — а только ради надежды и упования спасти тебя, твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий»[I].

Однако это письмо до глубины души возмутило императрицу, и она написала Государю следующее:

«Я прочла письмо Николая (великого князя Николая Михайловича) и страшно возмущена им. Почему ты не остановил его среди разговора и не сказал ему, что если он еще раз коснется этого предмета или меня, то ты сошлешь его в Сибирь, так как это уже граничит с государственной изменой? Он всегда ненавидел меня и дурно отзывался обо мне все эти 22 года, — и в клубе также (у меня был такой же самый разговор с ним в этом году), — но во время войны и в такой момент прятаться за спиной твоей мама́ и сестер и не выступить смело (независимо от согласия или несогласия) на защиту жены своего Императора, это — мерзость и предательство. Он чувствует, что со мной считаются, что меня начинают понимать, что мое мнение принимается во внимание, и это невыносимо для него. Он — воплощение всего злого, все преданные люди ненавидят его, — даже те, кто не особенно к нам расположены, возмущаются им и его речами. — А Фредерикс стар и никуда не годен, не сумел его остановить и задать ему головомойку, а ты, мой дорогой, слишком добр, снисходителен и мягок. Этот человек должен трепетать перед тобой; он и Николаша (великий князь Николай Николаевич) — величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин и Сергея (Михайловича, великого князя, родного брата Николая Михайловича. — *С. К.*)»[II].

В таком же духе императрица реагировала на письмо, полученное ею также осенью 1916 г. от княгини Васильчиковой, жены члена Государственного совета и бывшего министра земледелия. Княгиня Васильчикова была сестрой графини Игнатьевой, муж коей был в это время министром народного просвещения[III].

[I] См.: Николай II и великие князья... С. 145–147.

[II] Александра Федоровна — Николаю II. 4 ноября 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 812–813.

[III] С. Н. Васильчикова «очень мало знала и не очень понимала» Александру Федоровну (Из бумаг А. В. Тырковой-Вильямс. Запись рассказа кня-

Следует, однако, отметить, что Государь, не желая слушать советников, которые стояли за изменение политики в более либеральном направлении, оставался одинаково глух и к советам, которые исходили из лагеря крайне правых, которые стремились к сокращению прав, предоставленных законодательным учреждениям.

В кружке крайних правых была составлена записка, которая была передана членом Государственного совета Римским-Корсаковым Штюрмеру для представления Государю. В ней рекомендовалось распустить Государственную думу и изменить Основные законы. Штюрмер не решился представить записку Государю, и лишь после его ухода с поста председателя Совета министров она была частным образом передана Его величеству в ноябре 1916 г.[1]

Вот предисловие к этой записке:

«Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума при поддержке так называемых общественных организаций вступает на явно революционный путь, ближайшим последствием чего, по возобновлении ее сессии, явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государ-

гини С. Васильчиковой // Возрождение. 1964. № 156. С. 95), но тем не менее написала царице письмо, будучи «под свежим впечатлением каких-то разговоров о "темных силах"» (*Любимов Л. Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 105). В письме указывалось на то, что Александра Федоровна «своим вмешательством в политические дела России ведет царствующую династию к неминуемой гибели, и что лучшим исходом было бы добровольное удаление Государыни императрицы из пределов России» (В конце 1916 г. // Былое. 1918. № 30. С. 153). Письмо С. Н. Васильчиковой Николай II расценил как оскорбление Александры Федоровны, и по желанию царя министр Императорского двора граф В. Б. Фредерикс 2 декабря 1916 г. объявил Б. А. Васильчикову высочайшее повеление о ссылке его жены в их имение «Выбити», находившееся в Новгородской губернии, куда, вслед за С. Н. Васильчиковой, последовал и ее супруг.

[1] В действительности эта записка, написанная выборным членом Государственного совета М. Я. Говорухой-Отроком, была передана Николаю II Н. А. Маклаковым 16 января 1917 г., когда царь отметил: «В 6 час. принял Маклакова» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 287).

ственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь уже подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа»[I].

Когда эта записка была составлена, бывший министр внутренних дел Маклаков представил несколько письменных пояснений[II], которые дают интересную характеристику политического положения в России и отношений, существовавших между различными партиями:

«В обществе и даже в среде самого правительства последних лет в этом отношении существует довольно прочно установившееся убеждение, что стоит Монарху даровать действительные, настоящие конституционные права и гарантии, пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве, принести за Себя или за Своего Наследника присягу на верность конституции, и тотчас же настанут для России светлые дни, все сразу успокоится, а умеренные партии законодательных учреждений, только к этому одному и стремящиеся, выведут государство из этого тупика, в который оно поставлено нерешительной и непоследовательной политикой правительства.

Такого рода мнение совершенно ошибочно, и вовсе не по тому одному, как думают некоторые из представителей противоположного течения мыслей, что цели этих умеренно-либеральных партий, кадетов и октябристов, идут гораздо дальше фактического захвата ими власти. Эти партии, быть может, и действительно вполне искренно примирились бы с правительством, ими поставленным, и удовлетворились бы достигнутым результатом своей многолетней борьбы. Но дело в том, что сами эти элементы столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно. Наи-

[I] См.: *Блок А. А.* Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 81. С процитированным документом П. Л. Барк имел возможность ознакомиться в томе 5 «Архива русской революции» (Берлин, 1922. С. 337).

[II] Пояснения принадлежат перу М. Я. Говорухи-Отрока.

более сильной и деятельной из них является Партия кадетов, ведущая в поводу все остальные; но если приглядеться к ней не в смысле писаных программ, а в смысле бытовых черт самого ее существования и последовательного хода ее возникновения, то придется признать, что эта партия сильна лишь своей слабостью. Нося название демократической, а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народоправства и отрицания собственности. Имея в составе своем значительное число так называемых земских деятелей, владельцев земли, Кадетская партия первым пунктом своей программы поставила отчуждение земли, окончательное разорение собственных своих сочленов; конечно, руководители ее не были искренни в этом случае и к этому вовсе не стремились, весьма охотно выпустив этот пункт из программы созданного и руководимого ими Прогрессивного блока, но не является ли это лучшим доказательством того, что они не верят в собственное свое самостоятельное существование и ищут сочувствия извне путем уступок и жертв; без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой, не ихней, колоды карт, кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств — и ничего более.

Еще меньше можно назвать политической партией Партию октябристов, в самой Думе уже расколовшуюся на разные оттенки, партию, искусственно созданную на лозунгах Манифеста 17 октября, для многих спорного и ни для кого не ясного. Слабость ее заключается уже не в том, что она приняла чуждые ей лозунги, а в том, что их у нее нет вовсе; и не видели ли мы самых разительных примеров того, как люди, называющие себя октябристами, перебегали из одного лагеря в другой, легко и свободно меняя свои убеждения в зависимости от временных обстоятельств, колебаний правительственной политики, а еще чаще совершенно личных побуждений. Прав был один из правых ораторов в Думе, сказавший, что стоит сжечь одну помещичью усадьбу, чтобы

превратить сотню октябристов в правых, и достаточно обойти наградами к 6 декабря[1] несколько видных либеральных чиновников, чтобы сделать из октябристов кадетов.

Что же можно сказать, наконец, о так называемом центре, или о прогрессивных националистах. Возможно ли назвать политической партией этих людей, сегодня довольных начальством и прошедших в Думу по правым спискам за счет правых партий, а завтра огорченных увольнением князя Щербатова и тотчас забывших, кто они именно такие. И этот центр и эти либеральные националисты, не являют ли они столь же убедительный пример того, сколь смешны и ничтожны деления русских людей на политические партии. Сколь еще младенческая страна Россия в политическом отношении. Явные и наиболее яркие антисемиты Юго-Западного края, прошедшие голосами и грошами низов, ненавидящих евреев вплоть до погромов, с непоколебимой уверенностью в легальности своей позиции, как народных избранников, подписывают программу Прогрессивного блока, где одним из пунктов стоит еврейское равноправие.

<...>

Надо признать, что и правые партии находятся в состоянии летаргии. Обыкновенно посылаемый им упрек в бездеятельности и отсутствии программы едва ли, однако, справедлив, и вся вина их заключается в том, что они сразу и бесповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанного на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию. Что могли они сделать и что сказать, когда с высоты Престола провозглашена была ломка тех устоев, которыми держалась Россия до сих пор и без которых она, по их мнению, должна погибнуть? Много ли им давала та неопределенность выражений, туманность некоторых пунктов Основных законов, допускавших некоторую возможность разноречивых толкований? Правые сделали все, что могли: они содействовали прове-

[1] День Тезоименитства Николая II.

дению в Третью и Четвертую Думы более умеренных элементов, они сами не боялись ни травли, ни унижений, но могли ли они дать стране политическое воспитание, могли ли сами образовать политическую партию с определенной программой, — они, люди, отрицающие эту политику, защитники Единой Царской Самодержавной Власти? С ними сбылось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, рассеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться.

Совершенно иное положение партий левых: трудовиков, социал-демократов, вплоть до социал-революционеров. Несмотря на совершенную нелепость их настоящих представителей в Думе, несмотря даже на то, что нет такого социал-демократа или социал-революционера, из которого за несколько сот рублей нельзя было бы сделать агента охранного отделения, опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет "Боже, Царя храни", как и орет "Долой Самодержавие", но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна, она вправе притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю. 1905 и 1906 годы с достаточной убедительностью уже показали, что, яростный защитник своей собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом с той минуты, когда дело коснется чужого добра.

Итак, при полной, почти хаотической, незрелости русского общества в политическом отношении объявление действительной конституции привело бы к тому, что более устойчивые и сильные политические партии и течения, имея благоприятную под собою почву в самых конституционных гарантиях, тотчас стали бы поглощать партии, менее жизненные и сильные, и приобрели бы преимущественное влияние на дальнейшие судьбы государства. Можно без всякого преувеличения сказать, что обнародование такого акта сопровождалось бы, прежде всего, конечно, полным и окончательным разгромом партий правых и постепенным поглощением партий промежуточных: центра, либеральных консерваторов, октябристов и прогрессистов Партией кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та же участь. При выборах в Пятую Думу эти последние, бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева (как и было, например, в некоторых губерниях при выборах во Вторую Думу). А затем... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник»[I].

Самым трагичным предупреждением для Государя и императрицы явилось убийство Распутина и обстановка, при коей оно произошло[II]. Все его подробности стали общим достоянием с тех пор, как главное действующее лицо, князь Юсупов, опубликовал в 1927 г. в Париже свою книгу «Конец Распутина»[III]. Он объясняет, как он постепенно пришел к убеждению, что Распутин — злой гений России: подчинив вполне своему влиянию императрицу, Распутин через нее действует на Государя, который, по внушению своей жены, принял политический курс, ведущий к гибели страны и династии. Князь Юсупов принял решение устранить его, чтобы освободить императрицу и Государя от его пагубного влияния и спасти Россию. Подготовляя план убийства, князь Юсупов совещался предварительно и пригласил в ка-

[I] См.: *Блок А. А.* Последние дни Императорской власти. С. 84–88. С этим документом П. Л. Барк мог ознакомиться в томе 5 «Архива русской революции» (Берлин, 1922. С. 337–343).

[II] Убийство Г. Е. Распутина было совершено в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г.

[III] См.: *Юсупов Ф. Ф.* Конец Распутина. Париж, 1927.

честве сообщников великого князя Дмитрия Павловича, члена Государственной думы Пуришкевича, видного представителя Правой группы[1], доктора Лазоверта и поручика Сухотина. Князь Юсупов сообщил о своем намерении своему дяде и своей тетке — председателю Государственной думы Родзянко и его жене, а также члену Государственной думы В. А. Маклакову. Последнего он уговаривал примкнуть к числу сообщников. Однако В. А. Маклаков, выразив свое сочувствие, уклонился от участия в устранении Распутина, объяснив, что он должен вернуться в Москву.

Было условлено, что князь Юсупов, который успел установить хорошие отношения с Распутиным, пригласит его к себе в дом ужинать и, угощая его, даст ему большую дозу сильно действующего яда. 16 декабря намеченный план был приведен в исполнение. Оказалось, что организм Распутина был настолько крепок, что не поддавался большой доле сильно действующего яда — цианистого калия, и пришлось прибегнуть к револьверу, чтобы покончить с ним. Тело его на автомобиле было отвезено на Петровский остров и опущено в прорубь в Неву.

Исчезновение Распутина произвело огромную сенсацию. Полиция была поставлена на ноги, и вскоре труп Распутина был найден. Было также установлено, кто был главным виновником его исчезновения. Событие это произвело в разных кругах самое разнообразное впечатление. Императрица была страшно им потрясена. Она лишилась поддержки, которая, как она думала, была послана ей свыше. Она помнила, что Распутин неоднократно говорил, что, пока он жив, он молится за Царскую семью и что его молитва угодна Богу. С его смертью страшные несчастья должны были надвинуться на Россию.

В кругах, где укоренилось убеждение, что все зло в Распутине и что стоит его устранить, как все события примут благоприятный оборот, настроение было совершенно противоположное. Многие вздохнули свободно и, не вдаваясь в оценку способа устранения Распутина, высказывали открыто свое удовлетворение, что не будет более темных сил, ведущих Россию к гибели. Однако были и другие, которые сомневались в том, что судьба России зависела от Распутина, и к числу их принадлежал и я. Многие из моих друзей удивлялись тому, что я не примыкаю к тем, которые ожидали после устранения Распутина наступления какой-то новой светлой эры. Я им повторял свой взгляд, высказанный мною великим князьям Николаю Михайловичу и Сергею Михайловичу, что не станет Распутина — будет какой-либо другой пророк, который станет влиять на императрицу. Затем, я не верил тому, что Государь мог быть в полном плену у Распутина. Наконец, я опасался, что способ, который был применен для устранения Распутина, может показаться очень удобным и простым и увлечь людей другого лагеря к его применению в отношении императрицы и Государя.

[1] К тому времени В. М. Пуришкевич вышел из Правой фракции IV Государственной думы.

Среди простого народа убийство Распутина произвело тяжелое впечатление. Когда в одном госпитале сестра милосердия стала рассказывать раненым солдатам о том, какой геройский акт совершен князем Юсуповым, который освободил Россию от злого гения, ее удивило, что ее слова не нашли отклика среди солдат. Когда она обратилась к одному из них, который особенно насупился, и стала выражать свое удивление, он ей ответил: «Вот был один мужик, который дошел до Царя и пользовался доверием его и Царицы, и господа его уничтожили, так как не хотели допустить такой близости к престолу представителя простого народа».

Убийство Распутина, в коем главным действующим лицом был князь Юсупов, женатый на племяннице Государя, при участии великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича, представителя крайней правой группы Государственной думы, показывало, что политический курс, принятый Государем, осуждался теми элементами, которые были наиболее близки к трону и должны быть главной опорой династии.

Предупреждение, несомненно, полное трагизма, которое, однако, не привело к изменению взгляда монарха и его супруги на развивавшиеся события. Государь считал, что перемена режима не может быть полезной для страны и что, во всяком случае, эту перемену нельзя делать во время войны

Первые репрессивные меры, которые были приняты по отношению к князю Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу, заключались в том, что Юсупову было приказано выехать из столицы и оставаться в деревне «Ракитное» в Курской губернии, а великому князю Дмитрию Павловичу было повелено отправиться в действующую армию на Персидском фронте.

Когда это решение стало известно, члены Императорской фамилии, находившиеся в Петрограде, собрались на совещание у великой княгини Марии Павловны (старшей) и решили обратиться со следующим письмом к императору, ходатайствуя об изменении судьбы великого князя Дмитрия Павловича:

«Ваше Императорское Величество!

Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича! Мы знаем, что Вы — бывший его опекун и верховный попечитель — знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ, и эпидемий, и других бичей человечества. Пребывание там великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества, верно, проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы были добры, как отец! Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить свое решение и положить гнев на милость.

Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие

Ольга (Королева Эллинов)
Мария (Великая Княгиня Мария Павловна старшая)
Кирилл
Виктория
Борис
Андрей
Павел
Мария (Великая Княгиня Мария Павловна младшая)
Елисавета (Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна)
Иоанн
Елена
Гавриил
Константин
Игорь
Николай Михайлович
Сергей Михайлович
29 декабря 1916 г.»[I].

Письмо это было передано императору 29 декабря 1916 г. и было возвращено великой княгине Марии Павловне (старшей) со следующей припиской, рукой Его величества:

«Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.

Николай»[II].

В эти же дни министр Императорского двора граф Фредерикс просил великого князя Николая Михайловича приехать к нему, чтобы передать ему письмо, полученное им от императора. Его величество говорил в этом письме, что согласно сведениям, поступившим

[I] Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 191–192.

[II] Там же. С. 191.

с разных сторон, великий князь Николай Михайлович вел неподходящие разговоры в Яхт-клубе[1]. Его величество требует, чтобы такие разговоры не повторялись, если же великий князь будет их продолжать, то он должен будет ожидать принятия императором соответствующих мер против него.

[1] Императорский С.-Петербургский (Петроградский) Яхт-клуб — элитарный клуб, основанный в 1847 г. и в начале XX в. располагавшийся на Малой Морской улице в Петербурге. Членами Яхт-клуба, командором которого долгое время состоял министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков, а затем — его преемник граф В. Б. Фредерикс, были великие князья, придворные, дипломаты, высокопоставленные бюрократы и гвардейские офицеры. По воспоминаниям директора Императорских театров В. А. Теляковского, Яхт-клуб затмевал «своим блеском, пышностью и влиянием все решительно клубы в России» и «играл большую роль в петербургском высшем свете — не только общественную, но и политическую» и в нем узнавали «все самые последние новости придворные, служебные, общественные и политические, до театральных, — конечно, балетных, — включительно». Согласно В. А. Теляковскому, «если говорилось, что это сказано было в Яхт-клубе, то считалось, что источник был серьезный, ибо здесь вращались и великие князья, и сановники, и дипломаты самой высокой марки» (*Теляковский В. А.* Воспоминания. 1898–1917. [С]Пб., 1924. С. 138–139, 141). Среди членов клуба сановники черносотенного направления отсутствовали, между тем как представители правительственного либерализма преобладали (Алфавитный список почетных, непременных, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов Императорского Санкт-Петербургского Яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912). Объясняя, в декабре 1910 г., причины того, почему «общественное мнение опять поворачивает влево», тогдашний лидер правых в III Государственной думе граф А. А. Бобринский записал: "Это значит: Яхт-клуб" (*Бобринский А. А.* Дневник // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 140). Неудивительно, что в Яхт-клубе, вспоминал великий князь Николай Михайлович, «открыто критиковались поступки и поведение» императрицы Александры Федоровны (*Николай Михайлович, вел. кн.* Записки // Гибель монархии. М., 2000. С. 75). Впрочем, на этом поприще отличался, прежде всего, сам великий князь Николай Михайлович, о котором генерал А. А. Мосолов писал: «В Яхт-клубе, где его любили слушать, едкая критика великого князя немало способствовала ослаблению режима. Всеразлагающий сарказм порождал в обществе болезненное отрицание авторитета царской власти» (*Мосолов А. А.* При Дворе последнего императора: Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С. 146). Николай Михайлович и его брат Александр Михайлович, «стараясь подделаться под общественное настроение, либеральничали и открыто критиковали царскую чету в Яхт-клубе, сыгравшем, — по наблюдениям журналиста Е. Н. Шелькинга, — столь грустную роль в дни, предшествовавшие революции. В этом великосветском притоне

Граф Фредерикс спросил великого князя, какой ответ он должен передать Государю, и, боясь что-нибудь забыть, дал ему бумагу и карандаш. Великий князь написал, что в настоящее время он очень редко бывает в Яхт-клубе и что во время своих кратких посещений он и мог, так как у него длинный язык и хорошо подвешенный, сказать что-либо не вполне подходящее. Но в действительности единственное, в чем он может себя обвинить, — это в том, что он еженедельно писал длинные и подробные письма вдовствующей императрице Марии Феодоровне, когда она была в Киеве. В этих письмах он был вполне откровенен и пояснял настоящие события, высказывая свои мнения, не щадя никого.

Если его присутствие в столице кажется нежелательным императору, великий князь готов ретироваться в свои имения.

В конце этой записки он повторил, что считает обвинения, которые ему делают, незаслуженными и не чувствует себя виновным.

Великий князь подтвердил эту записку в следующем письме, которое он написал императору 31 декабря:

«Ввиду преклонного возраста графа Фредерикса, опасаюсь, чтобы в передачах твоих приказаний не вкралось недоразумение. Если на показанном тебе телеграфном бланке я упомянул об отпуске в январе, то только потому, что понял, что это твое желание. Собственно говоря, я собирался по личным делам выехать лишь в начале февраля. Теперь здесь много работы как по разным вопросам Юбилейной комиссии[1], так и по другим отраслям.

Может быть, я уже утратил твое доверие, что меня крайне огорчило бы, так как я льстил себя надеждой, что пользуюсь твоим расположением, несмотря на все-

усердно раздувались всевозможные легенды о Распутине, и те же лица, которые поносили старца в клубе, унижались затем перед ним, чтобы через него приобрести себе те или иные "богатые милости"» (*Шелькинг Е. Н.* Ключевые фигуры российской политики в канун войны и революции // Аринштейн Л. М. Во власти хаоса: Современники о войнах и революциях 1914–1920. М., 2007. С. 290).

[1] Имеется в виду возглавлявшаяся Николаем Михайловичем Юбилейная комиссия по подготовке празднования 100-летия Александра II.

жительном отдыхе, и потому желает, чтобы я по окончании работ конференции поехал в Крым, на два месяца, поручив на это время управление министерством старшему из трех товарищей министра финансов Николаенко.

Я был тронут милостивым отношением ко мне императора и горячо благодарил его[I].

Я добавил, что мне было очень тяжело просить об увольнении, но я счел это своим долгом. Когда я был назначен министром финансов, я достиг идейной цели, которую себе поставил, и имел счастье работать с Государем на благо России. Мне будет очень тяжело, когда я лишусь возможности иметь аудиенции у Его величества. С другой стороны, я отдаю себе отчет, что не могу бесконечно сохранять портфель министра финансов и что придет день, когда император освободит меня от моих обязанностей. Исключительно милостивое отношение ко мне Государя дает мне смелость просить Его величество, когда придет такой день, назначить меня управляющим Канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя[II] — это даст мне возможность продолжать работать по указаниям Государя.

Император, казалось, был тронут этой просьбой, которой он не ожидал, и сказал мне, что, вероятно, я буду

[I] Д. У. Бьюкенен, явно со слов П. Л. Барка, иначе описал аудиенцию министра финансов у Николая II: «Его превосходительство передал императору письмо с просьбой об отставке, и его величество разорвал его, сказав: "Сейчас не время для министров уходить со своих постов"» (*Бьюкенен Д. У.* Моя миссия в России... С. 235). Таким образом, Николай II почти дословно повторил свои слова, сказанные им П. Л. Барку в августе 1915 г. Информация о предстоящем уходе П. Л. Барка немедленно проникла в печать: «Из вполне осведомленных бюрократических кругов сообщают, — извещали своих читателей 2 января 1917 г. «Русские ведомости», — что третьего дня министром финансов П. Л. Барком было возбуждено ходатайство об освобождении его от обязанностей руководителя Финансовым ведомством» (К дальнейшим переменам в кабинете // Русские ведомости. 1917. 3 января. № 2).

[II] Канцелярия его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, — существовавшее в 1895–1917 гг. высшее учреждение, являвшееся частью секретариата монарха и занимавшееся рассмотрением жалоб на высшие и центральные государственные учреждения и прошений, подававшихся на его имя. В 1913–1917 гг. главноуправляющим канцелярией был В. И. Мамантов.

очень разочарован работой по разбору многочисленных прошений, иногда очень скучных, и это после моей интересной работы по государственным финансам. Я ответил, что контроль над личной канцелярией Государя представляет для меня большой интерес, во-первых, потому, что ее управляющий несет большую ответственность и имеет возможность способствовать добру от имени Государя при удовлетворении просьб, конечно, в полном согласии с существующими законами.

Государь милостиво улыбнулся и сказал мне, что, во всяком случае, в настоящее время он не видит возможности освободить меня от Министерства финансов.

Я затронул перед Его величеством другой вопрос, который был очень деликатным. Я знал, что он не любит Гучкова — члена Государственного совета (по выборам), который раньше был членом Государственной думы и ее председателем[I]. Вскоре мне предстояло с ним встретиться на приеме, даваемом Сувориным, издателем «Нового времени», в котором Гучков был администратором, и мне хотелось, чтобы Государь был осведомлен об этой встрече с Гучковым не через третье лицо. Я сказал Государю, что мне кажется необходимым поддерживать хорошие отношения с русской патриотической прессой, тем более что я был членом правления газеты «Новое время», и что, по всей вероятности, я встречу Гучкова на этом приеме. Я был всегда совершенно искренним и правдивым в своих отношениях с Государем и поэтому объяснил ему, почему я упомянул это имя, которое не пользовалось симпатией у Его величества. Выражение глаз Государя сразу изменилось и сделалось из ласкового стальным. Государь сказал, что он не имеет ничего против поддержки хороших отношений с Сувориным и его газетой, но добавил: «Но не забывайте, когда вы увидите Гучкова, что он мой личный враг».

Я был очень удивлен этим отношением Государя, так как, в течение трехлетней совместной работы, он нико-

[I] В 1907–1912 гг. А. И. Гучков являлся депутатом III Государственной думы, в 1910–1911 гг. — ее председателем.

гда не высказывал такого глубокого отвращения по отношению к кому бы то ни было. Обыкновенно он относился к людям, которые ему были несимпатичны, с полным безразличием. Я не осмелился задать императору какие-либо вопросы, чтобы узнать причину его отвращения, и перешел к вопросам, касающимся войны, дабы переменить тему разговора и не оставить Государя под неприятным впечатлением.

В поезде, по дороге из Царского Села в Петроград, я старался припомнить случаи из деятельности Гучкова, которые могли вызвать неудовольствие императора. Это Столыпин способствовал политическому восхождению Гучкова. Он выбрал его среди членов партии центра — октябристов, чтобы достигнуть соглашения между правительством и Думой, и считал его лояльным сотрудником. Зная Столыпина, я не мог вообразить, что он выбрал в помощь себе человека, который не заслуживал бы доверия. С другой стороны, мне вспомнились речи Гучкова в Думе; он не стеснялся резко критиковать деятельность некоторых великих князей, касающуюся национальной обороны[I]. Кроме того, он еле прикрываемыми словами делал намеки на господствующее влияние темных сил на императрицу[II]. Его тесная дружба с генералом Поливановым могла быть тоже причиной недовольства Государя.

Другой инцидент, о котором я совершенно забыл, пришел мне на память. Когда я был товарищем министра торговли и промышленности[III], я возвращался домой с одного обеда, и меня сопровождал морской офицер Зилотти, который был шурином Гучкова. Он провожал меня до моего дома и говорил о политике. Как нередко бывает после хорошего обеда, Зилотти, не переставая, критиковал высшее офицерство и затронул также вопрос о влиянии великих князей на дела в армии. Он сказал мне, что теперь, когда есть Дума, это положение должно измениться, и добавил, что Гучков взял на себя специальную задачу пресечь это вредное влияние. Если его не послушают, то он предпримет кампанию для того, чтобы привести всех этих господ к виселице.

[I] Подразумевается речь А. И. Гучкова, сказанная им в Общем собрании III Государственной думы 27 мая 1908 г., когда он выступил против пребывания великих князей Николая и Петра Николаевичей, Сергея Михайловича и Константина Константиновича на высших военно-административных должностях. Текст речи см.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия 1. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 1598–1600.

[II] Имеется в виду состоявшееся 9 марта 1912 г. в Общем собрании III Государственной думы выступление А. И. Гучкова, во время которого, при обсуждении сметы Св. Синода, он заявил, будто Г. Е. Распутин «хозяйничает на верхах» и «вертит ту ось, которая тащит за собою и смену направлений, и смену лиц». См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия 5. СПб., 1912. Ч. 3. Стб. 583–584.

[III] Т. е. в 1911–1914 гг.

Так как мы подошли тем временем к двери моего дома, то на этой фразе мы и расстались. В то время я не придал никакого значения этому разговору, думая, что он был вызван хвастливым настроением после хорошего обеда.

В конце 1916 г. я еще не знал об активном и коварном участии Гучкова в подготовке революции, не зная также, что он станет человеком, с особою силою настаивающим на отречении императора, несмотря на уступки, на которые Государь соглашался. Гучков признает это сам в показаниях, которые он давал в специальной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством[I].

Император предвидел правильно. Он имел предчувствие, что Гучков сыграет роковую роль в судьбе империи.

Письма, которые Гучков имел обыкновение писать в Ставку генералу Алексееву, дают неприятную картину того, к каким способам он прибегал, подготовляя свои интриги и заговор.

Вот выдержки из такого письма от 15 (28) августа 1916 г. № 683:

«Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт, и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью.

[I] См.: Допрос А. И. Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. С. 262–263.

Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведовании господина Трепова, — хорошей работы нашей промышленности на попечении князя Шаховского, — процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках графа Бобринского. А если Вы подумаете, что вся эта власть возглавляется господином Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового уже предателя, то готового предать, что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, а следовательно, и вся наша будущность, то вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль, и народные настроения.

Мы в тылу бессильны, или почти бессильны, бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и, при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик.

Можете ли Вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров. Простите мне настоящее письмо и не сетуйте на мою горячность. Может быть, никогда еще я не был столь убежден в полной основательности охватившей нас общественной тревоги, как в настоящий грозный час. Помогай Вам Господь»[1].

[1] См.: Монархия перед крушением... С. 282.

ГЛАВА XXIV

Конференция союзников состоялась в Петрограде в январе 1917 г.[I]

Представителями Англии были: виконт Мильнер, член Кабинета министров и Военного совета, посол Великобритании сэр Джордж Бьюкенен, полномочный представитель лорд Ревельсток и генерал Вильсон. Представителями Франции: министр колоний Г. Думерг, посол Франции в Петрограде М. Палеолог и генерал де Кастельно; Италию представляли: сенатор Шалойя, член Совета министров, посол Италии маркиз Карлотти ди Рипарбелла и генерал граф Руджиери. Кроме них, председатель Совета министров Румынии Братиано принял участие в одном из заседаний конференции[II].

[I] Петроградская конференция союзников проходила с 19 января (1 февраля) по 7 (20) февраля 1917 г. В ней участвовали представители Великобритании, Италии, России и Франции, а также, на одном заседании, Румынии.

[II] Всего в состав делегации Великобритании входили 19 человек, Италии — 10 и Франции — 15. Официальными представителями Великобритании являлись член Кабинета министров и Военного совета лорд А. Мильнер, посол Великобритании в России Д. У. Бьюкенен, полномочный министр лорд Д. Ревельсток и генерал Г. Ю. Вильсон, Италии —

а когда последний, прошедши стаж управляющего Дворянским и Крестьянским банком в Министерстве финансов и засим товарища министра финансов, был назначен министром земледелия, он пригласил в качестве ближайшего своего сотрудника А. А. Риттиха[I]. По прежней своей должности Риттиху приходилось совершать частые поездки по самым разнообразным местам громадной империи и знакомиться с постановкой крестьянского хозяйства. Он изучал положение дел в центральных губерниях, знал окраины, бывал и в отдаленной Сибири. Он знал страну лучше всех других членов кабинета[II].

По своем назначении он с присущей ему энергией взялся за продовольственное дело, чрезвычайно важное ввиду необходимости снабжать продуктами питания как армию, так и городские центры. Он сам объехал двадцать четыре губернии, наиболее важные по производству зерна, и вошел в соглашения с местными деятелями и властями о поставке хлеба.

По возвращении в столицу он дал подробные объяснения Государственной думе в заседании 15 февраля[III].

В 1905 г. А. А. Риттих был назначен директором Департамента государственных земельных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия, в 1906-м — управляющим делами Комитета по землеустроительным делам при Главном управлении, в 1912-м — товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием.

[I] А. В. Кривошеин исправлял должность начальника Переселенческого управления с 1902 г., назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием в 1905-м, товарищем министра финансов, с непосредственным заведованием Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками, — в 1906-м, главноуправляющим землеустройством и земледелием — в 1908 г.

[II] Действительно, по делам службы А. А. Риттих был командирован в Уссурийский край (1898–1899), в Курскую, Полтавскую, Харьковскую и Черниговскую губернии (1900), в Бессарабскую, Волынскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Киевскую, Курскую, Орловскую, Подольскую, Таврическую, Тульскую, Харьковскую и Херсонскую губернии (1908), в Бессарабскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Киевскую, Самарскую и Саратовскую губернии (1909).

[III] А. А. Риттих выступал в Общем собрании IV Государственной думы с объяснениями по поводу решения продовольственного вопроса не 15, а 14, 17, 23 и 25 февраля 1917 г., причем со своей главной речью он выступил 14 февраля. См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 226–233, 273–276, 309–310, 341–344.

Интересно отметить более детально эти объяснения, так как принято думать, что главной и непосредственной причиной первых революционных эксцессов в Петрограде был недостаток продовольственных продуктов в столице, вызванный полным расстройством транспорта: призрак надвигающегося голода погнал толпу на улицу.

Вот объяснения, которые были даны министром земледелия с трибуны Государственной думы 15 февраля.

Программа продовольственной кампании выполнялась местными агентами Министерства земледелия, начиная с 1 августа, когда заканчивалась уборка урожая. Программа и способы ее осуществления устанавливались в Особом совещании при министре, в состав коего, по примеру других совещаний, образованных при министрах военном, путей сообщения и торговли, входили представители обеих законодательных палат, представители местных интересов, технические эксперты, помимо чиновников, и другие компетентные лица.

Перед кампанией 1915 г., при министре земледелия Кривошеине, была установлена система твердых цен для всех закупок на местах. Однако эти твердые цены были назначены несколько выше рыночных. В результате агенты организованной частной торговли могли исподволь заготовить запасы по рыночным ценам и агенты Министерства земледелия свободно выполнили намеченную программу, в большинстве случаев по ценам ниже установленных твердых.

Осенью 1916 г. вокруг продовольственной проблемы возникла ожесточенная политическая агитация. Цены за год на все предметы значительно повысились вследствие усиленного выпуска бумажных денег и их постепенного обесценения. Политические деятели сочли своей обязанностью выступить в защиту потребителей, противопоставляя им алчные аппетиты производителей, желающих обогатиться спекуляцией. Вследствие такой агитации прения в Особом совещании при министре[1] очень затянулись, твердые цены были назначены, с боль-

---

[1] Имеется в виду Особое совещание по продовольствию при Министерстве земледелия.

шим опозданием, лишь 9 сентября[1], притом, под влиянием агитации, ниже рыночных. Результат получился потрясающий. Хлеб, который двинулся от крестьян в центры закупок, где частная торговля стала заготовлять запасы, совершенно исчез с рынка, и агенты Министерства земледелия не были в состоянии найти его.

Риттих понял, что допущена громадная ошибка, что момент пропущен и что нельзя исправить ошибку повышением твердых цен. Крестьяне испугались, и повышение твердых цен уже не могло бы устранить психологическую причину их страха. Местные агенты Министерства земледелия прибегли к реквизициям хлеба у торговцев по твердым ценам и тем совершенно разрушили хорошо организованный аппарат частной торговли.

Риттих созвал свое совещание для обсуждения иных срочных мер и выехал сам для ознакомления с условиями на местах, заручившись предварительно согласием совещания на проведение разверсток поставки необходимого количества хлеба между производственными районами.

Вводился новый психологический элемент. Местные деятели и население приглашались выполнить свой долг перед армией и всей страной, поставляя необходимое продовольствие. Объезжая различные губернии, Риттих из разговоров с земскими деятелями убедился, что причиной исчезновения хлеба с рынка были действительно низкие твердые цены. Вместе с тем он нашел отклик у земских деятелей, которые принялись горячо его поддерживать. Метод разверстки оказался правильным. Хлеб двинулся, за декабрь агенты Министерства земледелия могли сделать закупки, превышавшие в два раза средние закупки за предшествовавшие месяцы. За январь это превышение было в два с половиной раза.

Однако и на места проникла политическая пропаганда. Проводилась мысль, что на месте необходимо оставлять известные запасы для обеспечения местного населения и вывозить только излишки. При этом необ-

[1] Т. е. 1916 г.

ходимые запасы исчислялись статистиками в таком размере, что многие губернии, которые обычно вывозили десятки миллионов пудов, должны были бы сами ввозить хлеб из соседних местностей. Получался совершенный абсурд. Одновременно распространялись слухи, что метод разверстки придуман чиновниками, правительством, не заслуживающим доверия страны. Полностью умалчивалось о том, что мера эта была одобрена Особым совещанием при министре земледелия, где чиновники составляли небольшое меньшинство, а большинство состояло из членов законодательных палат, представителей земств и городов и других экспертов.

Все же Риттиху, благодаря его энергии, умению достигнуть соглашения с местными представителями земств и их полной готовности оказывать ему содействие, удалось преодолеть все затруднения и наладить поставку продовольствия.

Выступая в Государственной думе, Риттих с полной откровенностью нарисовал всю картину продовольственной кампании. Он высказал свои опасения, что внесение политической агитации в это дело может вновь остановить правильную закупку хлеба, и обратился к членам Государственной думы с призывом своей помощью обеспечить успех продовольственной кампании и не затруднять работу земских представителей и агентов Министерства земледелия на местах внесением политического элемента в их чисто практическую деятельность.

В ответ на этот призыв Дума приняла резолюцию, в которой последние слова связывали продовольственный вопрос с «вопросом о коренном переустройстве исполнительной власти на началах, неоднократно, но тщетно указывавшихся законодательными палатами. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к председателю Совета министров, к министрам земледелия, военному, морскому и путей сообщения с вопросом: "Что будет предпринято для устранения вышеизложенного нетерпимого положения вещей?"»[1]

[1] См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 234.

ГЛАВА XXV

Бывший министр земледелия Кривошеин был в это время на фронте в качестве одного из главноуполномоченных Главного управления Красного Креста и, когда наезжал в столицу, заходил ко мне, по старой дружбе, поделиться своими впечатлениями. Он очень интересовался деятельностью своего сотрудника и понимал, в какой тяжелой атмосфере ему приходилось трудиться.

В последний его приезд я ему задал вопрос, каково положение армии и каково его мнение о политическом положении внутри страны. Он мне ответил, что снабжение армии очень улучшилось и можно с уверенностью сказать, что к весне армия будет вполне готова начать серьезное наступление. Что касается до внутреннего политического положения, то он не верил в возможность революции. Однако он допускал вероятность покушений на отдельных лиц и считал, что жизнь императрицы находится в опасности вследствие пропаганды, которая велась против нее как в армии, так и внутри страны.

Устранение Распутина не повлекло за собой ослабления оппозиционного настроения. Таковое поддерживалось выступлениями депутатов в Государственной думе

и принимало самые разнообразные формы. Весьма показательны в этом отношении были речи, произнесенные на собрании петербургских дворян в начале 1917 г. Петербургское дворянство выбрало своим губернским предводителем князя Владимира Волконского, который несколько лет был товарищем председателя Государственной думы, а летом 1915 г. был назначен товарищем министра внутренних дел, когда пост министра был поручен князю Щербатову. С назначением Протопопова министром внутренних дел оказалось, что два бывших товарища председателя Государственной думы встретились в этом ведомстве, причем Волконский оказался под начальством своего бывшего коллеги. Несколько месяцев он прослужил вместе с ним, но когда Государственная дума настойчиво продолжала бойкотировать Протопопова, князь Волконский решил уйти. Он согласился последовать приглашению петербургских дворян — выставить свою кандидатуру на выборах и был выбран предводителем дворянства[1]. Он был другом детства Государя. Был вообще близко к Императорской фамилии и принадлежал к тем кругам, которые обычно были самым надежным оплотом трона. Тем не менее под его председательством петербургское дворянство в начале наших работ послало Государю императору телеграмму с выражением своих верноподданнейших чувств, но заканчивавшуюся следующими словами: «Мы убежде-

[1] В. М. Волконский вышел в отставку 3 января 1917 г. в знак протеста против политики А. Д. Протопопова, которому 23 декабря 1916 г. писал, что считает «невозможным продолжать службу, когда все идет вразрез с общественными организациями, с земской Россией, Государственной думой и Государственным советом» (Показания князя В. М. Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. С. 139, 141). Тем не менее Николай II назначил В. М. Волконского 27 января 1917 г. почетным опекуном, а когда при замещении должности петроградского губернского предводителя дворянства царю пришлось выбирать между князем и другим кандидатом, Е. Г. Шварцем, на всеподданнейшем докладе А. Д. Протопопова Николай II написал 12 февраля: «Волконский» (Всеподданнейший доклад А. Д. Протопопова «Об утверждении петроградского губернского предводителя дворянства». 12 февраля 1917 г. // РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 241. Д. 54. Л. 479).

ны, что в тесном единении со своим народом и его лучшими представителями Ваше Величество сможете победить все то, что болезненно препятствует нормальной жизни нации».

Всеобщее недовольство увеличивалось в России. Смерть Распутина нисколько не изменила политическое положение. Те, кто думал, что все зло происходило от него и его влияния в Царской семье и что новая эра начинается, как только он исчезнет, — ошиблись. Некоторые сторонники такого мнения так привыкли к своей обычной любимой формуле, что теперь попадали в неловкое положение. Это случилось с председателем Государственной думы Родзянко, который на аудиенции у Государя в январе 1917 г.[1], развивая свою обычную тему о необходимости ввести в России парламентский строй, заявил, что теперь министры назначаются под влиянием темных сил. Император посмотрел на него с иронией и сказал: «Теперь уже нет темных сил». Родзянко был очень смущен и не нашел ответа.

Надо признать, что, вне всякого сомнения, не Распутин был причиной революции. Распутин был эпизодом и находкой для оппозиции, которая воспользовалась его существованием, чтобы дискредитировать императорскую власть.

Несчастие России имело значительно более глубокие причины. Зерно бунта, которое должно было дать такую трагическую жатву, созревало в течение долгих лет. Напор, который делался элементами оппозиции, и эксцессы, которые его сопровождали, увеличивали реакцию и приводили к совсем иным результатам, чем те, которых они хотели достигнуть. Контрасты усилились во время войны, и создавали большие затруднения в тылу.

Император продолжал думать, что перемены внутреннего распорядка рискованны и невозможны во время войны, и не хотел их допустить. Со своим прирожденным фатализмом он не уступал и не соглашался

[1] Николай II записал, что «принял Родзянко», 7 января 1917 г. См.: Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 286.

с советами, от кого бы они ни исходили, и в особенности перед угрозами оставался непоколебимым.

Политические деятели, мнения которых разделялись большинством министров и которые находили поддержку среди интеллигенции, а также и в армии и среди многих членов Императорской фамилии, — делали все, что только возможно, чтобы добиться парламентского режима. Что касается крайних левых, они старались применить все свои силы для разжигания недовольства повсюду, тайно подготовляя революцию. Они желали падения монархии и диктатуры пролетариата.

На верхах, среди членов Императорской фамилии, опасения и тревоги чувствовались все больше и больше.

4 февраля 1917 г. великий князь Александр Михайлович решил послать императору письмо, которое он начал 25 декабря 1916 г. Он возвращался к этому письму четыре раза, в конце концов, прождав еще полтора месяца, он его послал:

«Дорогой Ники,

Тебе угодно было, 22 декабря, дать мне высказать мое мнение по известному вопросу, и попутно пришлось затронуть почти все вопросы, которые волнуют нас; я просил разрешения говорить как на духу, и ты дал мне его.

Я считаю, что, после всего мною сказанного, я обязан говорить дальше. Ты невольно мог подумать, слушая меня: ему легко говорить, а каково мне, который должен разбираться в существующем хаосе и принимать те или другие меры и решения, подсказываемые мне с разных сторон. Ты должен понимать, что я, как и все болящие душой за все происходящее, часто задавал себе вопрос: что бы я сделал на твоем месте; и вот я хочу тебе передать то, что мне подсказывает душа, которая, я убежден, говорит верно.

Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством, свободным и способным самостоятельно развиваться и расти, или подчиниться германскому безбожному кулаку, все это чувствуют: кто разумом, кто сердцем,

кто душою, и вот причина, почему все, за исключением трусов и врагов своей родины, отдают свои жизни и все достояние для достижения этой цели.

И вот, в это святое время, когда мы все, так сказать, держим испытание на звание человека, в его высшем понимании, как христианина, какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели. Я говорю: тебя и Россию вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может, но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может: это надо раз навсегда себе усвоить, и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю: палат, потому что существующие механизмы далеко несовершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на тебе, и на тебе одном.

Чего хочет народ и общество? Очень немногого — власть (я не говорю избитые, ничего не значащие слова: твердую или крепкую власть, потому что слабая власть это не власть) разумную, идущую навстречу нуждам народным, и возможность жить свободно и давать жить свободно другим.

Разумная власть должна состоять из лиц первым делом чистых, либеральных и преданных монархическому принципу, отнюдь не правых или, что еще хуже, крайне правых, так как для этой категории лиц понятие о власти заключается: "править при помощи полиции, не давать свободного развития общественным силам и давать волю нашему никуда негодному, в большинстве случаев, духовенству".

Председателем Совета министров должно быть лицо, которому ты вполне доверяешь; он выбирает себе и ответствен за всех других министров, все они вместе должны составлять одну голову, один разум и одну волю, и каждый по своей специальности проводит общую политику, а не свою, как это мы видим теперь; ни один министр не имеет права высказывать тебе свои взгляды на общую политику, — он является докладчиком по своей узкой специальности; если же ты хочешь услышать их мнение по общим вопросам, то таковое они могут высказывать только в Совете министров, под твоим личным председательством; при министерстве объединенном трудно ожидать, чтобы ты услышал противоречия в их мнениях, но оттенки, в связи с делом, порученным каждому из них, конечно, могут быть, и необходимо, чтобы ты их слышал.

Я принципиально против так называемого ответственного министерства, т. е. ответственного перед Думой; этого допускать не следует, надо помнить, что парламентская жизнь у нас в самом зародыше, — при самых лучших намерениях тщеславие, желание власти и почета будут играть не последнюю роль, и, главное, при непонимании парламентского строя, личной зависти и проч. человеческих недостатках министры будут меняться даже чаще, чем теперь, хотя это и трудно.

Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны и деятельность которых общеизвестна (конечно, не исключаются и члены Думы). Такое министерство встретит общее сочувствие всех благомыслящих кругов; оно должно представить тебе подробную программу тех мер, которые должны проводиться в связи с главной задачей момента, т. е. победы над германцами, и включить те реформы, которые могут проводиться попутно, без вреда для главной цели, и которых ждет страна. Программа эта, после одобрения тобой, должна быть представлена Думе и Государственному совету, которые, вне сомнения, ее одобрят и дадут полную свою поддержку, без которой работа правительства невозможна; затем, опираясь на одобрение палат, и став твердой ногой, и чувствуя за собой поддержку страны, всякие попытки со стороны левых элементов должны быть подавляемы, с чем, я не сомневаюсь, справится сама Дума; если же нет, то Дума должна быть распущена, и такой роспуск Думы будет страной приветствоваться.

Главное условие, чтобы раз установленная программа ни в коем случае не менялась, и правительство должно быть уверено, что никакие побочные влияния на тебя повлиять не могут и что ты всей своей неограниченной властью будешь свое же правительство поддерживать. Теперь замечается как раз обратное: ни один министр не может отвечать за следующий день, все разрознены; министрами назначаются люди со стороны, которые никаким доверием не пользуются и, вероятно, сами удивляются, что попадают в министры, но так как людей честных вообще мало, то у них не хватает смелости сознаться перед тобой, что они не способны занимать посты, на которые назначаются, и что их назначение для общего дела приносит только вред, их поступки граничат с преступлением»[1].

Ввиду такой тревожной атмосферы, которая охватила все слои общества, и в особенности его руководящие круги, я считал совершенно невозможным воспользоваться разрешенным мне отпуском и все откладывал свой отъезд. Я решил выждать, во всяком случае, окончания законодательной сессии, в частности потому, что в Государственном совете был назначен к слушанию проект закона о закрытии винных лавок, подтверждавший Высочайшее повеление, объявленное 4 (17) сентября 1914 г.

Как было упомянуто мною выше, Государственная дума долго рассматривала этот законопроект и пошла гораздо далее, чем было предположено Министерством финансов, желая сохранить запрет торговли не только водкой, но и виноградным вином и после окончания войны.

Я не верил, что полный запрет торговли спиртными напитками можно будет осуществить по окончании войны, и очень надеялся, что в верхней палате можно будет добиться некоторых изменений в законопроекте и сделать его более практичным и жизненным. Вследствие

[1] См.: *Блок А.А.* Последние дни Императорской власти. С. 76–80. С текстом письма Александра Михайловича П.Л. Барк мог ознакомиться в томе 5 «Архива русской революции» (Берлин, 1922. С. 333–336).

сего я испросил разрешение Государя отложить свой отпуск и вступил опять в исполнение своих обязанностей.

По существовавшим правилам, к 1 января каждого года Государь утверждал список членов Государственного совета по назначению, а также назначал председателя на годовой срок. Обычно председатель назначался прежний. Однако Государь отступил от этой традиции, и на 1917 год председателем Государственного совета был назначен Щегловитов вместо Куломзина. Я искренно сожалел об этом. Прежде всего, потому, что Куломзин был умеренным либералом, тогда как Щегловитов принадлежал к крайне правой группе. Этим выбором Государь подчеркнул, что не находит своевременным идти на какие-либо либеральные уступки.

Доводы, которые с 1915 г. приводились либеральной группой министров, оставались без внимания, несмотря на растущее разочарование в стране и усиливавшееся оппозиционное настроение.

Помимо сего я был огорчен уходом Куломзина с поста председателя Государственного совета по причинам личного характера. Куломзин, который был уже в почтенном возрасте, был товарищем министра земледелия[I], когда мой отец служил в этом ведомстве[II]. Он высоко ценил выдающиеся способности моего отца, следил за его деятельностью и всегда выдвигал его. Он очень заинтересовался и моей судьбой, когда я был назначен товарищем министра торговли и бывал в Государственном совете для защиты законопроектов моего ведомства. Он жил напротив нас, на Сергиевской улице, заходил запросто к нам, чтобы обменяться мнениями по животрепещущим вопросам и вспомнить также прошлое и службу моего отца под его начальством. Когда же я был назначен министром финансов, он не мог скрыть своей большой радости, но отечески давал мне добрые советы и бывал особенно счастлив, когда мог мне сказать, что я своими объяснениями производил хорошее

[I] А.Н. Куломзин занимал пост не товарища министра земледелия, а товарища министра государственных имуществ в 1880–1883 гг.
[II] В Министерстве государственных имуществ.

впечатление в верхней палате. Я знал, что имею в нем искреннего друга, и, принадлежа сам к составу верхней палаты с января 1915 г.[I], я чувствовал себя гораздо свободнее в Государственном совете, чем в Государственной думе, где вообще атмосфера была враждебная к членам правительства.

Впоследствии мне пришлось встретиться с Куломзиным уже в изгнании на юге Франции, где он и скончался[II]. Ему удалось покинуть Россию вместе с сыном и его семьей. Его сын был секретарем вдовствующей императрицы Марии Феодоровны[III].

Щегловитова я застал в составе правительства, когда был назначен товарищем министра торговли и промышленности. Мы принадлежали к разным группам по нашим политическим убеждениям, и хотя по настоянию либеральных министров Щегловитов, Сухомлинов, Саблер и Маклаков должны были уйти летом 1915 г. из состава правительства, я всегда относился с большим уважением к глубоким знаниям Щегловитова, к его административной опытности и к полной искренности, с коей он высказывал свои убеждения.

Встречаясь с ним в верхней палате, я сохранил с ним отличные отношения. Не было, конечно, той близости, как с Куломзиным, однако я мог вполне рассчитывать на его поддержку в таком вопросе, как регламентация продажи крепких напитков, где различие наших политических убеждений не могло служить препятствием к прохождению законопроекта, внесенного Министерством финансов.

В пятницу 17 февраля я был у Государя с обычным докладом[IV] и довел до сведения Его величества, что вопрос о регламентации продажи спиртных напитков будет поставлен на повестку дня в Государственном со-

[I] П. Л. Барк был назначен членом Государственного совета 29 декабря 1915 г., с оставлением министром финансов.

[II] А. Н. Куломзин скончался 25 августа 1923 г. около Марселя.

[III] Анатолий Анатольевич Куломзин заведовал канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны и был ее секретарем с 1913 г.

[IV] Под 17 февраля 1917 г. Николай II отметил: «Утром принял Барка» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2, ч. 2. С. 293).

вете и что я надеюсь добиться некоторых изменений текста, одобренного Государственной думой. Государь, сознавая весь вред от злоупотребления водкой, вполне отдавал себе отчет в том, что один запрет ее продажи не может водворить в народе трезвость. Вместе с тем Государь очень сочувствовал тому, чтобы интересы виноделов были ограждены, и допускал возможность более свободной продажи легких виноградных вин.

В понедельник 20 февраля я получил записку от Его величества с просьбой прислать ему в среду утром, 22 февраля, двести тысяч рублей из фонда, которые находился в его свободном распоряжении[I].

В бюджете всегда имелся фонд, из коего ассигновались расходы на «известные Его императорскому величеству надобности»[II]. Когда я поступил на службу в Министерство финансов, этот фонд определялся ежегодно в размере шести млн рублей. Он постепенно увеличивался и достиг десяти млн, каковая сумма была зафиксирована при учреждении Государственной думы. Министерству финансов приходилось всегда воевать с другими ведомствами, у коих обычно были большие

[I] П. Л. Барк забыл упомянуть, что 21 февраля 1917 г. он присутствовал на проходившем под председательством А. С. Посникова соединенном заседании Бюджетной и Финансовой комиссий IV Государственной думы. Министр финансов давал объяснения относительно проведенных по статье 87 Основных законов 1906 г. двух законопроектов о новом расширении эмиссионного права Государственного банка на 3 000 000 000 руб. За поздним временем прения закончены не были, и их перенесли на пятницу, 24 февраля. Подробнее см.: Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 26–28.

[II] Имеются в виду расходы на «известное Его величеству употребление». В 1906 г. по этой статье были отпущены 236 100 руб. 12 коп., в 1913 — 1 830 523 руб. 25 коп. Министр финансов обращался к императору за разрешением этих расходов двумя способами: 1) особыми всеподданнейшими докладами, в которых указывал, кто и для какой надобности просит ту или другую сумму, и 2) периодически представлявшимися «ведомостями» об отпуске денег из 10-миллионного фонда различным министерствам и ведомствам, причем в этих «ведомостях» уже не имелось никаких указаний на то, для чего испрашивались деньги, а обозначались только их сумма и министерство, которому они предназначались. Подробнее см.: *Покровский Ф. И.* Расходы на «известное Его императорского величества употребление» (1906–1913 гг.) // Былое. 1924. № 26. С. 139–151.

аппетиты. В Департаменте Государственного казначейства составлялась еженедельная ведомость по суммам, которые черпались из этого фонда, и представлялась Государю на утверждение. По более крупным ассигнованиям Государю представлялись мотивированные доклады. Главные требования исходили обычно из Министерства внутренних дел. Другие ведомства были значительно скромнее. Что же касается лично Государя, то он побивал всех своей скромностью. За время моего пребывания министром финансов, в течение трех лет, это был первый случай, когда Государь поручил мне прислать ему некоторую сумму из этого фонда. В практике Министерства финансов установилась традиция заключать год всегда с известным остатком этого фонда, который причислялся к общим ресурсам казначейства.

Зная, что Государь в среду днем должен был выехать в Ставку, я решил отвезти деньги сам и в 11 часов утра, в мой обычный час, был в Царском Селе[I]. Государь был удивлен меня видеть и сказал мне, что я не должен был сам беспокоиться, чтобы доставить ему деньги. Он деловито расписался в их получении. Я объяснил, что воспользовался случаем, дабы повидать Государя еще раз перед его отъездом и пожелать ему счастливого пути. Государь ласково улыбнулся и, хотя, по-видимому, был озабочен, не выказал никакой торопливости и задержал меня на четверть часа.

Когда я прощался, у меня, как всегда при расставании с Государем, сердце сжалось при мысли, что при переездах он подвергает себя разным случайностям, но мысль не приходила мне в голову, что я вижу его в последний раз.

На другой день после отъезда Государя, в четверг 23 февраля, в столице начались беспорядки. В разных частях города собиралась толпа с криком «хлеба», появились красные знамена с революционными надписями. Забастовало свыше сорока предприятий, и рабочие примкнули к манифестантам. За порядком следила полиция,

[I] Подразумевается 22 февраля 1917 г.

но вызывались и воинские части. Петроградский военный округ был выделен в особую единицу из Северного фронта, коим командовал генерал Рузский, находившийся со своим штабом в Пскове[I]. Начальником Петроградского округа был назначен генерал-лейтенант Хабалов с широкими полномочиями. Хабалов пригласил пекарей и объяснил им, что запасы муки в городе совершенно достаточны и что волнения вызваны, несомненно, организованной провокацией. В пятницу утром по городу были расклеены объявления, подтверждавшие заявление генерала о том, что в столице запасы хлеба и муки достаточны и что подвоз муки идет беспрерывно[II].

В городе бастовало уже около 200 000 рабочих и были отдельные случаи стрельбы. В экстренном заседании Совета министров при участии председателей Государственного совета и Государственной думы было решено передать продовольственное дело в столице городскому управлению[III].

Уличные беспорядки продолжали выражаться в демонстративных шествиях с красными флагами, в разгроме магазинов, частичном прекращении забастовщиками трамвайного движения, столкновениях с полицией. Было убито и ранено несколько полицейских чинов. Несмотря на то что из толпы стреляли из револьверов, был дан приказ полиции и военным избегать открытия огня против манифестантов.

[I] Выделение Петроградского военного округа в особую единицу произошло 3 февраля 1917 г.

[II] Ср.: «В пятницу, 24 февраля, появилось объявление Хабалова: “За последние дни отпуск муки в пекарни для выпечки хлеба в Петрограде производится в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба, иным, не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно”» (*Блок А.А.* Последние дни Императорской власти. С. 35). С процитированной работой А.А. Блока П.Л. Барк мог ознакомиться по ее публикации в «Архиве русской революции» (Берлин, 1922. Т. 4. С. 5–54). Вообще, описывая события Февральской революции 1917 г., П.Л. Барк использовал, как канву, указанную публикацию.

[III] Ср.: *Блок А.А.* Последние дни Императорской власти. С. 37.

В субботу 25 февраля генерал Хабалов послал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву телеграмму, оповещая о событиях, которые произошли в Петрограде, и об убийстве одного из начальников полиции во время беспорядков. Он перечислял военные части, которые были вызваны для восстановления порядка[I]. В 9 часов вечера Хабалов получил телеграмму за подписью Государя, в которой Его величество приказывал ему принять все возможные меры для подавления восстания, каковое нельзя допустить во время великой войны против Австрии и Германии[II]. Эти депеши генерал Хабалов доложил Совету министров на заседании, которое началось в 12 часов ночи и закончилось в 4 часа утра. По требованию председателя Совета министров Хабалов доложил о всех событиях дня и о дальнейшем плане охраны города. На членов Совета министров генерал Хабалов произвел неудовлетворительное впечатление. Он, видимо, растерялся, и в нем не чувствовалось надлежащей энергии для проведения решительных мер. Поэтому Совет министров обратился с просьбой к военному министру оказать надлежащее воздействие на генерала для принятия им безотлагательных и самых решительных мер для подавления беспорядков. Было решено ввести осадное положение в случае, если бы беспорядки не прекращались. Было одобрено оповещение, которое и было расклеено по городу в воскресенье утром, предупреждавшее население, что войска будут вынуждены прибегнуть к оружию и открыть стрельбу по манифестантам, если таковые не будут расходиться вопреки требованию властей[III].

Отношение толпы к солдатам было враждебным. В ответ на предложение разойтись толпа начинала бросать камни и глыбы льда, снятые с мостовой. Когда вой-

[I] Текст телеграммы см.: Там же. С. 38.

[II] Около 9 вечера 25 февраля 1917 г. Николай II телеграфировал С. С. Хабалову из Ставки: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией» (Там же. С. 39).

[III] Ср.: Там же. С. 40–41.

ска начали стрелять в воздух, предупреждая этим манифестантов, — те ответили громким хохотом. Тогда войска начали стрелять в толпу, и она начала разбегаться, но манифестанты, попрятавшись на задворках соседних домов, вскоре опять вышли, чтобы собраться для шествия.

Председатель Государственной думы, Родзянко, послал императору следующую телеграмму:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца»[I].

Копия этой депеши была послана всем командующим армиями на фронте, с просьбой поддержки перед императором.

Вот тексты ответов:

От генерала Брусилова: «Вашу телеграмму получил. Свой долг перед родиной и царем исполнил»[II].

От генерала Рузского: «Телеграмму получил. Поручение исполнено»[III].

В воскресенье 26 февраля произошел первый случай неповиновения воинской части. Четвертая рота запасного батальона Павловского полка вышла на улицу и начала стрелять в воздух. А затем при виде полиции атаковала ее. Офицер, сохраняя хладнокровие, заставил солдат вернуться в казармы и отдать оружие. При проверке людей не досчитались 21 человека. Следовательно, они ушли с оружием в руках[IV].

Хабалов несколько раз доносил в Ставку, что беспорядки продолжаются и выполнить приказания Его

[I] Там же. С. 42–43.

[II] Там же. С. 43.

[III] Там же.

[IV] Ср.: Там же. С. 43–44.

величества он не может[I]. Вечером в заседании Совета министров было решено ввести осадное положение в столице. Обсуждался также вопрос о перерыве занятий Государственной думы. Все единогласно пришли к заключению, что нормальная законодательная работа при создавшихся условиях невозможна, продолжение же сессии дает лишь возможность оппозиционным элементам Государственной думы принимать активное участие в революционных выступлениях, способствуя их развитию и распространению. Поэтому было решено объявить перерыв занятий законодательных учреждений, с тем, чтобы срок их возобновления был назначен не позднее апреля 1917 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств[II].

По установившемуся (во время войны) порядку, когда Государь во время законодательных сессий уезжал на фронт, он, оставляя председателю Совета министров подписанный им указ о перерыве занятий палат, предоставлял председателю Совета поставить соответственные числа, когда Совет министров признает это своевременным.

О перерыве занятий законодательных учреждений, начиная с 27 февраля, князь Голицын телеграфировал

[I] Ср.: Там же. С. 44.

[II] Ср.: Там же. С. 45. Вечером 26 февраля 1917 г. на частном заседании Совета министров П. Л. Барк, доказывая необходимость перерыва занятий IV Государственной думы, «даже приводил пример, как Кривошеин боялся перерыва, сделанного Горемыкиным 3 сентября 1915 г., и как все обошлось благополучно. Последовало, — вспоминал министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской, — единогласное решение» (*Шаховской В. Н.* Sic transit gloria mundi. С. 199). Н. Н. Покровский и единомышленные с ним министры полагали, что одновременно с перерывом думских занятий должно произойти и обновление кабинета в направлении, желательном оппозиции. «Против нас, сторонников перемены, — вспоминал Н. Н. Покровский, — выступили главным образом генерал Беляев и П. Л. Барк. Они говорили, что Совет не имеет права делать таких предложений Государю, что изменение в составе министерства зависит исключительно от воли монарха и отступление от этого не может быть мотивировано никакими соображениями. При таком разноречии вопрос не мог быть решен тогда же ни в ту, ни в другую сторону. Остановились на том, чтобы отложить решение до ближайшего заседания Совета, когда выяснятся последствия роспуска Думы» (*Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце... С. 216).

Государю, пояснив, что указ Его величества помечен 25 февраля в Ставке[I].

В понедельник 27 февраля беспорядки усилились, и запасные части гвардейских полков стали переходить на сторону манифестантов. Запасные Волынского полка отказались подавлять беспорядки. Не будучи в состоянии принудить солдат к повиновению, офицер, командовавший ими, покончил жизнь самоубийством[II]. Запасные этого полка и Преображенского присоединились к революционерам.

Хабалов доносил Государю, что необходимо немедленно прислать надежные войсковые части с фронта. Дело в том, что в столице не было вовсе регулярных войск. Все части, которые там находились, состояли из призванных резервистов, которые еще накануне были простыми недисциплинированными рабочими и проходили стаж военного обучения под руководством офицеров, главным образом также из запаса, и предназначались для исполнения редеющих от потерь рядов на фронте.

Неоднократно министры возбуждали вопрос о необходимости направлять в столицу для временного отдыха вполне дисциплинированные полки с фронта, имевшие боевой опыт и хорошо спаянные. Однако Совет министров не имел голоса в решении военных вопросов, а военные министры, которые чередовались один за другим, не считали нужным войти по этому предмету в соглашение со Ставкой Верховного главнокомандующего.

Вечером 27 февраля военный министр генерал Беляев телеграфировал в Ставку Верховного главноко-

[I] Ср.: Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 7–8.

[II] Ср.: *Блок А. А.* Последние дни Императорской власти. С. 46. В действительности начальник Учебной команды штабс-капитан И. С. Лашкевич был убит выстрелом из винтовки младшим унтер-офицером Я. Орловым по приказу старшего унтер-офицера Т. И. Кирпичникова (см.: «Так что же, мы и сегодня пойдем на площадь усмирять?»: воспоминания Ф. Д. Чопенко // Россия 1917 г. в эго-документах. Воспоминания. М., 2015. С. 26–27).

мандующего, что положение в Петрограде до крайности серьезное. Войска продолжают бунтовать, и нет возможности с ними справиться. Повсюду происходят инциденты, и невозможно взять положение в руки. Поэтому необходимо добиться посылки надежных войск с фронта, в достаточном количестве и для решительных действий в различных районах города[I].

Эти сведения были получены в Ставке в 19 часов 35 минут, и, по докладу их Государю, генерал Алексеев снесся по телефону[II] с начальником штаба Северного фронта генералом Даниловым, который находился в Пскове, и передал ему следующее повеление Государя:

«Государь император повелел: генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградским военным округом. В его распоряжение с возможной поспешностью отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для георгиевского баталиона, который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправлять с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск. Поэтому прошу очень соответствующих распоряжений и сообщите мне, какие полки будут назначены, для уведомления генерала Иванова, от которого, быть может, последуют распоряжения, особенно для головных частей, прибывших к Петрограду ранее самого генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля с Георгиевским баталионом. Такой же силы наряд последует от Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего»[I].

[I] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...). С. 9.

[II] Точнее — по телеграфу.

В 10 часов 25 минут вечера генерал Беляев получил ответ от генерала Алексеева с сообщением распоряжений, данных генералу Данилову, и добавлением, что генерал Иванов покидает Ставку и будет сопровожден тремя ротами из батальона, составленного исключительно из георгиевских кавалеров[II].

Утром в этот же день председатель Государственной думы Родзянко послал новую телеграмму императору:

«Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно»[III].

В течение дня Хабалов сформировал отряд из 1000 человек и отправил его против восставших под начальством георгиевского кавалера полковника Кутепова с требованием, чтобы восставшие сложили оружие,

[I] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...). С. 9–10.

[II] Ср.: Там же. С. 10–11.

[III] Там же. С. 6–7.

в противном случае было предложено принять решительные меры. Однако Кутепов не мог выполнить этой задачи, и казачьи разъезды донесли, что он нуждается в подкреплении.

Днем происходило заседание Совета министров[I], на коем было решено обратиться к Государю с ходатайством немедленно поставить во главе оставшихся верными войск одного из военачальников действующих армий с популярным в населении именем. Далее указывалось, что Совет министров в настоящем своем составе не в силах справиться с положением и ходатайствует о назначении председателем Совета министров лица, пользующегося общим доверием, с предоставлением ему составить кабинет[II]. На это последовал ответ

[I] Первоначально, около часу дня, министры собрались у Н. Д. Голицына, где произошло короткое заседание правительства. «К князю Н. Д. Голицыну, — показывал А. Д. Протопопов, — я доехал с трудом, — улицы были переполнены народом. Князь Н. Д. Голицын мне сказал, что разослал министрам приглашение приехать к нему совещаться, так как Государственная дума отказалась подчиниться указу. Вскоре приехали П. Л. Барк, Н. Н. Покровский, М. А. Беляев, Н. А. Добровольский, Кригер-Войновский и князь В. Н. Шаховской. Совещания не было. Князь Н. Д. Голицын предложил переехать в Мариинский дворец, где безопаснее» (Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. С. 101). «Приехал и Барк, — описывал это заседание Н. Н. Покровский, — успевший за ночь радикально изменить свой взгляд: он говорил мне, что Протопопов должен быть уволен непременно» (*Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце... С. 217). К трем часам дня министры переехали в Мариинский дворец.

[II] Подразумевая заседание Совета министров, начавшееся около трех часов дня в Мариинском дворце, А. Д. Протопопов показывал: «В зале Совета министров собрались все министры; отсутствовали только Н. П. Раев и И. К. Григорович. Князь Н. Голицын предложил поставить царя в известность о создавшемся исключительно тяжелом положении. Произошел обмен мнений. Решено было послать царю телеграмму о переходе в Петрограде почти всех войск на сторону революционеров и о необходимости прислать популярного генерала, дав ему диктаторские права, для переговоров с войсками, о предоставлении председателю Совета министров права производить по его усмотрению перемены в составе правительства и вести переговоры с Государственной думой. П. Л. Барк заявил, что ждать ответа царя времени не имеется, и предложил предоставить по решению Совета министров нужные права князю Н. Д. Голицыну. Предложение было принято» (Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима... Т. 4. С. 101). Телеграмма Н. Д. Голицына Николаю II, составленная по итогам заседания Совета министров в Мариинском дворце П. Л. Барком и Н. Н. Покровским и отправленная в Ставку около 18.00, сообщала: «Совет министров... дерзает представить Вашему Величеству о безотложной необходимости принятия следующих... мер... с объявлением столицы на осадном положении, каковое распоряжение уже сделано военным министром по уполномочию Совета министров собственною властью. Совет министров всеподданнейше ходатайствует о поставлении во главе оставшихся верными войск одного из военачальников действующих армий с популярным для населения именем». Далее указывалось, что «Совет министров не может справиться с создавшимся положением, предлагает себя распустить, назначить председателем Совета министров лицо, пользующееся общим доверием, и составить ответственное министерство» (*Блок А. А.* Последние дни Императорской власти. С. 49).

Государя, что генерал Иванов назначен главноначальствующим Петрограда, с чрезвычайными полномочиями, и что Совет министров должен выполнять приказания генерала. Относительно перемен в составе Совета министров, Государь считал их при данных обстоятельствах недопустимыми[I].

Около 8 часов вечера в Мариинский дворец, где происходило заседание Совета министров, прибыли великий князь Михаил Александрович и Родзянко. Князь Голицын вместе с генералом Беляевым покинул заседание и принял прибывших в своем кабинете, где произошло продолжительное совещание. После обмена мнений был составлен текст телеграммы, который великий князь должен был отправить Государю. Великий князь вместе с генералом Беляевым отправились в дом Военного министерства, который был соединен прямым проводом со Ставкой[II]. По этому поводу произошел следующий разговор между великим князем Михаилом Александровичем

[I] Ср.: Там же. С. 49.

[II] Когда Н. Д. Голицын сообщил министрам, что Михаил Александрович поехал на переговоры с императором, чтобы получить право образовать новое правительство, П. Л. Барк заявил: «Если это произойдет, то он считает, что царствование Государя окончилось». По воспоминаниям В. Н. Шаховского, «все были в тяжелом ожидании. Ответ Государя не получался» (*Шаховской В. Н.* Sic transit gloria mundi. С. 202). Последнее заседание Совета министров в Мариинском дворце происходило 27 февраля с девяти вечера до полуночи, когда, вспоминал Н. Н. Покровский, «Барк и Феодосьев отправились по домам» (*Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце... С. 219).

и начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым:

«— У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу Вас доложить от моего имени Государю императору нижеследующее:

"Для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета, необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях, полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием Вашего Императорского Величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета министров, ответственного единственно перед Вашим Императорским Величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. Ввиду чрезвычайно серьезного положения не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего Вашего Императорского Величества имени, причем, с своей стороны, полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь Львов. Генерал-адъютант Михаил".

— Сейчас доложу Его императорскому величеству телеграмму Вашего императорского высочества. Завтра Государь император выезжает в Царское Село. Генерал-адъютант Алексеев. Позволяю себе доложить, что если последует сейчас какое-либо повеление Государя императора, то я немедленно телеграфирую его Вашему императорскому высочеству. Генерал Алексеев.

— Я буду ожидать Ваш ответ в доме военного министра и прошу Вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить Его императорскому величеству, что, по моему убеждению, приезд Государя императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. Генерал-адъютант Михаил.

— У аппарата Его императорское высочество великий князь Михаил Александрович? Государь император

повелел мне от Его имени благодарить Ваше императорское высочество и доложить вам следующее. Первое. Ввиду чрезвычайных обстоятельств Государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиною часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, Его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собою надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград, из наиболее надежных частей, четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личною просьбою о том, чтобы высказанные Вашим императорским высочеством мысли в предшествовавшем сообщении Вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах Его императорскому величеству как относительно замены современных деятелей Совета министров, так и относительно способа выбора нового Совета и да поможет Вашему императорскому высочеству Господь Бог в этом важном деле. Генерал Алексеев. Со своей стороны сообщаю лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращения Его величества, так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час.

— Благодарю вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю Вам полного успеха. Генерал-адъютант Михаил.

— Завтра при утреннем докладе еще раз доложу Его императорскому величеству желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградимо. Желаю здоровья Вашему императорскому высочеству и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать Государю императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейшего хода войны и жизни государства. Генерал Алексеев»[1].

[1] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 11–12.

Во вторник 28 февраля члены Государственного совета по выборам, принадлежавшие к Прогрессивному блоку, послали длинную депешу императору. Она заканчивалась следующим:

«Дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель династии и величайшие бедствия для России. Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить Вам, Государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страною в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами».

Эта депеша было подписана: бароном Меллер-Закомельским, Гриммом, Гучковым, Юмашевым, Савицким, Вернадским, Крымом, графом Толстым, Васильевым, Глебовым, Зубашевым, Лаптевым, Ольденбургом, Дьяконовым, Вейнштейном, князем Трубецким, Шумахером, Стаховичем, Стахеевым, князем Друцким-Соколинским, Мариным[1].

В течение дня восстание разрасталось, большая часть запасных изменила и примкнула к революционерам. Те, которые остались верными и выполняли свой долг, несли большие потери. Когда настал вечер, революционеры завладели почти всей столицей, и некоторые войска, которые оставались верными правительству, сосредоточились вокруг Зимнего дворца.

Главные учреждения были в руках революционеров. Стрельба раздавалась повсюду, движение на улицах прекратилось. Офицеры и солдаты, еще верные режиму,

[1] Там же. С. 18.

были часто вынуждаемы отдавать оружие революционерам.

Государственная дума одобрила революцию и стала во главе движения. По требованию революционных делегатов Дума образовала Комитет общественного спасения, который должен был поддерживать сношения с министерствами и ведомствами[I].

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, 28 февраля, послал телеграммы всем генералам, командующим армиями, чтобы осведомить их о положении в Петрограде. Он добавлял, что император покинул Ставку в ночь с 27 на 28 февраля по направлению к Царскому Селу. Он заканчивал телеграмму словами:

«Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед Государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов»[II].

Императрица в этот день послала три телеграммы императору. Она осведомляла его, что революция приняла значительные размеры и что донесения, которые она получает, становятся все более и более тревожными. Забастовка продолжается повсюду, большинство солдат перешло на сторону революции. Уступки необходимы[III].

[I] Имеется в виду Временный комитет Государственной думы.

[II] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...). С. 24.

[III] Ср.: *Блок А.А.* Последние дни Императорской власти. С. 52.

ГЛАВА XXVI

День 28 февраля я провел в своем служебном кабинете, где разобрал все свои бумаги и передал их в канцелярию, в распоряжение директора канцелярии, Шателена, который исполнял также обязанности товарища министра финансов.

В разных частях города вспыхнули пожары. Подожжены были дома предварительного заключения после того, как все арестованные были выпущены на свободу, полицейский архив Министерства внутренних дел и дом министра Императорского двора графа Фредерикса. Интересно отметить, что революционеры были озабочены, прежде всего, уничтожением полицейского архива, где можно было найти много любопытных документов о деятельности некоторых революционеров, бывших провокаторами, работавшими за хорошее вознаграждение одновременно на две стороны.

По городу бродили шайки пьяных запасных, беспорядочно стрелявших по сторонам. Несмотря на полное запрещение продажи крепких напитков, революционные лидеры озаботились достать заблаговременно из казенных складов хранившиеся там запасы спирта

и водки и снабжали ими казармы запасных частей для возбуждения революционного духа.

Был распространен нелепый слух, что по распоряжению министра внутренних дел Протопопова полицейские чины получили пулеметы, чтобы обстреливать мятежную толпу, и что пулеметы приводятся в действие городовыми, которые расставили их на крышах разных казенных зданий[I]. Поэтому в течение дня ко мне на квартиру, которая была соединена с моим служебным кабинетом, появлялись несколько раз подозрительного вида молодые люди, увешанные патронами, с револьверами в руках, требуя, чтобы их провели на крышу для обследования, нет ли там полицейских пулеметов. Когда их требование выполнялось и они могли удостовериться, что на крышах Министерства финансов ни полицейских, ни пулеметов не имеется, они спокойно удалялись, не предъявляя дальнейших требований.

На следующий день утром[II] я имел разговор по телефону с товарищем министра Шателеном и с министром

[I] Член президиума Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А. Ф. Романова сообщал: «Большие надежды возлагались Комиссией на так называемые Протопоповские пулеметы... "Протопоповские пулеметы" — это ходячее утверждение, будто в первые дни революции народ расстреливали из пулеметов, поставленных заранее по распоряжению Протопопова на чердаках и крышах домов и на церковных колокольнях. Комиссия настолько интересовалась этим делом, что даже вызвала свидетелей чрез публикацию в газетах. Следствием выяснена была история каждого найденного в городе пулемета, по их номерам, и оказалось, что все они были похищены из военных складов революционной толпой в первые дни революции». Подразумевая А. Д. Протопопова, А. Ф. Романов отмечал, что ЧСК «по этому поводу никакого обвинения ему не предъявила и предъявить не могла» (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство... // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 30). Позднее генерал А. П. Кутепов сообщил, что его отряд, действовавший в Петрограде 27 февраля 1917 г. в районе Литейного проспекта и улиц Бассейная и Кирочная, захватил пулеметы, стрелявшие с крыш, «причем оказалось, что при них рабочие орудийного артиллерийского завода и Выборгского района, а при одном было два человека, плохо говоривших по-русски и которые при опросе показали, что они будто бы финны». «Никаких пулеметов, обслуживаемых полицией на крышах домов, — подытоживал А. П. Кутепов, — и самой полиции в назначенном мне районе я не видал» (*Кутепов А. П.* Письмо в редакцию // Новое время. Белград, 1923. № 680).

[II] Т. е. 1 марта 1917 г.

иностранных дел Покровским. Первый сообщил мне, что Государственная дума возглавила революционное движение. Ее председатель Родзянко принял делегатов от мятежников и по соглашению с ними образовал в Думе Комитет общественного спасения, признав за ним полноту административной власти и считая, что Совет министров упразднен. В каждое министерство был назначен комиссар, которому поручено было войти в контакт с товарищами министров, чтобы наладить текущую работу. Шателен добавил, что он ожидает приезда в министерство члена Государственной думы, назначенного комиссаром[1]. Покровский мне сообщил также об образовании Думского комитета и добавил, что по просьбе морского министра Григоровича, который, по болезни (быть может, дипломатической), не присутствовал на последних заседаниях Совета министров, где его заменял его помощник адмирал Муравьев, Комитет Думы послал в Адмиралтейство революционный караул, для охраны здания и личной безопасности министра. Покровский пояснил, что он очень опасается за сохранность ценного архива Министерства иностранных дел и посему думает обратиться также к председателю Государственной думы с просьбой о присылке военного революционного караула в здание этого министерства. Он напомнил мне, что в здании Министерства финансов, которое граничило со зданием Министерства иностранных дел, находится Иностранное отделение, где хранятся значительные ценности, и спрашивал моего мнения, не последую ли я примеру его и адмирала Григоровича. Я ответил, что затрудняюсь это сделать, так как мы получили повеление Государя подчиняться распоряжениям генерала Иванова, назначенного главнокомандующим столицы и выехавшего в Петроград, и пока это повеление не отменено, я никаких других властей признать не могу.

После этих разговоров моя телефонная линия перестала работать, и я никаких других сообщений не получал. Я покинул свой служебный кабинет и после завтрака остался в своей частной квартире.

[1] Комиссаром Временного комитета Государственной думы по Министерству финансов 28 февраля 1917 г. был назначен депутат И. В. Титов, входивший во Фракцию прогрессистов.

Около трех часов дня в большом зале, который граничил с моим частным кабинетом, появилось с дюжину пьяных солдат и матросов, вооруженных с головы до ног. Когда я вышел к ним навстречу, я увидел, что предводителем шайки был пьяный запасной, который жил у меня лакеем несколько лет. Когда он был призван на войну, он приложил все старания, чтобы избежать отправки на фронт. Ко мне он не решился обратиться; но мою жену, которая посвятила много забот его семье и особенно его больной жене, он стал просить устроить его санитаром в одном из петроградских военных госпиталей. Когда ему не удалось, он стал добиваться, чтобы его жену приняли на службу в один из департаментов Министерства финансов. От моей жены он получил ответ, что соответственное прошение должно быть подано на общем основании, тогда его жена будет зачислена в список ожидающих кандидаток. Этот ответ его совсем не удовлетворил, так как он считал, что его служба лакеем у министра финансов дает ему право на исключительные привилегии в Финансовом ведомстве.

Увидя его в качестве вожака шайки, ворвавшейся ко мне, я спросил его, что ему нужно. Он мне ответил, что он и его товарищи пришли арестовать министра финансов по распоряжению военных властей, и дал знак сопровождавшим его солдатам и матросам окружить меня. Когда моя жена вышла из своей гостиной и хотела проститься со мной, он приставил револьвер к ее виску и заявил, что если она сделает еще шаг, он будет стрелять. При этом он сказал: «Когда я у вас просил хлеба, вы дали мне камень». Жена удивленно на него посмотрела и спросила: «Когда это было, Никифор? Кажется, все ваши просьбы были исполнены, а ваше появление — это благодарность за наше доброе отношение к нам?» На это он ответил: «Нам некогда с вами разговаривать, военные власти нас ждут».

Когда я вышел на площадку лестницы и хотел позвонить швейцару, чтобы был подан лифт, солдаты и матро-

сы воспротивились этому и заставили меня спуститься по лестнице, не переставая тесно окружать меня. Внизу швейцар, подавая мне шубу, сказал мне, что в нижнем этаже, в кабинете старшего товарища министра финансов, происходит совещание между прибывшим в министерство комиссаром комитета Государственной думы и тремя товарищами министра, Николаенко, Кузьминским и Шателеном. Я направился в кабинет Николаенко, солдаты и матросы последовали за мной. Наше появление произвело сенсацию. Когда я поздоровался с присутствующими, комиссар Государственной думы задал мне вопрос, что означает мое появление в сопровождении вооруженных солдат и матросов. Я ответил, что с этим вопросом нужно обратиться к солдатам и матросам, которые явились арестовать меня. Тогда комиссар обратился к Никифору, заявил ему, что комитет не давал никаких распоряжений об аресте министров и предложил ему показать ордер, на основании коего он привел солдат и матросов в Министерство финансов. На это Никифор вызывающим тоном возразил, что комиссару нечего вмешиваться не в свое дело. Тот ответил, что он народный представитель, но сейчас же получил в ответ, что им неизвестно, так ли это: он сам должен, прежде всего, предъявить документ, который его узаконивает, и если он действительно народный представитель, то он должен знать, что ему следует с должным уважением говорить с народом. Комиссар вынул из кармана свидетельство, выданное комитетом Думы, и показал его Никифору. Видя, что дело портится, я обратился к комиссару с вопросом, собирается ли он с товарищами министра в Государственную думу. Получив утвердительный ответ, я сказал, что меня тоже хотят отвезти в Государственную думу, и предложил отправиться всем вместе.

Выйдя в переднюю, комиссар сказал, что нужно подождать его автомобиля, который он послал за управляющим Государственным банком Шиповым. На это Никифор заявил, что у них есть машина, и, когда мы все вышли на улицу, мы увидели огромный грузовик с большим красным флагом и пулеметами. Мы уселись в нем, окруженные солдатами и матросами. Грузовик двигался по главным улицам, но на одном из перекрестков должен был остановиться. Дорога была забаррикадирована, и всадник, дежуривший у баррикады, заявил, что идет перестрелка между войсками. Мы свернули в боковую улицу, чтобы кружным путем достигнуть здания Государственной думы. Доехав до Марсова поля, один из солдат, особенно пьяный, схватил шофера за руку и крикнул: «Стой, слезай все. Мне надоело ездить по городу, чаю хочу». Грузовик остановился, произошло замешательство, и казалось, что начнется потасовка между солдатами и матросам. Нашелся Шателен. Он спокойно обратился к солдату со словами: «Голубчик, посмотри, мы на Марсовом поле, кругом нет ничего, кроме глубокого снега, где же ты найдешь здесь чаю? Чай приготовлен для нас всех в Государственной думе, и нас там ждут». Солдат обвел всех осоловелыми глазами, помолчал минуту и потом заявил: «Хорошо, можешь ехать».

Мы двинулись дальше, но должны были несколько раз менять направление, так как на разных углах революционеры нас предупреждали, что идет перестрелка впереди и проезд невозможен. Кругом горели здания, которые некому было тушить, и все время раздавались ружейные выстрелы. Наконец, мы добрались до Шпалерной улицы, где помещалось здание Государственной думы. Здесь творилось что-то невообразимое. Улица была запружена самой разношерстной толпой: революционные запасные, рабочие, студенты. Женщины также в большом числе находились среди толпы. Грузовик не мог двигаться дальше, мы слезли, и нас опять окружили сопровождавшие нас солдаты и матросы с шашками наголо. Раздались враждебные крики: «Кого ведут?» — «Фараонов ведут» (фараоны — это кличка, данная революционерами полицейским). Пытались достать до нас кулаками, но солдаты нас охраняли. Патетическую фигуру представлял из себя думский комиссар, коему я любезно уступил первое место в нашем шествии. На злобные крики он пытался отвечать, что он народный представитель. На это он получал в ответ: «Какой

ты народный представитель — ты фараон», и кто-то более энергичный из толпы изготовился ударить его по голове. К счастью, на комиссаре была толстая меховая шапка, которая ослабила удар. Все же шапка оказалась в снегу, и пришлось ее подымать, к удовольствию издевавшейся над нами толпы. Наконец, с большим трудом, мы добрались до здания Государственной думы.

Там хаос был не меньше, чем на улице. На крыльце находился председатель Государственной думы Родзянко, произносивший речь перед группой революционных запасных, державших огромное красное знамя. Нам стоило довольно большого труда протискаться через густую толпу и попасть внутрь. Когда это нам удалось, нас приняли в Думе члены Комитета общественного спасения. Солдаты и матросы, арестовавшие меня, оставили нас, комиссар финансов Титов куда-то увел трех товарищей министра, а я оказался на попечении двух милейших членов Думы, принадлежавших к Партии националистов[1], П. Н. Крупенского и П. В. Синадино. Оба отнеслись ко мне с полным вниманием и заботливо меня спрашивали, каким образом я попал под эскорт приведших меня в Думу солдат и матросов. Они добавили, что были очень удивлены меня видеть, подтвердив мне, что Комитет общественного спасения никаких распоряжений об аресте не давал. Услышав мои объяснения, Крупенский вызвался немедленно телефонировать моей жене, чтобы сообщить ей, что я благополучно прибыл в Государственную думу. Я искренно поблагодарил его и просил постараться успокоить мою жену, что было им немедленно исполнено. Вернувшись из телефонной комнаты и посоветовавшись с Синадино, Крупенский мне сказал, что необходимо о моем прибытии в Думу поставить в известность члена Комитета общественного спасения Керенского, на которого возложена обязанность предлагать комитету те или иные решения относительно лиц, арестованных революционерами. Я остался с Синадино в одной из комнат, где обычно происходили заседания думских комиссий. Ждать постановления комитета пришлось довольно долго, насколько помню, около двух часов, во время коих мы с Синадино обменивались мыслями как об общем положении, так и о том, что происходило на наших глазах в Таврическом дворце. Родзянко много раз проходил через нашу комнату, направляясь в свое бюро с крыльца и обратно на крыльцо, где он продолжал принимать и приветствовать разнородные революционные депутации. Пробегали также люди самого разнообразного вида, громко хлопая дверью, которая вела из нашей комнаты в большой так называемый Екатерининский зал. Оттуда доносился невероятный шум и раздавались выкрики произносимых речей. Я обратился с вопросом к Синадино, что происходит в Екатерининском зале. Он мне ответил:

«Ваше превосходительство, вы видите грузную фигуру Родзянко, который с большим авторитетом председателя законодательной палаты, возглавивши революцию, принимает и приветствует революционные депутации. Вы видели, что Керенский отправился в заседание Комитета общественного спасения, чтобы доложить о вашем аресте, и, вероятно, комитет даст ордер, чтобы оформить этот арест. Как будто мы взяли власть в руки и распоряжаемся событиями, но это только видимость. Вы меня спрашиваете, что происходит в соседнем Екатерининском зале? Там идут беспрерывные заседания Совета солдатских и рабочих депутатов, который занял этот зал одновременно с образованием думского Комитета общественного спасения. Этот совет, в сущно-

[1] Имеется в виду Всероссийский национальный союз (ВНС) — политическая консервативно-либеральная организация (находилась правее Союза 17 октября и левее Союза русского народа), чей учредительный съезд состоялся 18 июня 1908 г. В Уставе ВНС проводились идеи «господства русской народности в пределах России» и «упрочения русской государственности на началах самодержавной власти в единении с законодательным народным представительством». В январе 1910 г. в союз вошла Умеренно-правая партия, лидер фракции которой в III Государственной думе, П. Н. Балашев, оказался и лидером (председателем) союза в целом, а его соратники (граф В. А. Бобринский, П. Н. Крупенский, Л. В. Половцов, Д. Н. Чихачев, позднее — В. В. Шульгин) заняли в нем ведущие позиции. Фракция националистов в Думе претендовала на то, чтобы быть правительственной фракцией. После Февральской революции 1917 г. ВНС распался.

сти, действовал уже до образования думского комитета. Он возник еще во время первой революции в 1905 г. и после ее разгрома ушел в подполье. Теперь же, ввиду успеха второй революции, он вышел из подполья и возродился как феникс из пепла. Он состоит из людей чрезвычайно энергичных и беззастенчивых, и мы не знаем, не заменит ли он нас завтра по выдаче ордеров на аресты, и не окажемся ли мы, во главе с Родзянко, в числе арестованных. К счастью, наш коллега Керенский входит в состав Совета рабочих и солдатских депутатов и служит связующим звеном между фактической властью и нами».

Комитет, по предложению Керенского, постановил оформить мой арест, и соответственный ордер был подписан, для передачи дежурному офицеру, коему было поручено наблюдение за лицами, находящимися под арестом в здании Государственной думы. Керенский вышел из заседания комитета, чтобы сообщить мне об этом. Он пояснил, что комитет счел неудобным идти против волеизъявления восставшего народа, представители коего решили арестовать меня, и добавил, что комитет при этом имел в виду также и мою безопасность, полагая, что я буду под охраной в здании Государственной думы: если бы комитет решил меня отпустить, то по всей вероятности другая группа матросов и солдат или даже та же самая явилась бы вновь в Министерство финансов для моего ареста, и неизвестно, мог ли бы я так же благополучно вторично совершить путь от министерства до Таврического дворца. Керенский повел меня в так называемый Министерский павильон Государственной думы[1], а милейший Крупенский вызвался опять сообщить по телефону моей жене, что я остаюсь в Думе, и передать ей мою просьбу прислать мне необходимые вещи для пребывания здесь.

[1] Павильон около юго-западного фасада Таврического дворца, соединенный с ним остекленным переходом. До Февральской революции служил для местопребывания министров и других представителей правительства перед посещением Государственной думы и после этого.

В Министерском павильоне Керенский сдал меня дежурному офицеру, который оказался прапорщиком запаса, принявшим активное участие в подготовке восстания в казармах Преображенского полка. Два солдата (запасных) того же полка с ружьями стояли на страже у дверей комнаты, где уже находилось несколько арестованных. Офицер мне объяснил, что арестованным запрещено говорить друг с другом и что, если они в чем-либо нуждаются, они могут обращаться с просьбой только к одному из дежурных солдат. Когда я вышел, я увидел, что в небольшой комнате пять человек помещалось на двух креслах и трех стульях, а шестой, министр внутренних дел Протопопов, занимал один угол небольшого дивана. Свободным оставался один стул, но я предусмотрительно предпочел занять второй угол дивана.

Дома гувернантка наших детей, француженка, вызвалась доставить необходимые для меня вещи и туалетные принадлежности, полагая, что женщине будет легче пробраться в Государственную думу и что ей меньше грозит быть задержанной по дороге. Милейший Крупенский заботливо предупредил мою жену, чтобы вещи не укладывали в чемодан, который может привлечь внимание и аппетиты революционеров, а сделали бы узел. Действительно, вещи были доставлены довольно быстро, но, прежде чем предоставить их мне, офицер поручил дежурному солдату посмотреть одну вещь за другой, причем бритвенные принадлежности были у меня отобраны, а половину зубного порошка солдат рассыпал, предусмотрительно открывая коробку. Свои вещи я сложил рядом с диваном на единственном оставшемся свободном стуле и сказал себе мысленно, что должен вообразить, что нахожусь в путешествии, в довольно неудобном вагоне и должен приспособиться, насколько возможно, к обстоятельствам. Моя предусмотрительность оказалась мне на пользу. Поздно вечером явился караул, который увел Протопопова. Как потом стало известным, он был переведен в Петропавловскую крепость, которую ему не пришлось более по-

кинуть. После перехода власти к большевикам он был расстрелян[I].

Я мог занять весь диван и половину ночи проспал довольно удобно, а на вторую половину уступил диван министру торговли и промышленности князю Шаховскому, заняв на это время его кресло. Некоторые из арестованных предпочли все же вытянуться и спали на полу, разложив несколько старых газет, запасы коих находились на письменном столе, в нашей комнате.

На следующее утро я, под наблюдением солдата, воспользовался уборной до шести часов утра, дабы совершить свой туалет, пока другие заключенные еще спали. Около девяти часов нам подали чай с булками и днем нас накормили обедом, довольно приличным, считаясь с обстоятельствами. Об утолении нашего голода заботились очень приветливые молодые девушки, увлеченные революцией. Одна из них, очень миловидная, решила придать себе особенно революционный вид, надев на голову красную фригийскую шапочку. Эта «Марианна» знала, что это ей очень шло.

По вечерам нас навещал доктор с помощниками, осведомляясь, не нуждается ли кто-либо во врачебной помощи. Для меня его посещения были большим облегчением. Мой организм был совсем надломлен, я страдал сильным фурункулезом, и доктор очень внимательно менял мои повязки.

На следующий день в одиннадцать часов утра Керенский явился проверить, все ли арестованные на месте. В другой, более просторной комнате находилось десять человек, и оттуда до нас изредка доносился разговор, когда кто-либо из революционного начальства задавал вопросы арестованным. После ухода Керенского у нас появились три революционера с большими крас-

[I] В действительности в сентябре 1917 г. по фиктивному диагнозу А. Д. Протопопов был переведен из Петропавловской крепости, в целях облегчения его положения, в лечебницу для нервнобольных, а в августе 1918-го — доставлен в Москву, в Таганскую тюрьму (*Рысс П. Я.* Предисловие к: Протопопов А. Д. Предсмертная записка. Август 1918 г. // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 168). Расстрел А. Д. Протопопова произошел 27 октября 1918 г. по решению ВЧК.

ными бантами. Они поочередно занимали нас разговорами и, кроме того, приводили в комнату революционных солдат и матросов, показывая им арестованных, называя нас по именам и сопровождая это некоторыми своими комментариями.

Когда они останавливались передо мной, их замечания были скромные. Они говорили — вот Барк, бывший царский министр финансов, он выпускал на нужды войны бумажные деньги, которые теперь мало чего стоят. Эти революционеры приносили нам также отпечатанные на гектографе листки, которые издавались в Государственной думе и содержали новости дня[I]. Один из них, средних лет, был чиновником Министерства земледелия, другой был студентом Горного института в Петрограде, он был заключен в тюрьму за революционную деятельность и освобожден своими товарищами в начале восстания. Третий был самый молодой, тоже студент Московского технического училища, приехавший в столицу, чтобы принять деятельное участие в революции. Он был самый симпатичный из них и вскоре почувствовал дружеское расположение ко мне. Мы с ним пускались в самые разнообразные философские разговоры.

Когда он впервые принес мне листок думских новостей, я прочел, что член Комитета общественного спасения и лидер Кадетской партии профессор Милюков выступил с большой программной речью в Екатерининском зале, перед членами Совета рабочих и солдатских депутатов. Он громил царское правительство, указывал, что оно было неспособно довести войну до победного конца, но что после происшедшей революции народный энтузиазм объединит все живые силы страны, дабы сокрушить немцев и водрузить русский флаг в Константинополе, обратив турецкую мечеть опять в православный собор Святой Софии[II].

Судя по комментариям думского листа, этот патриотический призыв не вызвал особенного отклика среди

[I] Имеются в виду "Известия" Комитета петроградских журналистов».

[II] Со своей речью П. Н. Милюков выступил около 3 часов дня 2 марта 1917 г.

присутствовавших. Обсуждая это выступление с моим молодым приятелем, товарищем Жоржем, как он себя называл, я задал ему вопрос, почему выступление Милюкова не имело, по-видимому, успеха. Он мне ответил спокойным деловым тоном:

«Папа́ Милюков, по обыкновению, сбрендил. Мы не для того произвели революцию, чтобы продолжать войну. Война интересна буржуазным классам, а не нам. Мы проливать свою кровь и сражаться не намерены — войну нужно прекратить».

Вторая ночь оказалась далеко не спокойной. Около трех часов утра раздались выстрелы в соседней комнате, громкие крики, которые закончились тяжелым стоном, по-видимому, раненого человека, эти стоны не прекращались до пяти часов утра. Естественно, в нашей комнате настроение не могло быть бодрым, и бо́льшую часть ночи арестованные не могли сомкнуть глаз, не зная, что их может ожидать после происшедшего инцидента. Я потом узнал от товарища Жоржа, что случилось. Арестованный адмирал Карцов, начальник Морского корпуса и зять морского министра, бывший в очень нервном состоянии, тоже дремал. Когда он открыл глаза и увидел качающегося солдата, ему показалось, что тот собирается в него стрелять, и схватил его ружье. Проснувшийся солдат вообразил, что адмирал нападает на него, несколько раз выстрелил и нанес две раны адмиралу, который упал и тяжко страдал, пока его не увезли в госпиталь[1].

Когда обо всем происшедшем доложили Керенскому, который явился для контроля в 11 часов утра, он решил, что необходимо смягчить режим арестованным. На многих запрещение говорить между собой действовало чрезвычайно угнетающим образом. Ввиду этого Керенский на третий день нашего заключения разрешил нам разговаривать между собой.

Этот день вообще принес нам много нового. Керенский нам объявил, что накануне последовало отречение Государя, за себя и за цесаревича Алексея Николаевича, в пользу брата Государя великого князя Михаила Александровича. Керенский добавил, что образовано Временное правительство, во главе с князем Львовым в качестве председателя, причем Керенский получил портфель министра юстиции. Керенский был в чрезвычайно приподнятом настроении, считая, что цели революционеров будут достигнуты в полной мере[1].

[1] Очевидно, этот эпизод произошел в ночь со 2 на 3 марта.

Вскоре появился товарищ Жорж со своими двумя компаньонами и подтвердил нам новости, сообщенные Керенским. Наш обед очень запоздал и оказался весьма скудным. К счастью, жена моя прислала с нашей милой француженкой-гувернанткой разную провизию, которой я поделился со своими сотоварищами по аресту. Милая Mlle Nicaise (гувернантка) проявила необычайное мужество в эти дни. Пренебрегая своей личной безопасностью, она совершала дальние переходы пешком, по улицам, заполненным революционною толпою, и не обращала внимания ни на выстрелы, ни на пожары.

С тех пор как нам разрешили разговаривать, у некоторых арестованных появилась особенная потребность высказать свои мысли и чувства, хотя бы в сдержанной форме, а потом говорить о совершенно посторонних предметах. Помню, мы сидели четверо за столом: князь Н. Д. Голицын, последний председатель Совета министров, министр торговли и промышленности князь Шаховской, сенатор Утин и я. Незадолго перед

[1] «3-го марта князь Голицын, Барк и я, — вспоминал В. Н. Шаховской, — были вызваны вместе к Керенскому, который объявил нам, что Государь император отрекся от престола за себя и за наследника в пользу великого князя Михаила Александровича и что этот последний, в свою очередь, отказался от престола. Поэтому Керенский спросил нас троих, признаем ли мы Временное правительство, образовавшееся под председательством князя Львова, в состав которого он вошел в качестве министра юстиции. Со своей стороны я заявил буквально следующее: "Мы присягали на верность императору Николаю II. Раз Его величество ныне отрекся от престола, то этим самым он освободил нас от присяги. Поэтому я не вижу оснований для отказа признать образовавшееся новое правительство". Голицын и Барк подкивнули одобрительно. Тогда Керенский объявил, что мы освобождаемся от ареста» (*Шаховской В. Н. Sic transit gloria mundi*. С. 208).

тем скончался отец сенатора Утина[I], который был много лет председателем правления Санкт-Петербургского учетного и ссудного банка[II] и близким другом моего предшественника, графа В. Н. Коковцова. Я хорошо знал его и выразил мое искреннее соболезнование сыну, — тот так обрадовался высказанному мною вниманию, что долго рассказывал нам во всех подробностях о продолжительной тяжелой болезни и кончине своего отца и о различных эпизодах его жизни. Не было возможности остановить поток его речи.

Интересно отметить отзыв Керенского об арестованных. Он в своих мемуарах, изданных в Париже в 1923 г., между прочим, пишет:

«Трудно было охранить арестованных от угрожавшей их судьбы... Некоторые из них, как, например, Белецкий, Протопопов и бывший министр Беляев, вызывали отвращение своей трусостью. Другие, как Щегловитов, Макаров и Барк, напротив, проявляли много мужества и достоинства»[III, IV].

В думском листке также упоминалось о поведении арестованных, причем думский журналист писал: «Мы были удивлены увидеть министра финансов безукоризненно одетым и в чистом белом воротнике, сидящим в углу удобного дивана и спокойно читающим книгу».

В нашей комнате оказалось несколько книг по сельскому хозяйству, и я никогда не вдавался так подробно в изучение сельскохозяйственных вопросов, как во время моего ареста.

[I] Отцом сенатора С. Я. Утина был банкир Я. И. Утин.

[II] С.-Петербургский (Петроградский) учетный и ссудный банк — акционерный коммерческий банк, учрежденный в 1869 г. В 1890-е гг. уступил первенство другим, более крупным банкам, выступая в начале XX в. в роли их младшего партнера и имея на 1 января 1914 г. капиталы на 327 400 000 руб. Национализирован в декабре 1917 г.

[III] Переведено с французского текста издательства Poyot. (*Примеч. авт.*)

[IV] Ср.: «Понятно, как трудно было уберечь арестованных от возможной судьбы... Одни, например Белецкий, Протопопов, бывший военный министр Беляев, навлекли на себя презрение собственной трусостью. Другие, в том числе Щегловитов, Макаров и Барк, проявили, напротив, огромное мужество и достоинство» (*Керенский А. Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 44).

Товарищ Жорж в тот день сообщил мне конфиденциально, что он и его компаньоны состоят членами Совета рабочих и солдатских депутатов. Из его намеков я понял, что Керенский появляется каждое утро для того, чтобы произвести контроль над арестованными, а он и его товарищи появляются засим, чтобы произвести контроль над Керенским. Между прочим, он выразил полное свое неудовольствие тем, что в состав Временного правительства вошли в качестве министра торговли Коновалов и министра финансов Терещенко. Оба были богатые люди. Первый был текстильным фабрикантом в Москве, второй одним из наших сахарных королей в Киеве. Товарищ Жорж говорил: «Мы не для того делали революцию, чтобы в состав правительства входили министры-капиталисты».

Возмущение его возросло, когда он вечером принес мне думский листок новостей. По поводу отречения Государя Милюков, уже в качестве министра иностранных дел Временного правительства, произнес опять речь в Екатерининском зале, перед членами Совета рабочих и солдатских депутатов. Он объяснил, что отречение состоялось, собственно, не по той программе, которая намечалась комитетом Государственной думы. Комитет требовал отречения Государя в пользу его сына, с регентством великого князя Михаила Александровича. Между тем оказывается, что корона переходит к брату Государя. Милюков, однако, объяснял, что, по существу говоря, ничто не меняется в их программе и вновь образованное Временное правительство вполне удовлетворено создавшимися условиями.

Товарищ Жорж сказал:

«Папá Милюков, хотя он и называется теперь министром иностранных дел Временного правительства, опять сбрендил. Мы не для того делали революцию, чтобы сохранить династию Романовых. Нам никакой монархии не надо. Это дело прошлого. Впрочем, выступления Милюкова никакого значения не имеют. Товарищи его очень скоро вразумят, и он завтра же в новом выступлении будет говорить уже другим языком».

Чтобы отвлечься от политики, товарищ Жорж спросил меня, играю ли я в шахматы, и на мой утвердительный ответ предложил мне сыграть с ним партию. Однако в здании Государственной думы он шахмат не нашел и, вернувшись разочарованным в нашу комнату, спросил меня, не может ли он телефонировать моей жене, чтобы она прислала мои шахматы. Я охотно согласился, товарищ Жорж пошел звонить моей жене и, вернувшись, очень довольный, сказал, что сегодня уже поздно, но что моя жена обещала прислать шахматы на следующий день утром, что мы непременно должны сыграть несколько партий[1].

[1] Историю своего ареста П. Л. Барк оставил незаконченной. Поэтому приводим выписку из дневника его дочери, Н. П. Семеновой-Тян-Шанской, записавшей под 17 марта 1917 г.:

«К маме постоянно кто-нибудь приходил. Вообще за эти тяжелые дни мы много видели сердечных отзывов и сочувствия... В воскресенье днем Mademoiselle, ходившая на Мойку за вещами, приехала за нами в автомобиле с радостной вестью, что папа вернулся совсем неожиданно один на извозчике из Думы — его освободили. Мы в две секунды собрались; мама не могла сдерживать слез счастья, и мы приехали домой со своими пожитками. Папа сидел в гостиной со своими бывшими товарищами. Он не изменился, только немного похудел». (*Примеч. Н. Д. Семенова-Тян-Шаньского.*)

ГЛАВА XXVII

В эти трагические дни 1 (14) и 2 (15) марта 1917 г. судьба великой Империи была решена в Ставке Верховного главнокомандующего.

Март месяц был фатальным в истории России. 11 (23) марта 1801 г. погиб от руки убийц, ставший ненормальным, император Павел I. 1 (13) марта 1881 г. был разорван бомбой давший своей стране великие либеральные реформы император Александр II. 2 (15) марта отрекся от престола предков его внук, император Николай II. И наступил тяжелый период затмения великой страны.

Государь выехал из Ставки в ночь с 27 на 28 февраля, направляясь в Царское Село. Однако поезд его, распоряжением революционеров, захвативших власть в Министерстве путей сообщения, был остановлен в пути и направлен в Псков, где находился главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Рузский со своим штабом. Генерал Рузский все время находился в сношениях по прямому телеграфному проводу, с одной стороны — с председателем Государственной думы, Родзянко, возглавившим революционное движение, и, с другой

стороны — с начальником штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве, генерал-адъютантом Алексеевым.

Государь со свитой прибыл в Псков в среду 1 (14) марта в 8 часов вечера и немедленно принял генерала Рузского.

Одновременно Государь получил из Ставки от генерала Алексеева телеграмму следующего содержания:

«Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания Высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста:

"Объявляем всем верным Нашим подданным.

Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с Нашей Родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской Нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России.

Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг Престола и народного представительства, дружно помогут доблестной Нашей армии завершить ее великий подвиг.

Во имя Нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет Нам Господь Бог"»[I].

Рузский очень долго оставался в вагоне Государя и вышел оттуда после 11 часов вечера для переговоров по прямому проводу с Родзянко, которому он передал, что Государь согласился поручить председателю Государственной думы образование нового правительства, ответственного перед законодательными палатами, сообщил ему текст проектированного Манифеста и добавил, что ожидает немедленного приезда Родзянко в Псков. Тот ответил, что не может оставить столицы, так как опасается, что с его отсутствием анархия усилится: он чувствует, что сам висит на волоске и власть ускользает из его рук; он был вынужден назначить Временное правительство; страсти разгораются, и при этих условиях уступки, указанные в проекте Манифеста, уже недостаточны; встает грозное требование, чтобы последовало отречение Государя от престола в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича[II].

Генерал Рузский сообщил содержание этого разговора генералу Алексееву. Генерал Алексеева, или лично, или же через своих ближайших сотрудников, оповестил всех командующих армиями о положении и призывал их послать через генерала Рузского телеграммы императору, умоляя Государя отречься от престола в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича, с великим князем Михаилом Александровичем в качестве регента.

Следующий телеграфный разговор произошел между генералом Клембовским из штаба Верховного глав-

[I] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...) // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 53–54.

[II] Ср.: Там же. С. 55–59.

нокомандующего и одним из командующих армиями генерал-адъютантом Эвертом[I]:

«Наштаверх[II] поручил мне передать Вам следующее. "...Династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. <...> Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу династии нужно поставить на первом плане хотя бы ценою дорогих уступок. Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его величеству через главкосева[III], известив наштаверха? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху»[IV].

Генерал Эверт спросил — имеет ли он еще время и возможности к соглашению с командующими других армий и получили ли эти генералы такого же рода сообщения.

Генерал Клембовский ответил:

«Всем главнокомандующим сообщено одно и то же. Время не терпит, дорога́ каждая минута, иного исхода нет. Государь колеблется, единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение, единственно возможное для спасения России и династии. При задержке в решении вопроса Родзянко не ручается за сохранение спокойствия, причем все мо-

[I] А. Е. Эверт являлся главнокомандующим Западным фронтом.
[II] Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев.
[III] Главнокомандующий Северным фронтом Н. В. Рузский.
[IV] Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего...). С. 67–68.

жет кончиться гибельной анархией. Надо иметь в виду также, что Царскосельский дворец и августейшая семья охраняются восставшими войсками»[I].

Генерал Брусилов получил от генерала Алексеева сообщение такого же содержания, заканчивающееся просьбой телеграфировать императору. Он ответил:

«Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с Вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою Государю императору. Совершенно разделяю все Ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может»[II].

В четверг утром генерал Рузский доложил Государю о своем разговоре с Родзянко и представил телеграммы, полученные от командующих армиями.

От великого князя Николая Николаевича:

«Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры.

Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему.

Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие.

Другого выхода нет.

Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас.

Генерал-адъютант Николай».

От генерал-адъютанта Брусилова:

«Прошу Вас доложить Государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола

[I] Там же. С. 68.
[II] Там же. С. 69.

в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного Наследника.

Генерал-адъютант Брусилов».

От генерал-адъютанта Эверта:

«Ваше Императорское Величество. Начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы.

Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких.

Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага.

При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и Династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии.

Генерал-адъютант Эверт».

Эти обращения к Государю генерал Алексеев сопроводил следующей телеграммой:

«Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее.

Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и, ради ее целости, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения.

Ожидаю повелений...

Генерал-адъютант Алексеев

2 марта 1917 г.»[I].

Получив эти телеграммы и придя к заключению, что армия во главе со своими командующими ему изменила, Государь император 2 марта написал собственноручно и подписал в императорском поезде в Пскове две телеграммы (в 3 часа дня):

«Высочайшая телеграмма. Председателю Государственной думы. Петроград.

Нет той жертвы, которой Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения матушки России. Посему Я готов отречься от престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве брата Моего Михаила Александровича.

НИКОЛАЙ»[II].

«Высочайшая телеграмма. Наштаверх. Ставка.

Во имя блага, спасения и спокойствия горячо любимой России, Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно.

НИКОЛАЙ»[III].

[I] Там же. С. 72–73.

[II] Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в кои произошло отречение от престола Государя императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 140.

[III] Там же.

Примечание генерала Рузского: «Составлена, написана и подписана собственноручно 2 марта в 15 час. в вагоне Императорского поезда в Пскове. Дана после доклада Его величеству телеграмм Алексеева и всех главнокомандующих»[I].

Здесь не лишне привести некоторые телеграммы, которые были получены Рузским уже после того, как Государь принял решение отречься от престола, чувствуя себя покинутым армией.

«Телеграмма. Псков. Главкосев, копия Наштаверх.

Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной думы Вам на высокомилостивое решение Государя императора даровать стране ответственное министерство и пригласил главнокомандующих доложить Его величеству через Вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к Его величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Государственной думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойничья куча людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего Державного Вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

Таковы движения сердца и души. Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верноподданный Его величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало бы пищу к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний.

Генерал Сахаров, командующий Румынским фронтом. Яссы, 2 марта 1917 г. 13.31.

Получена в Пскове в 14 час. 50 мин.»[I].

«Телеграмма. Псков. Генерал-адъютанту Рузскому.

До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его величества безграничную преданность Гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха.

Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский.

3 марта 1917 г.»[II].

Из Петрограда получено было известие, что в Псков выезжают делегаты революционной Думы Гучков и Шульгин с проектом отречения от престола Государя в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Государь вызвал к себе лейб-медика С. П. Федорова, который лечил наследника цесаревича, и просил его высказаться с полною откровенностью насчет здоровья своего сына. Федоров сказал императору, что гемофилия считается неизлечимой. Возможно, что с большими предосторожностями великий князь сможет жить сравнительно долго, но он никогда не будет вполне здоровым. Государь поблагодарил Федорова и решил отречься от престола за себя и за сына, передавая корону своему брату великому князю Михаилу Александровичу[III].

После этого Государь собственноручно написал Акт отречения[IV]:

[I] Телеграммы и разговоры по телеграфу... С. 140–141.

[I] Там же. С. 139.

[II] Там же. С. 154.

[III] Ср.: *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 56–57. В действительности Николай II решил «переотречься», т. е. передать престол не сыну, а брату, вечером 2 марта 1917 г. после беседы с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным.

[IV] На самом деле проект Манифеста Николая II об отречении был составлен не им, а Н. А. Базили, директором Дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего, при участии М. В. Алексеева и А. С. Лукомского, и передан по телеграфу в Псков вечером 2 марта 1917 г. При подписании Манифеста Николай II привнес в него несколько изменений редакционного свойства.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша, совместно со славными Нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною думою, признали Мы за благо отречься от Престола государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ.

Псков. 2 марта 1917 г. 15 час.

Министр Императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс»[1].

[1] Телеграммы и разговоры по телеграфу... // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 144–145.

Вечером делегаты революционной Думы Гучков и Шульгин прибыли в Псков, привезя с собой проект отречения от престола.

Они были проведены в салон-вагон Государя, куда в ожидании императора собрались: министр Двора граф Фредерикс, генерал-адъютант Рузский, его начальник штаба генерал Данилов, начальник снабжения Северного фронта генерал Савич, дворцовый комендант генерал Воейков, начальник Военно-походной канцелярии генерал Нарышкин[I].

Через несколько минут появился Государь. Чувствовалось, что делегаты были смущены, но Государь спокойно пригласил всех сесть за стол у углового дивана. Обратившись к делегатам, он спросил, как они доехали. Гучков ответил, что отбытие их из Петрограда, из-за волнений среди рабочих, было затруднительно. Затем само заседание продолжалось долго. Видя некоторое смущение делегатов, Государь успокоил их, сказав, что им принято решение. Он не хочет помешать России избрать путь, намеченный судьбою, — и он передал депутатам Акт отречения, уже подписанный им[II].

Депутаты были опять в смущении и в нерешительности. Они не знали, могут ли они принять решение, которое оказалось другим, чем намеченное Думой. Все же они должны были уступить под влиянием спокойного и твердого отношения императора, и они приняли Акт об отречении.

Впоследствии Шульгин сообщил подробность об этой их миссии. Верный своей большой искренности, он сказал, что когда делегаты получили Манифест, написанный собственноручно и подписанный Его величеством, исполненный такого достоинства и отмеченный таким благородством души, они были сконфужены содержанием того документа, который привезли с собой.

[I] Ср.: *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России... С. 60. Ю. Н. Данилов, В. Н. Воейков и С. С. Савич пришли к концу процедуры отречения.

[II] Ср.: Там же. С. 61. Николай II подписал Манифест об отречении только после общения с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным.

Гучков доложил, что обратное возвращение делегатов сопряжено с риском, а поэтому он просит подписать Манифест на всякий случай не в одном экземпляре. Государь на это согласился.

В это же время Верховным главнокомандующим всеми российскими силами был назначен Государем великий князь Николай Николаевич, о чем была послана телеграмма в Тифлис. Император утвердил назначение князя Львова председателем Совета министров — Временного правительства.

В ночь с 2 (15) на 3 (16) марта император выехал из Пскова в Могилев, куда прибыл в пятницу вечером.

На следующий день, в субботу 4 (17), ровно в 9 часов утра, Государь прошел своим обычным порядком в генерал-квартирмейстерскую часть для принятия доклада генерала Алексеева о положении на фронтах.

Генерал Алексеев был очень взволнован. Он начал свой доклад немного сбивчиво. Император ободрил его и облегчил ему задачу свой необычной выдержкой и своими дельными вопросам, показывающими его прекрасное знание расположения войск. Государь обладал необычайной памятью и, хотя фронт простирался более чем на 2 тысячи километров, помнил не только расположение полков на фронте, но фамилии их командиров и особые условия, в которых каждый из них находился.

Вот свидетельство присутствовавшего на этом последнем докладе генерала Клембовского:

«Я не мог оторвать от Царя глаз. Сколько должно было быть силы воли у Государя, чтобы полтора часа слушать последний раз доклад о Великой войне. Ведь Государь, нечего скрывать, относился к боевым операциям не только сознательно, но Он ими руководил и давал определенные указания Михаилу Васильевичу. И все это оборвать, кончить, помимо своей воли, отлично понимая, что от этого наверно дела наши пойдут хуже. Я даже задавал себе вопрос: что это, равнодушие или ясно сознанная необходимость порядком кончить свою роль перед Своим штабом? Только перед тем, как оставить всех нас, Государь как будто заволновался и голосом более тихим, чем всегда, и более сердечным сказал, что Ему тяжело расставаться с нами и грустно последний раз быть на докладе, но, видно, Воля Божия сильнее моей воли. Хочется верить, что Россия останется победительницей, и все жертвы, понесенные ею, не пропадут... Затем Государь пожал нам всем руки и быстро вышел в сопровождении генерала Алексеева»[1].

Около полудня этого же дня стало известно, что днем прибывает из Киева императрица Мария Феодоровна для свидания с Государем.

Стояла ветреная, свежая погода. На военную платформу часам к 3 дня прибыл Его величество, вся свита Государя, великие князья Александр и Сергей Михайловичи, генерал Алексеев со старшими чинами своего штаба. Около 20 минут ждали прибытия поезда императрицы-матери (он запаздывал). Государь в кубанской казачьей форме ходил с дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским, держась довольно далеко от остальных лиц.

Наконец, опоздавший поезд подошел к платформе. К вагону, где находилась императрица Мария Феодоровна, подошел Государь. Навстречу ему вышла царица-мать; они обнялись и трижды поцеловались, затем несколько минут беседовали между собою. Потом Государыня обошла великих князей, свиту, разговаривая и приветливо улыбаясь. Она была бодра и имела свой обычный, дорогой всем русским, добрый, ласковый вид. После этого Государь и императрица-мать прошли в стоявший здесь на платформе маленький случайный сарайчик и оставались там, беседуя друг с другом с глазу на глаз, с четверть часа.

Генерал Дубенский, точный свидетель, ведший ежедневный дневник всего происходившего, в дальнейшем так описывает эту последнюю встречу царицы-матери со своим сыном:

«Помню, все, находившиеся при этой встрече Царицы-Матери с оставившим Престол Сыном Ее Императо-

[1] *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России. С. 70–71.

ром Николаем II, были поражены той выдержкой, при которой произошло это первое между Ними свидание после того, как совершился величайший в истории России акт — результат страшной революции во время небывалой мировой войны.

Долго никто не говорил, боялись как будто нарушить своим голосом серьезность встречи. Помню, особняком держался генерал Алексеев, около него никого не было. Он был смущен и взволнован»[I].

По выходе из сарайчика Государь и императрица-мать сели в автомобиль и последовали в дом, где жил Его величество, и долго там оставались наедине друг с другом. Затем к вечеру Государь отправился с матушкой своей в ее поезд, откуда вернулся к себе только к ночи.

События все неслись и неслись, и Государь и императрица-мать уже знали, что Дума поддалась крайне левым элементам и что под их давлением великий князь Михаил Александрович тоже подписал Акт отречения. Специально созываемое Учредительное собрание должно было решить, какой режим будет установлен в России[II]. Это был конец династии и последний раз, что мать и сын виделись.

Привожу здесь трогательное описание летописца этого времени генерала Дубенского:

«Холодный ветер дул из-за Днепра. Старая церковь Св. Троицы, построенная борцом за православие, белорусским епископом Георгием Конисским, окруженная каменной оградой, была переполнена. Стояли рядами солдаты, а посередине прохода и спереди, ближе к алтарю, все заполнили генералы, офицеры и служебный персонал Ставки. Служил весь штабной причт с превосходным, хотя и небольшим, хором певчих. Служба проходила по обычаю благолепно и благочинно. Государь и Императрица прибыли к началу службы и прошли на Царские места, за левой колонной против северных дверей...

[I] Там же. С. 72.

[II] Великий князь Михаил Александрович подписал Акт об отказе от восприятия престола 3 марта 1917 г., обусловив это волеизъявлением Учредительного собрания.

В храме стояла удивительная тишина, и глубоко молитвенное настроение охватило всех пришедших сюда. Все понимали, что в церковь прибыл последний раз Государь, еще два дня тому назад Самодержец величайшей Российской империи и Верховный главнокомандующий великой Русской армии, с Матерью Своей Императрицей, приехавшей проститься с Сыном, бывшим Русским Православным Царем. А на ектеньях поминали уже не Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора Николая Александровича, а просто Государя Николая Александровича. Легкий, едва заметный шум прошел по храму, когда услышана была измененная ектенья...

Многие плакали. Генерал Алексеев, вообще очень религиозный и верующий человек, усердно молился и подолгу стоял на коленях. Я невольно смотрел на него и думал, как он в своей молитве объясняет свои поступки и действия по отношению к Государю, которому он не только присягал, но у которого он был ближайшим сотрудником и помощником в эту страшную войну за последние полтора года. Я не мог решить, о чем молится Алексеев.

Я не помню за всю мою жизнь такой обедни и такого отношения к службе у всех молящихся.

Когда Государь со Своей Матушкой, приложившись к кресту, вышли из церкви и сели в автомобиль, то Они были окружены густой стеной солдат и офицеров, смотревших на них особым, преданным и сочувственным взглядом. Многие из нас не только отдавали честь, но снимали шапки. Царский автомобиль тихо продвигался, а сидевшие в нем Государь и Императрица кланялись народу, и грустен был их взгляд...

Тихо в подавленном настроении расходилась Ставка из своего храма»[1].

Все дни пребывания в Могилеве с 4 по 8 марта Государь проводил в таком порядке. После утреннего чая, в начале 9-го часа, он начинал принимать разных лиц, что продолжалось до самого завтрака, то есть до полови-

[1] *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России. С. 79–80.

ны первого. Государь за эти четыре дня простился с военными агентами и представителями союзных держав, со своей свитой и с целым рядом лиц служебного мира Ставки. К завтраку приезжала императрица-мать со своим небольшим штатом и после двух часов вместе с Государем уезжала к себе в поезд. Здесь Его величество оставался до позднего вечера.

Расставаясь с иностранными агентами, Государь подробно и долго беседовал с ними. Военные агенты: английский генерал Вильямс, французский генерал Жанен, бельгийский генерал барон де Риккель, сербский полковник Леонткевич, итальянский полковник Марсенго, все с глубочайшим уважением относились к русскому императору и видели в нем своего союзника. В то время, когда среди русского общества ходили дрянные слухи о каких-то мирных переговорах с Германией, — военные агенты союзных держав, да и сами союзные державы верили в союз с императором Николаем так же, как в самих себя. Сомнений не было. Все прекрасно понимали, что разгром Франции предотвращен Россией, что Англия и затем Америка имели время подготовиться к войне только благодаря нам, а Италия спасена от окончательного разгрома Брусиловским наступлением 1916 г. Сербия всегда искренно и открыто признавала, что она может вести войну только при помощи России, которая через Рени давала ей все, начиная с хлеба и кончая аэропланами и автомобилями.

Сербский агент полковник Леонткевич, чтоб выразить Государю особую признательность, поцеловал ему руку.

Мартовский переворот упал для военных агентов как снег на голову. Английский генерал Вильямс, беседуя с чинами штаба по возвращении Государя из Пскова в Ставку, сказал: «У нас в Англии есть старая пословица: при переправе вброд лошадей не меняют. А вы, русские, решились переменить не только лошадей, но даже экипаж. Можно бояться, что этот опыт принесет губительные результаты». «Но ведь ваш посол Бьюкенен принимал близкое и живое участие в подготовке переворота», — возразили Вильямсу. «Я думаю, — ответил он, — не все одобряют деятельность г. Бьюкенена».

В эти дни тревоги военные агенты горячо относились к интересам Государя. Они говорили, что готовы лично защищать особу императора, что они послали самые обширные сообщения своим представителям в Петроград о необходимости оградить жизнь всей царской семьи[1].

8 (21) марта состоялось окончательное прощание Государя со всеми чинами штаба и служащими в Ставке. В большой зале собрались великие князья Александр и Сергей Михайловичи, великий князь Борис Владимирович, свита Государя и все генералы, офицеры и гражданские чины штаба во главе с генералом Алексеевым. Присутствовали также люди, принадлежавшие к войскам, стоявшим в Могилеве. Зала была переполнена; люди стояли даже на лестнице и в прихожей. Разговаривали шепотом, и все взоры были направлены на дверь, через которую должен был войти Государь. Прошло десять минут, тогда послышались быстрые и легкие шаги на лестнице. Наступила полная тишина, и последовала команда: «Господа офицеры». Государь, в казачьей форме, вошел спокойно и встал в середине зала. Генерал Алексеев около него. Государь несколько мгновений молчал, потом, среди полной тишины, начал говорить своим ясным звучным голосом. Он сказал, что подчинился воле Божией и складывает с себя верховное командование армиями. Он знает, что все чины его штаба добросовестно работали для ведения войны против сильного врага в течение полутора лет. Он сердечно благодарил весь штаб за его работу и выразил уверенность, что Россия и ее союзники выйдут победителями и что жертвы России не останутся напрасными.

Генерал Алексеев начал отвечать взволнованным и надрывающимся голосом, но не мог продолжать, так как его душили слезы. Он только успел сказать, что Его величество придает слишком большое значение рабо-

[1] Ср.: Там же. С. 81–82.

те штаба главнокомандующего. Каждый делал что мог, но вкладывал все свои мысли и всю свою душу в работу сам Государь, подавая этим силы и веру всем людям, его окружавшим и нуждавшимся в этом для спасения России. Государь приблизился к Алексееву и поцеловал его.

С первых же слов, произнесенных Государем, слезы навернулись на глаза слушателей. Несколько офицеров упали в обморок, и все присутствовавшие почувствовали то же волнение, как когда смерть разлучает с любящим человеком.

Государь быстро овладел собою, спустился к войскам и поздоровался с ними. Люди дружно и громко, как всегда, отвечали: «Здравия желаем Вашему императорскому величеству». Когда Государь спускался по лестнице, окруженный толпой солдат и офицеров, слышались выкрики, плач и просьбы: «Не оставляй нас». Все были чрезвычайно взволнованы и полны грусти и смущения[1].

8 (21) марта перед отъездом из Могилева Государь император составил собственноручно и подписал следующее свое прощальное обращение к армиям:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Мною за себя и за сына Моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиною лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своим доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь

[1] Ср.: Там же. С. 87–89.

Временному правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе святой Великомученик и Победоносец Георгий.

НИКОЛАЙ.

8 марта 1917 г.

Ставка»[1].

Это обращение Государя было опубликовано генералом Алексеевым в приказе по армии, но Временное правительство по докладу Гучкова запретило дальнейшее его распространение, и в 1917 г. оно осталось русскому народу неизвестным.

КОНЕЦ

[1] Там же. С. 96–97.

Приложения

я предложил И. П. Шипову по соглашению с М. Г. А[кимовым] и И. Л. Г[оремыкиным], были принципиальные возражения, на коих, однако, М[ихаил] Г[ригорьевич] не настаивал в дальнейшем. Предварительное разрешение я уже испросил, а вчера послал письменный доклад. Думаю, что выбор во всех отношениях подходящий. Вторую должность я предложил, по совету с С. С. Хрипуновым, К. А. Турцевича. Он мой старый сослуживец по М[инистерст]ву фин[ансов], человек очень порядочный. Надеюсь, что на него можно будет положиться. Сначала я предложил эту должность Е. С. Каратыгину, но он отказался, считая горизонты недостаточно широкими. Пожалуй, он и прав! Заботит меня больше совещание, очень хотелось бы образовать его без замедления; я говорил с И[ваном] Л[огиновичем] о кандидатуре С. Ю. [Витте], но он отнесся к ней очень сдержанно. Вчера утром был на освящении Вашей церкви, очень красиво и выдержанно, прекрасный был хор и проникновенное служение.

Глубоко Вас уважающий и искренне преданный Вам

П. Барк.

РГИА. Ф. 1571 (А. В. Кривошеин). Оп. 1. Д. 252. Л. 9–10.

6

Выступление П. Л. Барка в Общем собрании IV Государственной думы

22 апреля 1914 г.

Господа члены Государственной думы.

Вам предстоит рассматривать роспись доходов и расходов после знаменательного рескрипта, данного Государем императором 30 января сего года. В этом рескрипте ясно указан путь, по коему надлежит идти для достижения народного благосостояния, и воистину великое счастье выпало на долю тех, кому суждено явиться первыми исполнителями великодушных предначертаний Его императорского величества. Не может быть никаких сомнений в том, что Государственная дума, без различия взглядов и партий, объединится и горячо отзовется на этот высокий призыв к народному благу и счастью (*Справа рукоплескания и голоса:* браво.) Трудная задача, которая предстоит не только Финансовому ведомству, но и всему правительству, может в огромной мере облегчиться поддержкою законодательных палат, а затем и общественных учреждений и организаций на местах. Царский призыв нашел отклик в сердцах, и немало найдется убежденных, идейных работников, готовых положить свою энергию и труд на святое дело борьбы с нетрезвостью. Есть, однако, и сомневающиеся, не верящие в возможность улучшения и усовершенствования существующих условий. Эти люди думают, что потребность в опья-

нении настолько сильна в человеке, что не стоит с этим бороться; никакие меры пользы не принесут, и посему никаких мер принимать не следует. В этом сомнении верно одно: трудно устоять против соблазна отдельному человеку, в особенности если нет в нем сильной воли, но отсюда не следует, что необходимо соблазн делать общедоступным и создавать такую обстановку, при коей слабый духом не может устоять против искушения. Поэтому мы должны проникнуться убеждением, что есть реальные меры для борьбы с великим злом, и меры двоякого порядка: во-первых, направленные к сокращению соблазна и, во-вторых, направленные к подъему культурного и нравственного уровня народа. (*Голоса слева:* уровня Кассо.) Сомнения раздаются и с другой стороны; указывается на то, что наше бюджетное благополучие основано главным образом на питейном доходе, и поэтому нельзя трогать этого дохода, нельзя ввести борьбу с нетрезвостью, так как будет нарушено бюджетное равновесие. Это положение неверно: нельзя строить благополучие бюджета на доходах, получаемых от разорения духовных и материальных сил народа. Такая система медленно, но неизбежно ведет к вырождению народа, к ослаблению его трудоспособности и уничтожению того платежного источника, откуда теперь обильною рекою поступает питейный доход. Необходимо, прежде всего, озаботиться оздоровлением народа, необходимо укрепить его духовные и материальные силы, необходимо решительно встать на путь борьбы с развитием потребления вина, и когда это потребление действительно сократится, у народа появится достаток, а вместе с тем — иные источники бюджетных поступлений. Меня нисколько не страшит призрак пустой государственной казны, которая будто бы лишится самого верного дохода в случае укрепления в народе трезвости. К прискорбию, народные страсти, вековые привычки не изменяются скоро благими законами и самыми решительными мероприятиями. Законы надо издавать, меры нужно принимать, но в сознании, что польза скажется не сразу, не годами, а десятилетиями. И вот почему я, в качестве управляющего Министерством финансов, опасаюсь не уменьшения питейного дохода в ближайшие годы и не забот, откуда добыть денег для возмещения этой убыли, а опасаюсь обратного. Я опасаюсь, что, невзирая на новые законы и всю нашу энер-

гию, питейные доходы в ближайшие годы будут стихийно возрастать или в лучшем случае не падать. Если же со временем произойдет убыль доходов от казенной продажи питей, как следствие сокращения потребления вина, то вместе с тем у народа появятся сбережения — те средства, которые ныне тратятся на вино. Куда же они уйдут? Они останутся тут же в стране. И они должны найти себе какое-нибудь применение. Они пойдут на другие, более производительные затраты, они пойдут на улучшение землепользования, на улучшение земельной культуры, на удовлетворение более культурных потребностей и, наконец, на приобретение таких предметов домашнего обихода, которые доселе считались чуть ли не предметами роскоши, а между тем совершенно необходимы для безбедного человеческого существования. Во всех этих случаях сбереженные средства пойдут на создание новых ценностей, так или иначе обогатят и казну; даже если сам крестьянин не захочет истратить свои сбережения и понесет их в сберегательную кассу, то и тогда они найдут производительное использование, так как увеличат тот общий резервуар свободных средств, который способствует размещению производительных займов, а вместе с тем служит источником для увеличения средств кооперативных учреждений мелкого кредита, финансирующих народный труд. С оздоровлением народа усилится трудовая его способность, и нарастающий достаток обеспечит государственную казну новыми доходами. Министерство финансов полагает, что нет никаких оснований опасаться сокращения доходов в связи с принятием настойчивых и энергичных мер по борьбе с нетрезвостью. Приведу пример Великобритании, где неоднократно повышались налоги на спирт, пиво и вино и принимались радикальные меры для борьбы с пьянством. В результате душевое потребление постепенно сокращалось; так, для пива в 1903 г. оно составляло 29,78 галлонов на душу, а в 1912 г. — 26,74; для спирта в 1903 г. — 0,99, а в 1912 г. — 0,67. Между тем доходы мало изменились. Доход от спирта был в 1903 г. 23 329 000 ф. ст., а в 1912 г. — 22 599 000 ф. ст.; доход от пива в 1903 г. — 13 483 000 ф. ст., в 1912 г. — 13 227 000 ф. ст. Таким образом, по моему мнению, в нашем распоряжении будет достаточно времени, чтобы на основании всесторонних обстоятельных исследований обсудить, какие возможно изы-

скать иные источники доходов, которые могли бы пополнить ту убыль, которая получится в бюджете в случае укрепления в народе трезвости. Теперь же нам не столько нужно думать о новых налогах, сколько об использовании неисчислимых естественных богатств нашей родины, которые ожидают лишь приложения труда и капитала. (*Голоса:* верно.) Если бы, однако, мои опасения не оправдались, если бы вопреки моим предположениям сравнительно быстро питейные доходы уменьшились и очень скоро была бы достигнута та цель, к которой мы стремимся, и надлежало бы в ближайшем будущем принимать экстренные меры для пополнения нашего бюджета, позвольте указать на те средства, которые имеются в вашем распоряжении на этот случай. Как уже указано докладчиком Бюджетной комиссии, в Государственной думе находятся законопроекты о подоходном налоге, о повышении наследственных пошлин, гербового сбора и некоторых других. По осторожному подсчету в общем итоге эти налоги могут дать 75 000 000 руб. Я не включаю в этот итог поступлений от военного налога и от поземельного, которые не встретили сочувствия в комиссии Государственной думы. Наряду с этим вы можете вывести из бюджета ассигнования на сооружения новых казенных железных дорог. Как известно, улучшенные пути сообщения обслуживают интересы не только одного поколения, и поэтому в большинстве случаев капитал, необходимый для постройки железных дорог, реализуется путем займов, и той же системы придерживаемся и мы по отношению к частному железнодорожному строительству. Если казенные железные дороги строить на капитал, получаемый путем займов, то тогда в бюджет придется вводить только те ассигнования, которые необходимы для уплаты процентов и погашения, а капитальная сумма окажется свободною, и, таким образом, вы можете располагать суммою свыше 100 000 000 руб. Наконец, имеется еще верное средство для обеспечения доходов, это — значительное повышение цены на вино. Средство это уже испытано за границей, как только что указал; оно ведет к сокращению душевого потребления вина, но общее поступление питейного дохода остается на высоком уровне. Это средство и у нас было испытано в конце 1908 г.: увеличена продажная цена вина, и в результате это увеличение доставило казне, соответственно количеству

выпитого вина, в 1909 г. около 36 000 000, а в 1913 г. около 42 000 000 излишка поступлений. Сознавая всю необходимость безотлагательного проведения в жизнь мероприятий, направленных к борьбе с нетрезвостью, необходимо указать, что Министерство финансов может принимать меры в строго отмежеванной ему области; между тем необходима целая совокупность мероприятий, относящихся к разным областям государственного управления, и необходимо содействие общественных сил. Теперь ни одно крупное событие русской жизни не может пройти без ознаменования его чаркою вина. Нам необходимо изменить всю психологию народа, и для этого требуется последовательная и настойчивая деятельность правительства и общественных организаций. Еще в школе подрастающее поколение должно воспитываться к трезвой жизни; духовенство должно быть приобщено к святому делу нравственного усовершенствования народа и укрепления в нем сильного духа, способного противостоять соблазну; административные органы обязаны следить за строгим исполнением законов, воспрещающих тайную продажу вина и тайное винокурение, и, наконец, в области судебной надлежит изменить существующий порядок в том смысле, что нетрезвое состояние при совершении проступков и преступлений не может являться смягчающим вину обстоятельством. Наряду с деятельностью правительства необходимо привлечь к делу отрезвления народа органы самоуправления, которые близко стоят к населению, знают его нужды и могут установить надлежащее взаимодействие с мероприятиями правительства. Министерство финансов, в пределах своей компетенции, преподало уже местным органам категорические указания о принятии неотложных мер для борьбы с нетрезвостью, причем министерство возлагает большие надежды на поддержку со стороны местных общественных сил. Предложено испрашивать заключения уездных земских собраний и городских дум при выработке планов открытия мест продажи крепких напитков, поручено исполнять все приговоры о закрытии и недопущении торговли крепкими напитками, установлена согласованность действий органов министерств внутренних дел, финансов и юстиции в деле преследования тайной продажи питей и тайного винокурения. С января по апрель поступило

запретительных приговоров 416, из коих бо́льшая часть рассмотрена и направлена к исполнению. Фактически закрыто 138 винных лавок, из которых 133 расположены вне городов. Вместе с тем Министерство финансов, на основании уже имеющихся материалов и прислушиваясь к разнообразным указаниям общественного мнения, разрабатывает ряд других мер, которые могут быть приняты теперь же в порядке управления. Для их осуществления, а также чтобы дать возможность местным органам исполнить преподанные им указания, необходимы будут денежные средства, и о соответственных ассигнованиях Министерство финансов войдет с особым представлением в Государственную думу. Однако, господа члены Государственной думы, все усилия и правительственных и общественных органов могут быть направлены в надлежащее русло и могут принести пользу, только если они имеют под собою твердое основание, если они могут опереться на закон, хотя бы несовершенный, неполный, который потребует дальнейшего исправления и изменения, но который явится необходимым условием для дальнейшей работы по оздоровлению народа. Вот почему я обращаюсь к вам с усердною просьбою не задержать рассмотрения поступившего к вам из Государственного совета законопроекта об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений. Принятие этого законопроекта имеет огромное значение первого твердого шага по новому пути. В стране укрепится сознание, что Государственная дума, в единении с правительством, решила приступить к реальным мерам, направленным к обеспечению трезвости, будет создано надлежащее настроение, тот подъем духа, который необходим для творческой работы.

Вторая великая задача, возложенная Высочайшим рескриптом на Финансовое ведомство, это подъем производительного труда путем правильно поставленного и доступного кредита. Развитие торговли и промышленности отражается в области финансов главным образом в размерах поступления промыслового налога и гербового сбора и засим на операциях Государственного банка и частных кредитных учреждений. Позвольте вам привести некоторые цифры. В 1909 г. промысловый налог дал нам 104 000 000 руб., в 1913 г. — 149 700 000 руб.; гербовый сбор в 1909 г. — 65 590 000 руб.,

в 1913 г. — 102 334 000 руб. Учетно-ссудные операции Государственного банка возросли в следующей пропорции. В 1909 г. их было 501 600 000 руб.; на 1 января 1914 г. — 1 065 500 000 руб., прирост в 563 900 000 руб. В частных кредитных учреждениях, в коммерческих банках, в обществах взаимного кредита и городских банках выдачи под товары составляли на 1 января 1909 г. 149 000 000 руб., в 1914 г. — 358 000 000 руб., увеличение на 209 000 000 руб. Ссуды под процентные бумаги составляли на 1 января 1909 г. 368 000 000 руб., на 1 января 1914 г. — 1 143 000 000 руб., увеличение в 755 000 000 руб. Выдачи под векселя составляли на 1 января 1909 г. 1 112 000 000 руб., на 1 января 1914 г. — 2 540 000 000 руб., увеличение 1 428 000 000 руб. Из этих данных видно, что в области кредитования торговли и промышленности Государственный банк и частные кредитные учреждения шли широко навстречу новым возникавшим потребностям. Отказа в кредите не было. Скажу больше: банковые учреждения, в некотором увлечении благоприятною промышленною конъюнктурою, стали выпускать на рынок дивидендные бумаги в таком количестве, которое не могло разместиться в крепких руках капиталистов. В биржевой оборот, вследствие повышавшихся цен, была вовлечена широкая публика, которая стала покупать неведомые ей бумаги только потому, что курс их повышался, и покупать не для помещения своих сбережений, а исключительно с целью получения прибыли на скорой продаже бумаг по повышенной цене. Банки широко открыли двери таким клиентам и облегчали биржевую игру предоставлением кредитов на льготных условиях. Однако искусственная переоценка промышленных бумаг, биржевая стоимость коих совершенно не соответствовала их доходности, не могла, конечно, продолжаться беспредельно, и теперь мы присутствуем при депрессии биржи, которая началась тогда, когда ни экономические условия, ни международные отношения не давали никаких оснований к тому, чтобы изменился взгляд на реальную доходность бумаг. Явление это печальное, нежелательное, но вполне естественное, как последствие увлечения биржевою спекуляцией, и оно предвиделось как серьезными практическими деятелями, так и научными силами, которые посвятили себя изучению финансовых вопросов. Сопоставление за ряд

лет курсов бумаг, которые обращаются на Петербургской бирже, свидетельствует о том, что биржевой кризис отразился главным образом на тех бумагах, с которыми происходит спекуляция, и мало коснулся фондов и твердо процентных бумаг. Колебания, которые происходят на рынке бумаг, зависят от общих и местных условий. К числу последних относится неорганизованность нашей биржи, и в видах урегулирования наших биржевых оборотов представляется совершенно необходимым приступить к реформе Петербургской биржи, для создания крепкой, независимой организации, которая могла бы в периоды оживления противодействовать ажиотажу, а в периоды депрессии в самой себе находить силу, чтобы противостоять понижательным маневрам, а не уповать только на поддержку попечительного начальства. (*Голоса справа:* правильно.) Конечно, в задачи Государственного банка не входит поощрение биржевой игры, и если в тяжелые, критические времена банку приходится открывать кредиты для предупреждения потрясений на денежном рынке и финансовых крахов, которые могут отразиться на благосостоянии населения, то в нормальное время, в особенности в периоды биржевых увлечений, Государственный банк должен служить тем задерживающим центром, который регулирует денежные обороты. С введением золотой валюты на Государственном банке лежит обязанность первостепенной важности — поддержание устойчивости денежного обращения и обеспечение размена кредитных билетов на золото. Когда у нас не было золотой валюты, то наши международные расчеты не имели устойчивого основания, мы находились в полной зависимости от того, каков был курс русского рубля на Берлинской бирже; от этой зависимости мы освободились, и введение золотой валюты явилось первым шагом к нашей финансовой самостоятельности. Само собою разумеется, что поддержание золотой валюты должно быть краеугольным камнем в политике каждого министра финансов. Необходимость поддержания устойчивости денежного обращения связывает, однако, Государственный банк в такой форме кредитования, которая требует долгосрочных затрат. Будучи обязан во всякое время разменивать кредитные билеты на золото, Государственный банк должен хранить у себя большое количество неприкосновенных золотых запасов и может помещать деньги, которые поступают в его кассу, только в легко реализуемые краткосрочные активы. И вот почему, если потребность торговли в кредите, благодаря условиям его краткосрочности, удовлетворяется, то всем известно, что наши сельскохозяйственные интересы далеко не обслужены в достаточной мере. (*Голоса справа:* это правильно.) Это обстоятельство побуждает Министерство финансов поставить на первую очередь вопрос об организации особого банкового учреждения, которое придет на помощь сельскохозяйственной России. (*Справа и в правой части центра рукоплескания и голоса:* браво.) Насколько Устав Государственного банка это позволяет, и в нем сельский хозяин находит поддержку. Государственный банк широко открывает кредиты по выдаче ссуд под хлеб в периоды хлебной кампании и из пониженного процента. Эта операция постоянно развивается. В 1912 г. затраты на нее доходили до 109 000 000 руб., в 1913 г. уже до 145 000 000 руб. Конечно, этим операциям суждено и дальше развиваться. Желая оказать посильное содействие производителю хлеба, Государственный банк пошел даже на необычное для кредитного учреждения дело: он стал строить элеваторы. Как известно, разрешено к постройке в восьми Юго-Восточных губерниях 84 зернохранилища, общей емкостью в 58 800 000 пуд. Программа, намеченная Государственным банком, будет, конечно, выполнена, но само собою разумеется, что Государственный банк не в силах осуществить всю ту сеть зернохранилищ, которая необходима для всей нашей Империи. Вопрос о постройке надлежащего количества элеваторов тянется уже несколько десятков лет и встречал на своем пути самые разнообразные препятствия. Теперь этот вопрос в среде правительства разрешен. В марте сего года Совет министров постановил образовать в составе Министерства торговли и промышленности Особый комитет в видах планомерной постройки целой сети зернохранилищ в Империи, причем элеваторы будут строиться как Государственным банком, так и Министерством торговли и промышленности в портах, Министерством путей сообщения на железных дорогах, конечно, если Государственная дума будет отпускать на дело соответственные кредиты. Вместе с тем имеется в виду привлечь общественную и частную инициативу; в особенности прави-

тельство рассчитывает на энергичную деятельность частных железных дорог, которые уже теперь в некоторых местностях приступили к постройке зернохранилищ. На Элеваторный комитет предполагается возложить разработку и принятие соответствующих мер для упорядочения нашей хлебной торговли, причем серьезное значение придается организации надлежащей хлебной инспекции. Делу подъема сельскохозяйственной культуры и упорядочению хлебной торговли при содействии правильно поставленного кредита Министерство финансов, в согласии с видами всего правительства, придает первостепенное государственное значение. Мы производим хлеб и вывозим его за границу в огромном количестве; если обратиться к цифрам, мы видим, что в среднем за 1903–1907 гг. урожай всех хлебов составлял 3½ млрд пуд.; засим этот урожай постоянно повышался и в среднем за 1908–1912 гг. составил 4 352 000 000 пуд. В 1913 г. урожай составлял свыше пяти млрд пуд., и участие России в общем мировом урожае постоянно увеличивалось; так, за 1908–1912 гг. при общем мировом урожае в 20 214 000 000 пуд. участие России составляло 20%; в 1912 г. при общем мировом урожае в 21 986 000 000 пуд. участие России составляло 20½%; в 1913 г. уже 24%. Как будто мы можем рассчитывать, что участие России в снабжении мирового рынка хлебом должно увеличиваться; между тем мы видим обратное: так, по отношению к пшенице за 1908–1912 гг. было ввезено всего в главные страны потребления 846 519 000 пуд., в т. ч. Россией 224 176 000 пуд., участие России составило 24½%. Засим в 1912 г. участие России выражается 17½%, а в 1913 г. — 17%. Итог всей экспортной деятельности России за 1903–1907 гг. составляет 610 000 000 пуд., выручено было 487 700 000 руб. Затем цифры меняются, и наибольший вывоз упадает на 1910 г. — 847 000 000 пуд., выручено 746 000 000 руб. В среднем за 1908–1912 гг. вывоз составил 675 000 000 пуд., с выручкой 630 000 000 руб., 1913 г. дает 647 800 000 пуд., с выручкой в 589 900 000 руб. Из этих данных вы видите, какое место занимает Россия в деле снабжения хлебом мирового рынка. А между тем до сих пор мы не можем стать хозяевами положения. Если мы обратимся к общим данным нашего заграничного товарообмена, то, к сожалению, мы увидим неутешительную картину: привоз к нам сильно увеличивается, а вывоз не растет. С 1910 г. вывоз составлял 1 449 000 000 руб., в 1911 г. — 1 591 000 000 руб., в 1912 г. — 1 518 000 000 руб., в 1913 г. — 1 516 000 000 руб. Привоз в 1910 г. — 1 084 000 000 руб., в 1911 г. — 1 161 000 000 руб., в 1912 г. — 1 171 000 000 руб., в 1913 г. — 1 382 000 000 руб. Баланс наш за последние три года значительно ухудшается. В 1911 г. он составлял в нашу пользу 429 000 000 руб., в 1912 г. — 347 000 000 руб., в 1913 г. — 134 000 000 руб. Значительное ухудшение за 1913 г. объясняется тем, что наша промышленность, несмотря на развитие, все-таки не поспевает за спросом, и на это обстоятельство надлежит обратить самое серьезное внимание; нам необходимо дальнейшее интенсивное развитие наших промышленных сил, дабы освободиться от иностранной зависимости. Наряду с этим надлежит поднять сельскохозяйственную культуру, чтобы увеличить достаток в стране, и преобладающее значение сельского хозяйства в России настоятельно требует более внимательного обслуживания интересов того населения, которое является главным нашим кормильцем. Этому населению мы должны оказывать самое широкое содействие всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, и, как я уже говорил, неотложной задачей Финансового ведомства является организация сельскохозяйственного кредита. Как известно, несколько лет тому назад разработан законопроект особого Сельскохозяйственного банка, но до настоящего времени он не получил движения. Министерство финансов сознает всю трудность предстоящей задачи, так как с учреждением Сельскохозяйственного банка необходимо будет координировать операции, производимые Дворянским и Крестьянским банками, а также Управлением по делам мелкого кредита; быть может, правильнее будет изъять мелкий кредит из Государственного банка и объединить все операции по кредитованию сельскохозяйственного труда в одном крупном учреждении, снабдить его достаточными средствами для широкой, планомерной постановки всего дела. Вопрос этот разрабатывается Министерством финансов. Независимо от сего Министерство финансов признает своевременным поставить на очередь вопрос о пересмотре Устава Государственного банка, в целях некоторого расширения его эмиссионного права и придания этому центральному эмиссионному учреждению большей ав-

торитетности и независимости, с привлечением в состав Совета банка общественного элемента. (*Справа и в правой части центра рукоплескания и голоса:* браво.) Вместе с этим Государственный банк должен стать ближе к населению путем развития сети его отделений. Наряду с организацией правильно поставленного и доступного кредита Финансовое ведомство, в целях подъема производительного труда, должно быть озабочено изысканием средств для улучшения путей сообщения, как железнодорожных, так шоссейных, гужевых и водных. И в этой области нам предстоит огромная созидательная работа. Что же касается специально железнодорожного строительства, то за последнее время идет усиленная полемика на ту тему, что предпочтительнее строить — казенные железные дороги или частные железные дороги. Финансовое ведомство полагает, что эта полемика совершенно напрасна. Бездорожные пространства в России так обширны, так велика потребность в рельсовых путях, что достаточно хватит работы как для правительственных построек, так и для частной инициативы. Министерство финансов полагает, что корень вопроса лежит не в том, кому строить железные дороги, казне или частным предпринимателям, а в том, что у нас до сих пор не было строго определенного плана нашей железнодорожной политики. Было время, когда строила главным образом казна, а частные общества больше выкупались в казну. Засим наступил период, когда никакие железные дороги не строились, ни казенные, ни частные. Наконец, стали обращать главное внимание на частное железнодорожное строительство и мало уделяли внимания праву казны строить новые дороги, а также праву казны выкупать при наступлении сроков частные железнодорожные предприятия. Министерство финансов ныне, по соглашению с Министерством путей сообщения и Государственным контролем, занялось разработкой плана дальнейшего железнодорожного строительства, причем руководящими началами приняты: необходимость возможно широкой постановки постройки дорог распоряжением казны; засим вполне признается частная инициатива по тем направлениям, которые не нарушают жизненных интересов казенной железнодорожной сети с известным упорядочением условий выдачи концессий, и, наконец, ставится также на очередь выкуп

частных железнодорожных обществ, согласно условиям их концессий. План этот еще не получил окончательного завершения, но для его осуществления потребуется в течение ближайших лет сумма в 2 800 000 000 руб. Вопрос о том, можно ли будет в полном объеме осуществить разрабатываемый план и каким способом придется его осуществить, будет в значительной мере подлежать компетентному рассмотрению законодательных учреждений. Кредиты, которые ассигнуются на казенное железнодорожное строительство, во всех подробностях рассматриваются Государственною думою; в каком порядке будет разрешаться частное железнодорожное строительство, будет зависеть от того, как Государственною думою будет разрешен законопроект, внесенный Министерством финансов еще в 1910 г. относительно изменения порядка направления дел о новых железных дорогах и рассмотрения вопросов, вытекающих из уставов железнодорожных обществ. Недостаточное оборудование нашего Отечества рельсовыми путями представляется общепризнанным фактом и по авторитетному указанию инженер-генерала Петрова в России ежегодно необходимо строить не менее 3000 вер[ст] железных дорог. За последние два года количество вновь разрешенных к постройке дорог превзошло эту цифру, составив в 1912 г. 5505 вер[ст] и в 1913 г. 4757 вер[ст], и в направлении дальнейшего широкого развития нашей железнодорожной сети Министерство финансов работает в настоящее время. Особым совещанием установлены примерно нижеследующие потребные в ближайшие годы затраты: расходы казны на окончание начатых постройкою линий — 175 500 000 руб., на изыскания, содержание контроля и разные мелкие работы — 64 000 000 руб., на новые постройки и работы, особые рабочие мастерские — 158 000 000 руб. и на новые железные дороги — 842 000 000 руб.; расходы частных обществ на окончание начатых постройкою линий — 300 000 000 руб. и на новые железные дороги — 1 300 000 000 руб., в общей сложности, при протяжении новых железнодорожных линий в 23 000 вер[ст], расход составит 2 840 000 000 руб. Однако осуществление широкого плана железнодорожного строительства зависит, конечно, от реальных условий и, во всяком случае, если будет одобрено предположение о более широкой постановке железнодорожного строи-

тельства; необходимо ясно дать себе отчет, что для этой цели мы должны встать на путь займов, а так как денежный рынок один, и на этом рынке приходится реализовать не только железнодорожные ценности, но и другие твердо-процентные и дивидендные бумаги, и емкость рынка не безгранична, то для проведения в жизнь широкого железнодорожного строительства мы встретим естественные препятствия. Нельзя не указать также на затруднительность найти необходимые технические силы, а также строительные материалы для широкого развития железнодорожной сети. Лица, близко стоящие к железнодорожному делу, знают, насколько трудно привлекать теперь инженеров к новым железнодорожным предприятиям. Замечается чуть ли не кризис подрядчиков. Наконец, заводы настолько завалены заказами, что они могут справляться с ними только в очень долгие сроки. Таким образом, и с технической стороны являются естественные препятствия к тому, чтобы железнодорожное строительство было поставлено сразу в очень широкие рамки. Это желательно, к этой цели мы должны стремиться, но достигнуть ее мы можем только с течением времени. Теперь, как я уже указал, на постройку казенных железных дорог ассигнуются средства по росписи, что во многих вызывает сомнение, и возникает вопрос, не следует ли эти расходы из росписи изъять. Но, с другой стороны, сохранение этих ассигнований в бюджете имеет и свои хорошие стороны, так как это побуждает к более бережливому отношению к другим расходам, в видах сохранения бюджетного равновесия, а в случае какого-либо непредвиденного падения доходов, о чем я уже упоминал, это дает возможность к тому времени вывести расходы на производительные затраты из бюджета, с отнесением их на выручку из займов. По этому поводу могут быть сделаны возражения, что для таких экстренных случаев у нас имеется свободная наличность в размере около 500 000 000 руб. Накопление этой наличности является огромной заслугой моего достойнейшего предшественника. Эта наличность является нашей большой силой, и к ее расходованию надлежит относиться с большою осмотрительностью. Мы видим, что кругом нас все вооружаются, несмотря на все призывы к сокращению вооружений, таковые не только не сокращаются, но постоянно и стихийно растут. Для изыскания средств

на покрытие новых вооружений прибегают даже к совершенно необычайным налогам. Как вам известно, в Германии в 1913 г. на сумму свыше миллиарда марок последовало единовременное обложение имуществ и повышение подоходного налога. Нет сомнения, что и нам, в деле государственной обороны, нельзя отставать от соседей, а так как изыскивать средства путем установления новых, чрезвычайных налогов представляет большое затруднение, то накопленная наличность и должна сохраняться нами для нужд обороны. По этому поводу могут, конечно, указать, что у нас далеко не достаточно удовлетворяются культурные потребности и что нельзя иметь свободную наличность, а наряду с этим не иметь школ, путей сообщения и проч. Министерством финансов сделан подсчет роста расходов на культурные потребности с 1910 г. по 1914 г. и расходов на государственную оборону. Из этого сопоставления видно, что обыкновенные и чрезвычайные расходы по ведомствам Военному и Морскому составляли с 1910 г. 619 964 000 руб., на 1914 г. предполагается ассигновать 933 088 000 руб. Увеличение составляет 373 124 000 руб., или 60,2%. На ведомства, которые преследуют культурно-производительные задачи, за исключением казенных операций, железнодорожной и винной, которые выделены в особую графу, на ведомства Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства торговли и промышленности, Министерства путей сообщения и др. ассигнования составляли в 1910 г. 398 815 000 руб., в 1914 г. — 756 984 000 руб., увеличение составляет 385 169 000 руб., т. е. 89, 8%. Конечно, можно сказать, что желательно идти гораздо дальше в ассигнованиях на культурные потребности. Но каким образом можно изыскать для этого средства? Можно ли увеличивать эти расходы за счет ассигнований на оборону? Господа члены Государственной думы, мы бессильны остановить увеличение расходов на оборону, так как мы следуем в этом отношении за нашими соседями; отставать мы не можем, иначе мы рискуем, что мы не будем достаточно сильны для отстаивания своих жизненных интересов, и не только в военное, но и в мирное время. Сильное государство всегда имеет больше шансов побудить других жить с ним в мире. Говоря о свободной наличности Государственного казначейства, я не могу не коснуться той наличности, которая на-

ходится у заграничных корреспондентов казны и по отношению к коей Министерство финансов будет, конечно, считаться с пожеланиями, которые высказывались в Государственной думе, чтобы наличность, хранимая за границей, оставалась в разумных пределах и не доходила до чрезвычайных размеров, не оправдываемых потребностями в заграничных платежах. Другой путь изыскания новых средств на удовлетворение в более широком масштабе культурных потребностей — это новые налоги. Однако, как уже было указано докладчиком Бюджетной комиссии, введение новых налогов представляет всегда большие затруднения, а наряду с этим введение новых налогов может, на первых же порах, остановить успешное поступление существующих налогов, и, наконец, повышение налогов сопровождается обыкновенно вздорожанием предметов потребления, а так как казна является крупным потребителем, то одновременно с введением новых налогов увеличиваются и многие расходы государственной казны. Таким образом, остается лишь один верный способ изыскания новых средств на удовлетворение в надлежащей степени культурных потребностей, это организация народного труда и подъем производительных сил страны главным образом путем правильно поставленного и доступного кредита и широкого развития и улучшения путей сообщения. Поступательное движение нашего экономического роста усматривается из сравнения наших доходов за ряд лет, что уже было указано докладчиком Бюджетной комиссии, который приводил среднее возрастание наших поступлений за последние годы в размере 178 900 000 руб. Обращает на себя особое внимание прирост доходов за 1913 г., именно 311 000 000 руб. Но считать его нормальным, конечно, нельзя. Как уже было сказано, из поступлений 1913 г. нужно вычесть целый ряд таких поступлений, которые впервые появились в 1913 г. и которые связаны также с увеличением некоторых налогов. Если исключить эти поступления, то получится итог доходов за 1913 г. 3 274 000 000 руб. Министерством финансов делается другой подсчет, чем сделала Бюджетная комиссия Государственной думы. Если вы сравните эту цифру с поступлением за 1908 г. в 2 418 000 000 руб., то окажется разница в 856 000 000 руб., что составит за округлением около 170 000 000 руб. среднего

нормального ежегодного возрастания. Прирост доходов в 170 000 000 руб. можно предвидеть с достаточною осторожностью. Между тем общий прирост ассигнований по росписи, без погашения займов и без расходов на ликвидацию войны, идет в такой прогрессии: в 1911 г. — 88 000 000 руб., в 1912 г. — 178 000 000 руб., в 1913 г. — 398 000 000 руб., в 1914 г. — 334 000 000 руб. Сопоставляя эти цифры, нельзя не прийти к выводу, что в видах сбалансирования бюджета без дефицита, не прибегая к дополнительным ассигнованиям из свободной наличности, которая имеет свое специальное назначение, надлежит в будущем относиться с особою осмотрительностью к повышению расходной части бюджета. Анализируя цифры росписи, Бюджетная комиссия Государственной думы приходит к тому же выводу, к которому Министерство финансов, с своей стороны, вполне присоединяется. Позвольте мне еще остановиться на цифре вкладов в кредитных учреждениях и в государственных сберегательных кассах, которые являются показателями роста народных сбережений. Если взять общий итог за десять лет, то эти вклады к концу 1904 г. составляли 2 374 000 000 руб., в 1913 г. — 5 529 000 000 руб., увеличение свыше чем на 3 000 000 000 руб. Рассматривая специально денежные вклады и, кроме того, вклады в процентных бумагах в сберегательных кассах, мы видим, что в последние годы вклады в процентных бумагах в сберегательных кассах возрастают в большей прогрессии. В 1910 г. на 7 600 000 руб., в 1911 г. на 12 800 000 руб., в 1912 г. на 18 600 000 руб., в 1913 г. на 30 300 000 руб. Прирост денежных вкладов несколько сокращается: в 1910 г. на 67 200 000 руб., в 1911 г. — 60 300 000 руб., в 1912 г. — 43 100 000 руб., в 1913 г. — 38 400 000 руб. Такое изменение прироста вкладов в сберегательных кассах несомненно находится в связи с развитием учреждений мелкого кредита. На 1 января 1904 г. учреждения мелкого кредита имели собственных средств 42 393 000 руб., на 1 января 1914 г. — 150 731 000 руб. Местные средства, вклады и частные займы составляли на 1 января 1904 г. — 56 403 000 руб., на 1 января 1914 г. — 504 387 000 руб., всего на 1 января 1904 г. — 98 796 000 руб., на 1 января 1914 г. — 655 118 000 руб. Развитию кооперативных учреждений мелкого кредита Министерство финансов придает первостепенное государственное

значение, так как этим путем в значительной степени облегчается возникновение мелкой промышленности и происходит организация народного труда. (*Голоса слева:* правильно, верно.) Конечно, прирост вкладов в сберегательных кассах хотя и составляет за десять лет более 900 000 000 руб., но он все же не велик для нашей родины. Министерство финансов будет стремиться к тому, чтобы по возможности увеличивался этот прирост, но все же общая сумма денежных вкладов и процентных бумаг на 1 апреля в сберегательных кассах составляла свыше 2 000 000 000 руб., а если к этой сумме прибавить собственные средства и местные средства кредитных товариществ, составлявшие 1 апреля 1914 г. 679 000 000 руб., то мы подходим уже к третьему миллиарду рублей. Вот, господа члены Государственной думы, в чем наша сила: в неуклонном росте народных сбережений, в упорном и мирном труде народном, в том труде, который верной дорогой ведет к благосостоянию. (*Рукоплескания справа и в правой части центра.*) И позвольте закончить сопоставлением двух цифр: у нас на 1 января 1914 г. имелось восемь с половиной тысяч сберегательных касс и 25 300 казенных винных лавок. Министерство финансов будет прилагать все усилия к тому, чтобы винные лавки закрывались, а на их месте открывались сберегательные кассы. (*Рукоплескания справа и в правой части центра; голос слева:* помогай Бог.) И вот когда пропорция окажется обратной — 25 300 сберегательных касс с таким же оживленным денежным оборотом, как в винных лавках, и восемь с половиной тысяч казенных винных лавок, то задача, нам поставленная, будет разрешена. В подъеме народного благосостояния я не сомневаюсь; в короткое время мы справились с последствиями пережитых невзгод, свыше трех млрд руб. произведено было экстраординарных расходов, связанных с тяжелой годиной, а теперь мы имеем крупные сбережения и присутствуем при подъеме промышленности, при постоянно увеличивающихся торговых оборотах и поступательном развитии сельскохозяйственного промысла. Я глубоко верю в мощь России, в неиссякаемые богатства ее природы и в исключительные дарования русского народа (*Голоса справа:* браво.) и непоколебимо убежден, что Министерство финансов в своей деятельности, направленной к подъему народного благосостояния, всегда найдет необходимую поддержку в законодательных учреждениях, и в этом убеждении я и представил свои объяснения на вашу, надеюсь, благожелательную и, уверен, беспристрастную критику, к которой буду прислушиваться с полным вниманием. (*Рукоплескания справа и в правой части центра.*)

Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия 2. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 807–826.

может распространяться на кредиты, предоставленные до его подписания. Я настаивал на этом в течение наших переговоров, и мне удалось провести до конца мою точку зрения. В результате в заем, реализуемый в сумме 100 млн ф. ст., из коих 50 млн будут выплачиваться в виде авансов, по мере нашей нужды в таковых, путем непосредственных кредитов во Франции и Англии, не входят обязательства казначейства на 12 и 30 млн ф. ст., предоставленных в Лондоне, и на 500 000 фр., предоставленных во Франции. Всего в Англии до сих пор договорено о 82 млн ф. ст. и во Франции о 1 750 000 000 фр. Подпись: Барк. Конец».

Извольский.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 7, ч. 1. С. 219–220.

17

Письмо (нота) П. Л. Барка А. Рибо

31 января (13 февраля) 1915 г.

Г. председатель.

Мы условились между собой, чтобы суммы, получаемые по мере требований в счет общей суммы в 625 млн фр., поступали в распоряжение российского правительства в виде бонов французского казначейства, которые будут передаваться на учет Французского банка по счету российского правительства.

Учет их будет производиться, и боны будут приносить процент с момента поступления их во Французский банк на счет российского правительства.

Размер процента, причитающегося с Императорского правительства, будет не больше 5% годовых.

Боны будут сроком на три месяца и могут обмениваться на новые по требованию российского правительства. Императорское Министерство финансов будет предупреждать об этом заблаговременно французское Министерство финансов.

Оно будет приблизительно указывать, как только будет иметь на то возможность, размер сумм, нужных ему на предметы, упомянутые в соглашении.

Данные, которые я в настоящее время имею, заставляют меня предполагать, что в течение ближайших трех месяцев понадобится, по меньшей мере, сумма в 300 млн фр.

20

Англо-русское финансовое соглашение

17 (30) сентября 1915 г.

Сердечные соглашения, существующие между союзными правительствами, нашли себе выражение в первом совещании, состоявшемся между тремя министрами финансов в Париже в месяце феврале. В дополнение к заключенному в то время соглашению министры финансов России и Великобритании вновь собрались на совещание для рассмотрения существующего положения и потребностей предстоящего года, причем пришли к соглашению представить своим правительствам, по принадлежности, нижеследующие предложения:

1) Для покрытия расходов русского правительства английское правительство предоставит на нижеупомянутых условиях Императорскому правительству ежемесячно в течение двенадцати месяцев с октября текущего года по сентябрь 1916 г. кредит на сумму, не превышающую в среднем в месяц 25 000 000 ф. ст. Эти кредиты будут покрыты под обеспечение годичных обязательств русского Государственного казначейства, подлежащих учету из процентов на 1% выше существующего процента Английского банка; в случае учета сумма эта открывается в дополнение к уже учтенным обязательствам русского Государственного казначейства на 25 000 000 ф. ст. от 2 августа 1915 г., но заключает в себе уже учтенную часть обя-

зательства в 30 000 000 ф. ст., выпуск которой был произведен до прибытия в Лондон русского министра финансов за счет тех кредитов, которые подлежали установлению в настоящем совещании. В отношении обязательства снабдить русское правительство кредитами на шесть месяцев с апреля по октябрь 1916 г. приведение в исполнение настоящего соглашения зависит, однако, от возможности для английского правительства располагать средствами платежа в Америке, достаточными для покрытия всех тех обязательств различных союзных правительств в Америке, покрытие которых взяло на себя английское правительство.

2) Имея в виду соглашение между английским правительством и французским, в силу которого каждое из них должно иметь наготове для вывоза в Америку сумму в 40 000 000 фунтов золотом, Императорское правительство соглашается предоставить английскому правительству для этой же цели золото, которое должно быть вывозимо постепенно в тех же суммах, в каких будет вывозиться золото за счет английского правительства и французского правительства, с тем, однако, ограничением, что к Императорскому правительству не будет предъявлено требование о высылке золота на сумму свыше 20 000 000 фунтов до 31 марта 1916 г., или большей на сумму 40 000 000 фунтов в общей сложности, и при условии, что золото будет вывозимо только в соответствии с потребностями положения, поскольку это будет признано необходимым Английским банком. Отправляемое таким образом (русским правительством) золото будет им использовано для приобретения казначейских обязательств английского правительства, не приносящих процентов, уплачиваемых в золоте и выдаваемых на сроки в три, три с половиной, четыре, четыре с половиной и пять лет в равных количествах и подлежащих хранению Императорским правительством впредь до наступления срока платежей.

3) Кредиты будут предоставляться английским правительством исключительно для целей и в пределах, предусмотренных нижеследующими статьями:

а) Для производства платежей по уже вступившим в силу до настоящего соглашения контрактам в Соединенном Королевстве, в Канаде, в Северо-Американских Соединенных Шта-

тах и, на сумму не свыше 6 000 000 ф. ст., в Японии, заключенным Императорским правительством, для его надобностей, с тем, чтобы по контрактам, заключенным непосредственно Императорским правительством, это последнее выдавало удостоверения, что соответствующие предметы требуются для его нужд; сумму, сроки платежей, предметы поставок и расчеты, по которым соответствующие суммы должны быть уплачены, доставляются английскому правительству при ближайшей возможности.

б) Для производства платежей по уже вступившим в силу контрактам в других, сверх упомянутых в пункте «а», странах, в тех особых случаях, когда русское правительство пожелает произвести уплату по этим контрактам из настоящих кредитов, — с тем условием, чтобы каждый такой контракт был сперва подвергнут рассмотрению в порядке, установленном приложением к этому соглашению, и был одобрен по совещании с соответствующим английским учреждением на предмет производства платежа за счет таких кредитов.

в) Для производства платежей по русскому государственному, муниципальному и гарантированному железнодорожному внешнему долгу во всех странах, кроме Франции.

г) Для производства платежей по новым заказам, выданным по заключении настоящего соглашения на сумму, не превышающую 4 500 000 ф. ст. в месяц, причем заказы эти должны производиться на основаниях, предусмотренных приложением к этому соглашению.

д) Императорское правительство не будет пользоваться настоящими кредитами в какой бы то ни было их части для платежей во Франции и для продажи иностранной валюты в России на рынке и будет покупать в Лондоне за счет тех же кредитов валюту Северо-Американских Соединенных Штатов не иначе как при посредничестве английского правительства и для вышеупомянутых целей.

4) Английский банк окажет свои услуги для возобновления на открытом рынке или иным путем обязательств русского Государственного казначейства на 10 000 000 ф. ст., выпущенных на лондонском рынке в феврале 1915 г.

5) Предоставляемые согласно этому соглашению суммы будут ставиться английским казначейством, по получении обязательств русского Государственного казначейства, на счет русского правительства в Английском банке и у банкиров русского правительства в Нью-Йорке в таких размерах, какие потребуются русским правительством в соответствии с условиями настоящего соглашения. Русское правительство будет осведомлять английское казначейство с возможной полнотой о своих вероятных предстоящих требованиях в Лондоне и Нью-Йорке, по принадлежности, устанавливая, однако, суммы подлежащих открытию кредитов постепенно в таких только размерах, которые потребны для покрытия ближайших платежей. Курс валюты на Нью-Йорк будет исчисляться согласно курсу, который будет признан Английским банком преобладающим в момент каждого перевода. Русское правительство будет осведомлять английское казначейство ежемесячно об общих потребностях, на которые израсходованы были кредиты в соответствии с отделом «б» и условиями, установленными в приложении к этому соглашению.

6) Для обеспечения выпуска кредитных билетов в России, в качестве временной меры, до консолидации русского внутреннего долга, английское правительство соглашается обменяться с русским равноценными обязательствами в таких размерах, в каких потребуется для Императорского правительства, на общую сумму в английской валюте не свыше 200 000 000 ф. ст. Со стороны Императорского правительства эти обязательства будут состоять из беспроцентных обязательств Государственного казначейства, со стороны английского казначейства они будут состоять из (открытых) кредитов, которые не будут подлежать расходованию. Вышеизложенное соглашение будет иметь силу не долее года по заключении мира, не позже каково-го срока означенные равноценные обязательства должны быть взаимно погашены.

Подписали:

П. Барк
Р. Мак-Кенна
Лондон, 30 сентября 1915 г.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 8, ч. 2. С. 409–410, 418–420.

21

Приложение к англо-русскому финансовому соглашению

17 (30) сентября 1915 г.

Русское и английское правительство, в видах лучшего согласования их заказов по приобретению военного снаряжения и других предметов и ради достижения в этом отношении экономии, пришли к следующему соглашению:

1) Императорское правительство признало, что в будущем все предложения относительно поставок для России, подлежащих производству либо в Великобританской империи, либо в Америке, будут рассматриваться в Лондоне.

2) Для этой цели Императорское правительство назначит в Лондоне таких экспертов, какие будут признаны необходимыми, которые вообще будут иметь полномочия подписывать от имени Императорского правительства.

3) Английское правительство предоставит в распоряжение русских представителей те сведения, какие будут у него иметься, об источниках снабжения и о ценах и окажет им всякое содействие для обеспечения производства поставок на наиболее выгодных условиях.

4) В целях извлечения наибольшей пользы из предоставленных таким образом в его распоряжение сведений, Императорское правительство установит, что ни один контракт ни в Британской империи, ни в Америке не будет заключен без ве-

дома назначенных в Лондоне представителей, осведомленных о главных условиях контракта, и что по мере возможности все такие контракты будут заключаться и подписываться теми же представителями.

5) Ни одна поставка для России, платеж за которую должен быть произведен из кредитов, предоставленных английским правительством, не будет производиться без формального одобрения компетентного представителя, назначенного Императорским правительством в Лондоне по совещании с компетентным должностным лицом, назначенным английским правительством.

6) Поставки предметов военного снаряжения будут производиться назначенными в установленном порядке представителями русского правительства, действующими по совещании с компетентными должностными лицами британского правительства. Такое совещание будет осуществляться при посредничестве комитета, уже учрежденного лордом Китченером при Военном министерстве.

7) Поставки всех других материалов будут производиться в таком порядке представителями русского правительства, назначенными в состав “Commission international de ravitaillement” (Международной комиссии по снабжению *(фр.). — С. К.*) и действующими по совещании с представителями в этой комиссии от различных учреждений британского правительства.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 8, ч. 2. С. 420–421.

22

Телеграмма А. К. Бенкендорфа С. Д. Сазонову

18 сентября (1 октября) 1915 г.

Министр финансов просит сообщить председателю Совета министров и А. И. Николаенко: «После трудных и настойчивых переговоров подписано соглашение, текст коего следует. Главные основания следующие: 1) Необходимые нам кредиты, намеченные Комитетом финансов, не только не сокращены, но увеличены на один миллиард рублей для обеспечения выпуска кредитных билетов. 2) Высылка золота обусловлена не в соответствии с кредитами, а в виде неопределенной операции и для надобности американского рынка, причем золото посылается в Америку по мере действительной надобности в равных частях с Францией и Англией. 3) В отличие от соглашения с Францией русское золото дается только на время. Оно покупается от нас Англией в обмен на ее обязательства, которые подлежат оплате золотом в течение 5-ти лет независимо от того, будут ли к тому времени погашены наши долги или нет. Таким образом, высылка золота не сокращает нашего обеспечения кредитных билетов в золоте, так как оно заменяется английскими обязательствами, подлежащими оплате золотом. 4) Потребности торговли и промышленности в валюте могут быть удовлетворены согласно существующему современному порядку, если таковые находятся в связи с американскими

нуждами и подтверждены соответствующими удостоверениями Военного ведомства. 5) Для упорядочения в будущем американских заказов, насколько таковые оплачиваются за счет английских кредитов, новые заказы имеют быть передаваемы в Америку при непременном предварительном осведомлении представителей русского Военного министерства в Англии, о чем телеграфирую военному министру. Прохождение военных заказов предположено по соглашению с русским генералом Гермониусом, который пользуется здесь полным доверием и авторитетом. 6) Английский банк взял на себя возобновить выпущенные в феврале с. г. на лондонском рынке обязательства Государственного казначейства, срок коих истекает в феврале будущего года. Независимо от соглашения с Министерством финансов намечается особое соглашение с Английским банком для облегчения коммерческих трассировок наших частных банков в видах получения валюты и возможности регулировки курса, о чем буду телеграфировать отдельно по выяснении главных оснований намечаемой операции. Благоволите телеграфировать постановление Комитета финансов в Париж, куда выезжаю завтра, в субботу утром, для переговоров с Рибо относительно кредитов, необходимых во Франции».

Бенкендорф.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 8, ч. 2. С. 407–408.

порядку, если таковые находятся в связи с военными нуждами и подтверждены соответствующими удостоверениями военного ведомства; 5) для упорядочения в будущем американских заказов, насколько таковые оплачиваются за счет английских кредитов, новые заказы имеют быть передаваемы в Америку при непременном предварительном осведомлении представителей русского Военного министерства в Англии; 6) Английский банк берет на себя возобновить выпущенные в феврале сего года на лондонском рынке обязательства Государственного казначейства, срок коих истекает в феврале будущего года.

По отношению к высылке золота надлежит отметить, что таковая была обусловлена необходимостью располагать достаточными средствами для давления на американский рынок в видах заключения там крупной финансовой операции. По этому предмету состоялось соглашение в Булони между французским и английским министрами финансов, к коему, по постановлению Комитета финансов, примкнуло и русское правительство. По сравнению, однако, с обязательствами французского и английского министров финансов русскому министру финансов удалось выговорить следующие особые условия: 1) равноценная сумма золота (40 млн ф. ст.) высылается Россией только при обеспечении всех необходимых в течение предстоящих 12 месяцев заграничных кредитов; 2) золото высылается в виде временной ссуды, в обмен на обязательства английского правительства, подлежащие постепенному, в течение 5 лет, погашению с уплатою по ним золотом.

Высылка золота на приведенных условиях не может почитаться сколько-нибудь угрожающей прочности нашего денежного обращения. При прекращении размена тот или другой размер золотых запасов в натуре в кладовых Государственного банка не имеет ныне существенного значения. Когда же, с наступлением после войны нормального течения хозяйственной жизни государства, окажется возможным рассчитывать на возобновление размена кредитных билетов на золото, — уступленная Государственным банком в качестве временной ссуды сумма золота опять вернется в его распоряжение, так как не позднее пятилетнего срока английское правительство обязалось оплатить золотом все выданные им при получении ссуды обязательства.

При начертании той статьи соглашения, которая предусматривает открытие в Англии кредита в 200 млн ф. ст. для обеспечения выпуска наших кредитных билетов, со стороны управляющего Английским банком сделано было заявление, что выдаваемые в связи с этой операцией обязательства нашего Государственного казначейства должны приносить обычный процент. Однако путем настойчивого убеждения русскому министру финансов удалось обусловить выпуск означенных обязательств без процентов. Благодаря этому русская казна избавилась от дополнительного расхода в сумме свыше 100 млн руб. ежегодно впредь до погашения соответствующих обязательств.

В особом приложении намечен порядок предварительного рассмотрения заказов, вызываемых военными нуждами и передаваемых в Америку; порядок этот предположен по соглашению с представителями наших Военного и Морского министерств, находящимися в Англии и знакомыми также с американскими условиями. Вопрос о планомерном производстве союзниками заказов в Америке был уже предметом обсуждения во время первой конференции трех министров финансов в Париже в январе месяце 1915 г. Он был поднят Ллойд Джорджем, который указывал на то, что несогласованное выступление союзников на американском рынке в качестве покупателей военного снаряжения и снабжения ведет в лучшем случае к чрезвычайному повышению цен вследствие конкуренции разрозненных покупателей, зачастую же приводит к непроизводительной уплате крупных авансов фирмам, совершенно не оборудованным или недостаточно оборудованным, которые не в состоянии сдать заказанные предметы. Тогда же Ллойд Джордж предложил сосредоточить все заказы союзников в руках американской финансовой фирмы Моргана, с коей английское правительство уже заключило соответственное соглашение. Предложение Ллойд Джорджа было одобрено и получило выражение в следующем постановлении:

«Три названных министра признали желательным в интересах общего дела союзников централизовать поставки, заказы и платежи Соединенным Штатам, относящиеся к предметам военного снабжения. Соответствующая организация

ют нижеследующие изменения: 1) кредиты, необходимые для производства заграничных платежей, намеченные в 3 млрд руб. (300 млн ф. ст.), увеличены на 562½ млн руб. (1,5 млрд фр.), составляющих предмет особого соглашения с французским министром финансов Рибо; 2) кредит, необходимый для увеличения заграничной наличности, обеспечивающей выпуск кредитных билетов, увеличен вдвое, с 1 млрд до 2 млрд руб.; 3) ныне же обеспечено возобновление обязательств Государственного казначейства на 100 млн руб. (10 млн ф. ст.), помещенных на свободном рынке, срок коим наступает 20 февраля н. ст. 1916 г.; 4) заключено особое соглашение с Английским банком для учета векселей русских банков на английские кредитные учреждения, в целях поддержания устойчивости курса рубля на иностранную валюту, и 5) подготовлена почва для заключения подобного же соглашения с Banque de France в Париже.

Министр финансов Петр Барк.

Финансовые совещания союзников во время войны (Доклады министра финансов П. Л. Барка) / публ. Б. А. Романова // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 63–69.

26

Протокол заседания Совета министров
26 декабря 1915 г.

Барк. — Летом Государственная дума высказала пожелание, чтобы Министерство финансов выработало финансовый план. Во исполнение этого и составлена настоящая записка, заключающая в себе только перечень мероприятий. Позвольте теперь перейти к предположениям о предстоящих расходах. Если война дойдет до 10 миллионов, то платежи по займам составят 1½ миллиарда. Расход на пенсии. Расходы, связанные с ликвидацией (возмещение убытков), и прямые расходы по ликвидации. Это составит 200 плюс 66 миллионов.

Трепов. — Этих цифр совершенно не входит (sic!). Тут надо будет искать совершенно новых способов.

Наумов. — Если принять во внимание убытки 22 губерний и нужды сельского хозяйства, то эти убытки можно будет излечить только путем банковского специального кредита.

Барк. — Для восстановления частных хозяйств мы не можем ассигновать средства из казначейства.

Наумов. — Я думаю уже теперь о восстановлении строений в губерниях, освобождаемых от врагов.

Барк. — Мы должны вступить в ряд дефицитных годов, приблизительно по миллиарду в год. Надо выяснить дальнейшую финансовую политику. Если Россия бедна — то надо вся-

чески вводить экономию и дефицит свести на нет. Есть другая политика. Если Россия — страна богатая, то надо всячески поднять народное благосостояние и не бояться производительных затрат. Если пойти по первому пути, то надо вводить налоги и отказаться от частного железнодорожного строительства и т. д. Путем налогов мы все равно свести бюджет в состоянии не будем. Финансовый план должен быть дополнен планом экономическим. Я очень осторожно отношусь к вопросу о монополиях. Прежде всего — [при монополии] из данной отрасли устраняется всякая частная инициатива, которая так важна вообще. Я очень сочувствую монополии рафинадного дела. Но тогда надо затратить большой капитал, чтобы купить все заводы, и в будущем частный капитал уже не пойдет, приток капитала будет приостановлен. Теперь доход от сахара 280 миллионов. Если бы удвоить потребление сахара, то сейчас явятся 200 миллионов. Далее лесное хозяйство. Теперь рисуются перспективы добычи золота на Памире. Вообще наша родина после войны должна войти в полное экономическое обновление. О монополиях: чайная монополия в лучшем случае даст 20–25 миллионов, а если мы на кирпичный чай увеличим, то и еще меньше.

Трепов. — Я из монополий выделил бы только монополию нефтяную. Там и сейчас фактически дело монополизировано в руках синдиката.

Барк. — Остановимся на табачной монополии. Для меня важна фискальная сторона. И при акцизе мы можем получать громадный доход, не ломая системы. Но есть отрасли совершенно синдикатированные. Там надо регулировать цены и ввести монополии торговли. Прежде всего, спички. То же самое и сахар-рафинад. К табаку и тем более нефти подступить еще более сложно. Теперь важно установить прохождение этого дела. Дума будет требовать у меня совещания с представителями законодательных учреждений, промышленности и науки.

Шаховской. — Единственно правильным путем явится развитие производительных сил, но это все зависит от будущих торговых договоров. Ни лесное дело, ни химическая промышленность не могли у нас развиваться из-за конвенционных пошлин. О монополиях. Установить нефтяную монополию трудно. Борьба в ценах должна быть путем конкуренции.

Барк. — Вопрос о страховой монополии. Пришлось бы много затратить на выкуп предприятий. Можно лишь взять в свои руки перестрахование, которое идет за границу.

Трепов. — Всякое обсуждение будущих договоров должно идти в тайне, так как это может быть сочтено за утомление от войны. Я этого касаюсь только вскользь. Что касается нашего будущего финансового положения, то я примыкаю ко второй части суждений министра финансов. Для России после войны должно наступить экономическое возрождение. Если наша основная задача — искать пути к развитию страны, то всякий налог хорош, но только не тот, который не может улечься в будущую систему. Я говорю про подоходный налог, который способен подорвать прилив иностранных капиталов к нам.

Наумов. — Я бы приветствовал скорейший приступ к образованию совещания. Мы пойдем навстречу общественному мнению. Я лишь приветствую то, что здесь слышал.

Трепов. — Как мы должны относиться к использованию производительных сил страны с финансовой точки зрения? Надо ли нам готовиться по такой экономической программе?

Шаховской. — С моей точки зрения, без обширного плана развития путей сообщения ничего нельзя сделать. Другого пути нет.

Барк. — Улучшение путей сообщения и постройка новых совершенно необходимы. Я собираюсь реализовать известный железнодорожный заем.

Наумов. — Нам надо установить программу на длительный срок и для этого надо образовать комиссию

РГИА. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 11. Д. 258. Л. 125–126.

28

Всеподданнейший доклад П. Л. Барка «О переговорах министра финансов в Париже и Лондоне в июне и июле 1916 г.»[1]

По инициативе французского министра финансов Рибо должна была состояться в конце мая [1916 г.] в Париже конференция четырех министров финансов союзных держав: Великобритании, Италии, Франции и России, для обсуждения главным образом вопроса о способах расплат по заказам, помещаемым союзниками в нейтральных странах, и в частности в Америке. Время созыва конференции несколько раз изменялось и было, наконец, назначено на середину июня. При проезде моем через Лондон выяснилось, однако, что политические обстоятельства несколько задерживают выезд из Англии канцлера казначейства, который вместо 16/29 июня полагал прибыть в Париж 20 июня (3 июля). Не желая терять даром времени, я решил воспользоваться несколькими днями в Париже, чтобы договориться с министром финансов Рибо относительно возобновления наших военных кредитов во Франции после 1 октября н. ст. 1916 г., и по приезде в Париж немедленно приступил к обмену мнений с ним по этому предмету. При этом, имея в виду потребности нашего торгового оборота с Францией, а равно потребности русских торгово-промышленных и банковых предприятий, поместивших свои акции и облигации во Франции, в необходимых средствах по оплате обязательств во Франции, я поднял вопрос об увеличении ежемесячного кредита с 125 до 150 млн фр. По докладу сего дела в Совете министров, г. Рибо мне ответил, что французское правительство готово войти в обсуждение вопроса об увеличении кредитов на надобности, связанные с торгово-промышленным оборотом, с тем, чтобы половина всей задолженности Императорского правительства, которая окажется ко времени заключения мира, была оплачена русскими товарами (хлебом, лесом, спиртом), которые имеют быть закуплены русским правительством как во время войны, так и по заключении мира и доставлены французскому правительству.

Эти условия были отвергнуты мною в самой категорической форме как в переговорах с г. Рибо, так и в беседе с президентом Французской республики, которые оба пытались меня убедить в полной приемлемости для нас сделанного предложения, поясняя, что это чрезвычайно удобный способ взаимных расчетов, и ссылаясь на то, что в прежних соглашениях о наших военных кредитах было предусмотрено, что оба правительства обязуются производить платежи в своей стране одно за счет другого, с тем, чтобы эти платежи за сим компенсировались по курсу дня взаимного расчета.

Мои возражения сводились к следующим основным положениям:

1. Императорское правительство пользовалось заграничным кредитом исключительно под гарантию своей подписи, всегда выполняло свои обязательства и никогда не давало никаких дополнительных гарантий; приобретение же товаров впрок и хранение их впредь до высылки во Францию, на предмет оплаты половины задолженности, явится дополнительной гарантией по открываемым кредитам, на каковое условие Императорское правительство согласиться не может.

2. Вывоз товаров для продажи их на заграничных рынках явится для нас по окончании войны единственным нормальным средством для восстановления курса нашего рубля.

[1] Сделанная синим карандашом резолюция Николая II: «Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость». Ниже — рукой П.Л Барка: «Собственною Его Императорского Величества рукою начертано: "Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость". В Царской Ставке, 6 августа 1916 года. П. Барк».

Хлеб, лес, спирт и другие товары являются для нас равноценными золоту, так как за них нам будут платить золотой валютой; если же мы теперь возьмем на себя обязательство поставлять по заключении мира огромное количество товаров не за наличный расчет, а в уплату по нашей задолженности, то мы на много лет лишаем себя всякой возможности восстановить нормальную стоимость нашей денежной единицы и наносим непоправимый ущерб нашему денежному обращению.

3. Предшествовавшие соглашения о военных кредитах, действительно, предусматривали взаимные платежи союзных правительств, но только на время войны, а не по заключении мира, причем совершенно не имелось в виду заготовлять запасы товаров впрок. Во исполнение этих соглашений Императорское правительство поставляет французскому правительству хлеб и спирт и теперь взяло на себя продолжение некоторых поставок во время настоящей навигации. Что же касается до консолидации наших краткосрочных кредитов во Франции, то всегда предусматривалось, что такая консолидация должна последовать путем долгосрочного займа, о чем специально упомянуто как в первом соглашении трех министров финансов 23 января (5 февраля) 1915 г., так и во втором соглашении двух министров финансов 21 сентября (4 октября) 1915 г.

Твердая определенность моих заявлений побудила Совет министров Французской республики отказаться от выставленных условий ликвидации нашей задолженности, причем г. Рибо мне пояснил, что хотя предположенное мною увеличение кредитов, несомненно, имеет в виду интересы также французских граждан, как это было мною указано, но что, ввиду исключительных обстоятельств военного времени и связанного с ним тяжелого положения французского казначейства, частные интересы должны быть принесены в жертву общегосударственным потребностям, и посему он не считает себя обязанным приходить на помощь частным лицам и учреждениям. Не вдаваясь в дальнейшую полемику, я тем не менее не мог скрыть от г. Рибо, что такая точка зрения, высказываемая им немедленно вслед за экономической конференцией, где была провозглашена общность экономических интересов союзников и желательность немедленного установления тесных торговых отношений, является не вполне логичной. Со своей стороны, г. Рибо

выступил с предложением реализовать на свободном рынке трехлетние обязательства русского Государственного казначейства. Побудительные причины такого предложения были следующие:

1. Г. Рибо не решался приступить к крупной французской кредитной операции на свободном рынке, не будучи уверен в ее успехе, между тем возможный неуспех русской операции его не особенно заботил. 2. Banque de France неоднократно настаивал перед г. Рибо на известной ликвидации задолженности французского казначейства перед банком, поступления же по русским bons de Tresor, которые, по мысли г. Рибо, должны были идти полностью на погашение наших позаимствований у французской казны, облегчили бы положение Banque de France; 3) наконец, взносы по русским bons de Tresor являлись бы способом извлечения французских банкнот из обращения, усиленные выпуски коих тревожат г. Рибо.

С точки зрения наших интересов, краткосрочный заем на свободном рынке в настоящее время представлялся невыгодным; мы могли бы поместить наши bons de Tresor из действительного процента не ниже 6½%, а может быть и дороже, тогда как позаимствования у французской казны обходятся нам, при учете, около 5¼%; консолидация предлагалась на очень короткий, трехгодичный, срок и по его истечении требовала бы дальнейших забот о новой кредитной операции. Поэтому предложение г. Рибо могло представить для нас известный интерес только при двух условиях, а именно: 1) если бы сумма займа была достаточно велика для образования из выручки известного остатка, который был бы в нашем свободном распоряжении, 2) если бы срок займа был удлинен. Ввиду сего я изъявил согласие на выпуск bons de Tresor сроком не короче 5 лет на сумму 2 млрд фр., с тем, чтобы 1600 млн фр. были предназначены на погашение нашей задолженности и 400 млн были предоставлены в наше свободное распоряжение. Из дальнейших переговоров с г. Рибо и бесед с разными финансовыми деятелями выяснилось, однако, что мысль о реализации на свободном рынке русского займа была внушена г. Рибо частными банками, которые рассчитывали заработать на этой операции, но что в среде правительства, в палате, а также в Banque de France господствует убеждение, что на свободном рынке, прежде

всего, должен быть реализован национальный, французский заем, в особенности ввиду успешных военных событий, всякие же кредитные операции на французском рынке союзников могут лишь следовать за выпуском национального займа. Ввиду такого настроения можно было вперед сказать, что переговоры о русском займе не могут принять конкретной формы, и хотя таковые и продолжались между г. Рибо и мною, но г. Рибо ни разу не совещался по этому предмету с банковыми кругами, и вопрос остался в области обмена мыслей. Результаты переговоров двух министров финансов изложены в препровожденной при письме г. Рибо от 8 июля н. ст. 1916 г. ноте, заключающей в себе суждения французского Совета министров о кредитах, открываемых нам во Франции. В этой ноте имеются указания, что французское правительство не встречает препятствий к тому, чтобы ежемесячные кредиты, определенные ныне в 125 млн фр. и далеко нами не использованные, были повышены, если бы г. Тома, заведующий всем делом снабжения, признал возможным увеличить количество предметов, изготовляемых во Франции для нужд русской армии.

Во время переговоров с г. Рибо выяснилось, что конференция четырех министров финансов не может состояться в Париже вследствие кабинетного кризиса в Англии, вызванного осложнениями в Ирландии и лишающего канцлера казначейства возможности покинуть Лондон. Ввиду сего министры финансов получили приглашение собраться в Лондоне, где, наконец, и состоялась конференция, в составе министров финансов Англии, Италии, Франции и России и при участии генерала Беляева и г. Тома. Конференция продолжалась всего два дня и не привела ни к каким определенным результатам. Главная забота г. Рибо заключалась в возможности для союзников обеспечить платежи в Америке по огромным заказам и поставкам, и его мысль сводилась к необходимости создать общую организацию для планомерного объединения всего дела производства заказов, закупок и расчетов. Выработанный по этому плану проект г. Тома был, однако, категорически отвергнут великобританским правительством, несмотря на то, что в первом заседании канцлер казначейства не представил принципиальных возражений против основной мысли г. Рибо. Конференция закончилась, как многие конференции, обменом

любезностей и кратким протоколом, в коем изложено скромное постановление об образовании в Лондоне особой комиссии из представителей четырех союзных держав для взаимного осведомления о наиболее крупных заказах и покупках в нейтральных странах.

По окончании работ конференции наступило самое тяжелое для министра финансов и генерала Беляева время сложных и длительных переговоров с канцлером казначейства об обеспечении надлежащих заграничных кредитов для нужд нашей армии. В среде великобританского правительства в этом деле определились совершенно отчетливо два противоположных течения. Военное министерство, во главе с Ллойд Джорджем, и Министерство снабжений, созданное также Ллойд Джорджем и сохранившее все его методы и приемы, с полною искренностью и убежденностью стояли на том, чтобы удовлетворить в возможно широких размерах наши военные потребности; канцлер же казначейства Мак-Кенна, примыкая на словах к взгляду о необходимости полного военного снабжения союзников, и прежде всего России, не считаясь с финансовыми жертвами, на деле прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы поставить преграды нашим военным расходам за границей, опираясь, между прочим, на поддержку лорда Керзона, заведующего торговым мореплаванием. По настоянию представителей Императорского правительства, в протокол финансового соглашения включено суждение о том, что для обеспечения окончательной победы над врагом признано необходимым обеспечить все потребности русской армии и поднять ее снабжение до надлежащего уровня.

Открывая заседание конференции четырех министров финансов, Мак-Кенна пояснил, что общая задача всех союзников состоит в том, чтобы предоставить все имеющиеся у них средства на нужды войны, но прибавил, что приходится считаться с естественными пределами в деле военного снабжения, а именно:

1) с емкостью американского промышленного рынка, 2) с находящимися в распоряжении союзников средствами перевозки, главным образом с тоннажем судов, 3) с фактическою возможностью для англичан находить способы расплаты в Америке за покупки и заказы союзников. При этом Мак-

Кенна указал, что ввиду предстоящих президентских выборов в Америке нет возможности рассчитывать там на совершение крупной кредитной операции в ближайшее время и посему до конца года остается расплачиваться только теми средствами, которые ныне находятся в распоряжении Англии, а это обстоятельство, в свою очередь, побуждает его ограничивать принимаемые на английское казначейство денежные обязательства за счет союзников непродолжительным сроком, не выходящим за пределы 1 января 1917 г.

Вместе с тем, по его мнению, все военные заказы должны быть выдаваемы с таким расчетом, чтобы поставка их в действующие армии могла быть закончена до 1 июля 1917 г. В дальнейших переговорах с министром финансов и генералом Беляевым Мак-Кенна пытался доказать, что приемная способность наших портов и провозоспособность наших путей сообщений не обеспечивают доставки всего количества грузов, подлежащих заказу в счет новых кредитов, засим приводил цифры тоннажа, остающегося в распоряжении английского правительства, далеко недостаточного для перевозки предстоящих заказов и покупок, перечислял цифры, свидетельствовавшие о загруженности американского промышленного рынка, неспособного справиться с новыми крупными заказами, и, наконец, указывал на недостаточность платежных средств, коими английское казначейство может располагать в Америке (по словам канцлера казначейства, английское правительство могло бы располагать свободными судами вместимостью не более 500 000 т., между тем исчисленные Министерством снабжения русские военные заказы на 78½ млн ф. ст. превышают 1 млн т. До войны заказы на сталь в Америке составляли 4 млн т., ныне таковые составляют уже 9 млн т. За счет всех союзников английскому казначейству приходится уплачивать в Америке не менее 200 млн долларов в месяц, что составит по этому расчету свыше 1 млрд долларов до 1 января 1917 г.). Канцлер казначейства все свои рассуждения приурочивал к американскому рынку, поясняя, что даже при исполнении заказов в самой Англии казначейство оплачивает в пределах страны только стоимость рабочего труда, что же касается сырых продуктов, материалов и предметов продовольствия, то все эти товары являются

привозными, и казначейство должно за них расплачиваться главным образом в Америке.

Министр финансов и генерал Беляев поставили себе следующие задачи при ведении переговоров с канцлером казначейства: а) в области военной: 1) опровержение данных о затруднительности своевременной перевозки предстоящих военных заказов и покупок, 2) обеспечение достаточных кредитов для производства необходимых планомерных заказов, 3) получение права немедленной передачи крупных заказов, а не распределения их по месяцам в соответствии с ассигнуемыми кредитами, 4) передача заказов с таким расчетом, чтобы поставка была обеспечена по срок 1 июля 1917 г., но не в действующей армии, а в месте производства заказа, т. е. главным образом в Америке, и с тем, чтобы в особых случаях допускались исключения в смысле превышения этого срока по взаимному согласию обоих правительств, 5) поставка тяжелой артиллерии из английских запасов сверх ассигнуемых кредитов; б) в области финансовой: 1) побуждение английского казначейства уделить часть кредитов на поддержание курса рубля, 2) облегчение формальностей при платежах за покупки и заказы ниже 5000 ф. ст., 3) возобновление на новый срок, по окончании войны, срочных обязательств Государственного казначейства, 4) указание на необходимость по окончании войны консолидации краткосрочных обязательств Государственного казначейства, 5) установление надлежащего процента, платимого по этим обязательствам.

Обстановка, в коей происходили переговоры, была чрезвычайно неблагоприятна. Великобританское правительство было занято улажением ирландского кризиса, и канцлер казначейства должен был делить время между нашими совещаниями, срочными заседаниями кабинета и парламентом, где на его долю выпадало защищать финансовый билль о некоторых новых налогах, а равно представление о новых военных кредитах, причем выступления его в палате встречались недружелюбно ввиду недоразумений, возникших вследствие его не вполне понятных объяснений о размерах предстоявших расходов. Со своей стороны, премьер Асквит должен был защищаться от нападок прежних членов правительства как по ирландским делам, так и по неудачным военным экспеди-

циям в Дарданеллах и в Месопотамии, по коим палата требовала особого расследования и привлечения виновных к ответственности. Ввиду этих обстоятельств наши заседания не могли происходить беспрерывно, отменялись, задерживались, нервное настроение членов английского правительства сказывалось на ведении переговоров, — решенные уже вопросы подвергались новому пересмотру, изложение принятых решений запаздывало и т. п. Тем не менее твердая, но вместе с тем спокойная настойчивость, которую представители Императорского правительства стремились проявить, по-видимому, заставила англичан пойти на огромные уступки против первоначально намеченного ими плана, и соглашение было достигнуто по всем важным вопросам, кроме одного, а именно поставленного англичанами условия о новой высылке золота, притом в удвоенном против прежнего соглашения размере. Генералу Беляеву, благодаря имевшимся в его распоряжении данным, легко было опровергнуть доводы канцлера казначейства о недостаточной будто бы приемной способности наших портов, недостаточной провозоспособности наших путей сообщения, а также недостатке в тоннаже судов. Представленные по сему предмету цифровые сведения побудили канцлера казначейства в дальнейших прениях к этому вопросу более не возвращаться. Гораздо труднее было добиться удлинения сроков кредитов, с соответственным их увеличением, и назначения срока поставок 1 июля 1917 г. не в действующей армии, а в месте исполнения заказов, — таковое условие давало возможность использовать всю будущую навигацию 1917 г. Помимо настойчивых объяснений, при переговорах с канцлером казначейства пришлось оказывать давление иным путем — через других членов кабинета, через посредство нашего посла, который был в постоянных сношениях с Министерством иностранных дел и с премьером, а также путем частных бесед с влиятельными деятелями в Военном министерстве и Министерстве снабжения.

После длительных переговоров и настояний удалось, наконец, добиться этих уступок, равно как и обусловить, что заказы имеют быть выдаваемы на крупные суммы немедленно по заключении соглашения и вне зависимости от размеров месячных кредитов в 25 млн ф. ст., а именно в течение августа и сентября 1916 г. могут быть помещены заказы на семьдесят пять миллионов ф. ст. и в течение октября и ноября 1916 г. по 37½ млн ф. ст. в месяц. Общие кредиты были определены в 150 млн ф. ст. на полгода, считая с 1 октября 1916 г. по 1 апреля 1917 г. Кроме того, было выговорено, что тяжелая артиллерия, которая может быть поставлена Министерством снабжений, должна быть оплачена особо, без отнесения ее стоимости на кредиты в 150 млн ф. ст.

В области чисто финансовой в числе вопросов, по коим было достигнуто соглашение, наибольшие затруднения представил вопрос об ассигновании особых кредитов для поддержания курса рубля на рынке. Основная точка зрения как Рибо, так и Мак-Кенна заключалась в том, что кредиты, открываемые их правительствами, могут быть предназначены только на удовлетворение нужд, связанных с военною обороною, а также на платежи по нашим заграничным займам, все же остальные международные расчеты должны производиться вне правительственных кредитов, и если требуются суммы для поддержания курса рубля, то таковые должны быть получаемы путем особого соглашения между эмиссионными банками. Необходимо было заставить канцлера казначейства отказаться от этой принципиальной точки зрения, которая вполне разделялась также управляющим Bank of England лордом Cunliffe'ом и находила в нем убежденного защитника. По этому предмету пришлось вести очень тяжелые переговоры с канцлером казначейства и продолжительные беседы с лордом Cunliffe'ом и отдельными членами кабинета. В результате удалось добиться согласия канцлера казначейства на ассигнование ежемесячного кредита в 1½ млн ф. ст., предназначенного специально на поддержание курса рубля. Это условие явилось огромною принципиальною уступкою со стороны канцлера казначейства и имеет очень большое значение для устойчивости нашего денежного обращения. Кредиты, коими Министерство финансов располагало путем особых соглашений с Banque de France и Bank of England, открывались с большими запозданиями и были недостаточными для того, чтобы сосредоточить с успехом все валютное дело в руках Министерства финансов, и только содействие английского казначейства могло бы облегчить весьма тяжелую и сложную задачу Мини-

стерства финансов по поддержанию в пределах возможности устойчивости нашего рубля на время военных действий, когда естественный регулятор нашего курса — экспорт наших товаров в нормальных размерах — отсутствует. Кроме того, удалось повысить совершенно свободный кредит, находящийся в нашем распоряжении на покупку различных товаров, с 2 млн ф. ст. до 2½ млн ф. ст. в месяц, что, в свою очередь, должно несколько облегчить производство курсовых операций. Уступки по другим вопросам, имеющим также серьезное, но все же второстепенное значение по сравнению с курсовым делом, были достигнуты гораздо легче. Ныне обусловлено, что платежи по заказам и поставкам менее 5000 ф. ст. могут быть производимы без предварительного сношения с казначейством. Засим указано, что все обязательства Государственного казначейства, коим наступает срок платежа, возобновляются на новый срок, на один год после заключения мира, причем оговорено, что наш краткосрочный долг имеет быть консолидирован путем займа на английском рынке при содействии великобританского правительства. Эту оговорку я признавал весьма важным включить ныне же для предупреждения каких бы то ни было попыток со стороны великобританского правительства предъявлять нам в будущем особые условия для погашения нашей задолженности, путем ли поставки товаров, по примеру французов, зачета причитающегося с них золота и т.п.

Наконец, представлялось весьма существенным договориться о разумном размере процента, уплачиваемого нами по учитываемым обязательствам Государственного казначейства. В прежнем соглашении размер был определен на один процент выше дисконта Bank of England, что является нормальным условием банковых кредитов. Министерство финансов было, однако, заинтересовано в некотором изменении этого условия на случай повышения учетной ставки Bank of England, что именно произошло во время наших переговоров, когда ставка Bank of England была повышена с 5% до 6%. По прежнему соглашению автоматически повышался и процент по нашим обязательствам, который, таким образом, должен был составить 7%. Этот размер был признан мною несоответственным, и посему, после некоторых настояний и вопреки мнению лорда Cunliffe'а, канцлер казначейства согласился на то, чтобы

Министерство финансов уплачивало проценты в размере ставки Bank of England, если бы таковая была повышена сверх 5%. Таким образом, процент, платимый нами теперь по нашей задолженности, не повышен и составляет по-прежнему 6%, несмотря на изменившееся положение денежного рынка.

Неустраненным разногласием при переговорах осталось предъявленное канцлером казначейства условие о новой высылке золота в размере, удвоенном против соглашения 1 октября 1915 г., когда при кредите в 300 млн ф. ст. Министерство финансов приняло на себя обязательство выслать 40 млн ф. ст. золотом, ныне же канцлер казначейства изъявил согласие на открытие кредита в 150 млн ф. ст. при высылке золотом в 40 млн ф. ст. или же предложил другой вариант — высылку золота в 20 млн ф. ст. при кредите в 75 млн ф. ст. Мною были приведены очень пространные объяснения, почему высылка золота является для нас неприемлемой, и подробно были развиты отдельные положения, с указанием, каким образом образовался наш золотой запас, какова разница условий, в коих находятся Россия, Англия и Франция, и каковы могут быть последствия передвижения желтого металла из наших пределов. Высылка золота, в особенности в повышенном размере, представлялась мне в данном случае тем менее приемлемой, что великобританское правительство при исполнении финансового соглашения 1 октября 1915 г. поступило некорректно в деле высылки золота. Министр финансов обязался выслать 40 млн ф. ст. при условии высылки золота в равных частях Францией и Англией, которые заключили особое по сему предмету соглашение в Булони 22 августа 1915 г., и в счет этих 40 млн ф. ст. Императорское правительство по просьбе англичан выслало уже 20 млн ф. ст.; между тем в разговоре с г. Рибо в Париже выяснилось, что Франция ни одного соверена в счет 40 млн ф. ст., обусловленных соглашением в Булони, не выслала, основываясь на толковании, что эта высылка предназначалась для подготовки американского рынка к англо-французскому займу, по реализации же этого займа надобность в высылке золота отпала. Заявление г. Рибо было мне подтверждено канцлером казначейства в Лондоне. Об этом инциденте мною официально было доведено до сведения нашего посла в Лондоне, с пояснением, что Императорское правительство должно считать себя

свободным от дальнейшей высылки золота по соглашению 1 октября 1915 г., пока французское правительство не выполнит обязательств, установленных в Булони 22 августа 1915 г. Вопрос этот оставался не исчерпанным до нашего отъезда, и только в Христиании я получил через английскую и нашу миссию депешу от виконта Грея с извещением, что г. Рибо уведомил канцлера казначейства о принятии им всех мер воздействия на управляющего Banque de France в целях побуждения Banque de France выслать 40 млн ф. ст. золотом в Америку.

Нервная настойчивость, с коей англичане добиваются дальнейшей высылки золота, свидетельствует об их искреннем убеждении, что только благодаря усиленному снабжению желтым металлом американского рынка Англия в состоянии поддерживать в этой стране свой кредит, столь необходимый для производства расплат по закупкам и заказам всех союзников на американском рынке. Я указывал канцлеру казначейства на ошибочность такой политики, так как золотые запасы всех союзников недостаточны для удовлетворения все возрастающих платежей в Америке, и что, идя по этому пути далее, мы все окажемся банкротами, что надо было обязать американцев финансировать их собственными средствами наши заказы, в коих их страна крайне заинтересована, и что без крупных кредитов в Америке союзники не будут в состоянии в дальнейшем пользоваться американским рынком. Канцлер казначейства вполне согласился со мною, но пояснил, что, к сожалению, с начала военных действий американцев приучили получать в уплату за заказы золото или равноценные золоту процентные бумаги американские или нейтральных держав, что кредитная операция была совершена осенью 1915 г. на сравнительно небольшую сумму в 500 млн долларов, нового же займа нельзя заключить в Америке до окончания президентских выборов. Вследствие сего приходится пока прибегать к прежним способам расплаты в Америке — к высылке золота и процентных бумаг, а так как запас последних на исходе, то необходимо усилить высылку желтого металла. Вот почему всякое открытие новых кредитов Англией должно быть сопряжено с соответственным подкреплением ее золотой наличности, иначе Великобритания вынуждена будет прекратить размен на золото и перейти к бумажно-денежному обращению, что, в свою очередь, повлечет за собою общую финансовую катастрофу, так как заграничный кредит Англии будет подорван и Англия не будет более в состоянии расплачиваться в Америке за счет союзников, которые должны будут оплачивать приобретаемые ими товары исключительно звонким металлом в полной стоимости товаров. Прения о золоте были чрезвычайно упорны и продолжались несколько дней, причем для вящего моего убеждения меня посещали министр юстиции, viscount Reading, который являлся все время советником канцлера казначейства, лорд Cunliffe и лорд Ревельсток. Вначале я стоял на полном отказе от какой бы то ни было высылки золота, под конец же, когда большинство условий было решено в нашу пользу и осталось только несколько вопросов, я в последней доверительной беседе наедине с канцлером казначейства предложил компромисс, в виде частичного удовлетворения пожеланий англичан. В течение всех переговоров я все время поддерживал точку зрения, что при открытии заграничных кредитов не может быть никакой речи об одолжении, оказываемом одним союзником другому, дело идет об объединении всех сил и всех ресурсов для победы над общим врагом, поэтому все союзники одинаково заинтересованы в том, чтобы каждый из нас был достаточно силен и снабжен всеми средствами, как военными, так и финансовыми, для продолжения борьбы, и посему я, как и на прежних конференциях, не могу допустить принципа открытия кредитов в том или ином соотношении с высылкою золота. Открытие кредитов необходимо независимо от вопросов о золотых запасах, вопрос же о золоте должен быть обсуждаем совершенно отдельно, с точки зрения охраны платежеспособности Bank of England, в коей опять-таки одинаково заинтересованы все союзники. Придерживаясь все время этого принципа, я доказывал канцлеру казначейства, что Bank of England может обойтись без присылки золота из России, в крайнем же случае может обратиться за большим содействием к Banque de France. Предлагая компромисс в последней доверительной беседе, я высказал канцлеру казначейства, что готов взять на себя ответственность за присылку золота в 20 млн ф. ст. вместо 40 млн ф. ст., но при условии, чтобы доставка тяжелой ар-

тиллерии была произведена сверх кредитов в 150 млн ф. ст., каковой вопрос оставался еще открытым, и лишь в том случае, если представится реальная опасность большого дренажа золота из касс Bank of England, когда общая золотая наличность в Англии, которая за время войны колебалась между 90 и 80 млн ф. ст., упадет ниже 70 млн ф. ст. Кроме того, мною была обусловлена уплата процентов по Exchequer bonds, получаемых Государственным банком взамен высылаемого золота и оплачиваемых при наступлении сроков желтым металлом. Согласившись на ряд моих условий, канцлер казначейства не признал возможным понизить количества золота, которое представляется, по его мнению, необходимым для ограждения английского кредита на мировом рынке, причем полагал, что первые 20 млн ф. ст. должны быть высланы, если английская наличность упадет ниже 80 млн ф. ст., вторые же 20 млн ф. ст., если наличность упадет ниже 70 млн ф. ст. Таким образом, вопрос о количестве золота, подлежащего высылке, остался в разногласии и был представлен мною по приезде в Петроград на разрешение Совета министров и Комитета финансов, которые в состоявшемся 27 июля сего года соединенном заседании вполне согласились с моим по этому вопросу мнением, признав необходимым, чтобы, при условии открытия нам кредитов в Англии на 150 млн ф. ст., высылка золота была ограничена 20 млн ф. ст. в два приема, по 10 млн ф. ст., в случае падения общей золотой наличности Английского банка и английского казначейства ниже 70 млн ф. ст. Об этом постановлении Совета министров и Комитета финансов мною немедленно же было сообщено по телеграфу, через Министерство иностранных дел, императорскому послу в Лондоне, для сообщения английскому правительству с выражением надежды Императорского правительства на то, что великобританское правительство, зная, насколько трудным представляется для нас вопрос о высылке золота и, с другой стороны, насколько важным является не допускать дальнейших задержек в деле помещения срочных военных заказов, не будет препятствовать немедленному открытию новых кредитов в 150 млн ф. ст., совершенно необходимых для надлежащего снабжения нашей армии боевым снаряжением в целях доведения войны до победоносного конца.

Во время пребывания министра финансов и генерала Беляева во Франции и Англии разрешены были некоторые конкретные дела, относящиеся до разных ведомств. Так, в Париже путем переговоров с Брианом, Самба и бельгийским министром путей сообщения обеспечена поставка нашему Министерству путей сообщения 150 бельгийских паровозов, путем переговоров с английским Министерством снабжений обеспечен заказ 500 паровозов, 7000 вагонов и 6 млн пуд. рельсов. В Лондоне обеспечены некоторые срочные платежи Морского министерства в Японии, тому же министерству обеспечен кредит на покупку шести английских пароходов, обслуживающих ныне Морское ведомство на арендном праве. Переговорами с английским Министерством иностранных дел, Imperial Bank of Persia и казначейством обеспечена доставка значительного количества серебра в Персию, где ощущается большая нужда в звонкой монете, необходимой для расплаты за продовольствие нашей армии. Путем переговоров с частными банками обеспечен кредит на покупку воска для ведомства Св. Синода. Совместное пребывание в Лондоне с итальянским министром финансов Carcano было использовано для установления непосредственных кредитных отношений между русскими и итальянскими банками. Хотя английское казначейство не встречает препятствий к оплате наших заказов в Италии и не исключена возможность производства таких платежей и через Францию, тем не менее непосредственные отношения между двумя странами являются всегда предпочтительными. Прямой заем России в Италии я признавал неудобным и нежелательным, установление же частного банкового кредита вполне соответствовало бы нашим интересам, и в таком порядке намечен кредит свыше 200 млн лир для оплаты военных заказов автомобилей и авиационного имущества.

В тех же целях установления непосредственных кредитных отношений между Россией, Норвегией и Швецией были использованы остановки в Христиании и Стокгольме, где, при содействии наших посланников, происходили осведомительные беседы с местными финансовыми деятелями и установлена схема дальнейших переговоров между русскими и норвежскими, а также шведскими банками.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству.

Министр финансов Петр Барк.

Финансовые совещания союзников во время войны (Доклады министра финансов П. Л. Барка) / публ. Б. А. Романова // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 69–81.

29

Финансовое соглашение между британским и русским правительствами (дополнительное к соглашению, заключенному 30 сентября 1915 г.)

14 (27) октября 1916 г.

Канцлер казначейства, русский министр финансов и генерал Беляев, начальник русского Генерального штаба, по совместном обсуждении потребностей России, с одной стороны, способов перевозки и кредитов, которые Великобритания в состоянии предоставить в распоряжение своего союзника, с другой; считаясь также с тем, что канцлер казначейства указал на нежелательность выпуска займа в Северо-Американских Соединенных Штатах впредь до производства выборов президента в ноябре месяце, и, вследствие сего, принимая во внимание те трудности, с которыми канцлеру казначейства приходится встречаться при выпуске долгосрочных обязательств; заслушав одновременно с сим сообщение русского министра финансов и генерала Беляева о необходимости для России иметь ежемесячный кредит в 25 000 000 ф. ст. до окончания войны и признавая, что для обеспечения окончательной победы союзников военные потребности России должны быть удовлетворены и снабжение ее армии поставлено на должную высоту, — представили изложенное положение на благоусмотрение своих правительств, которые пришли к следующему соглашению:

I. Ввиду того, что обязательства, принятые на себя английским правительством на основании финансового соглашения 30 сентября 1915 г., оказались несколько менее предвари-

тельно установленной суммы в 300 000 000 ф. ст., сумма новых заказов, подлежащих помещению согласно статье III (IV) означенного соглашения, увеличивается с 54 000 000 ф. ст., первоначально обусловленных, до 97 500 000 ф. ст.

II. Великобританское королевское правительство принимает на себя обязательство представить русскому правительству дальнейший ежемесячный кредит в размере 25 000 000 ф. ст. в течение шести месяцев, считая с октября 1916 г. по март 1917 г., на условиях, предусмотренных соглашением 30 сентября 1915 г. и измененных последующими соглашениями. Означенный кредит предоставляется на покрытие дальнейших заказов, помещаемых русским правительством в Британской империи, Италии и Северо-Американских Соединенных Штатах, равно как и поставок, производимых английским правительством сверх суммы 97 500 000 ф. ст., упоминаемой в статье первой, а также на покрытие ежемесячного кредита, обусловленного статьей V, и на различные другие платежи, подобные предусмотренным соглашением 30 сентября 1915 г. Русскому правительству предоставляется право, если бы в том встретилась надобность, помещать новые заказы на общую сумму, за вычетом свободного ежемесячного кредита, не превышающую 75 000 000 ф. ст. в течение августа — сентября месяцев, и не свыше как по 37 500 000 ф. ст. в течение октября и ноября месяцев. Тяжелая артиллерия и снаряды, которые могут быть поставлены английским Военным министерством по уже помещенным им контрактам, не входят в настоящее соглашение и будут оплачиваться путем учета бонов из месячных кредитов, которые будут установлены впоследствии. Незначительные заказы могут помещаться в Скандинавии, при условии, однако, чтобы вызываемые ими платежи, подлежащие оплате за счет английского кредита, не превышали 275 000 ф. ст. в месяц, как по настоящему, так и по предшествующему соглашениям.

III. Заказы, помещенные русским правительством на основании настоящего соглашения, должны быть ограничены возможностью сдачи их на пристань не позднее 30 июня 1917 г.; соответствующие исключения могут быть сделаны лишь с согласия обоих правительств; заказы должны помещаться по соображении с возможностью морских перевозок, причем не более половины новых заказов может быть размещено в Северной Америке без особого на то соглашения обоих правительств.

IV. Британское правительство принимает на себя обязательство сделать все от него зависящее, чтобы облегчить помещение заказов через английские правительственные учреждения и избежать ненужных промедлений и формальностей, в особенности при заказе машин и станков. В случае покупок Русским правительственным комитетом в Лондоне на сумму, не превышающую 5000 ф. ст. для каждой из них, русское правительство имеет право производить таковые без предварительного сношения с британским правительством, сообщая ему, однако, еженедельными ведомостями о подобных покупках, по возможности в кратчайший срок. Разрешения на изготовление и на вывоз должны испрашиваться на основании действующих правил.

V. Из ежемесячного кредита, предоставляемого согласно статье II, сумма в 4 000 000 ф. ст. будет поставлена в свободное распоряжение русского правительства для следующих надобностей: 2 500 000 ф. ст. предназначаются на платежи: по покупкам сырья, съестных припасов и предметов торгового оборота, за исключением лишь централизованных покупок металлов, машин и станков, медикаментов и резины, по личным и благотворительным расходам, а равно и по таким исключительным платежам по заказам, помещенным после 1 апреля 1916 г., для которых хотя и установлена централизация, но русское правительство почему-либо пожелало поместить их каким-нибудь иным способом; 1 500 000 ф. ст. могут использоваться при посредстве расчетного отдела Министерства финансов для поддержания курса рублей на Англию, при том условии, что значительная часть этой суммы будет предоставлена на покрытие долгов в рублях или остатков по ним английским коммерсантам по их прежним или настоящим торговым сделкам, а также на удовлетворение прочих английских требований на валюту, если только таковые не будут вытекать из арбитражных сделок или являться способом помещения денег.

VI. В случае превышения учетным процентом Английского банка 5% обязательства Государственного казначейства, выпущенные в ф. ст., будут учитываться из того же учетного процента. Обязательства Государственного казначейства, учтенные на основании настоящего и предшествующего соглашений, подлежат возобновлению, по уплате следуемых по учету сумм, на

срок, не превышающий одного года по заключении мира. Британское правительство окажет свое содействие русскому правительству при выпуске долгосрочного займа, предназначенного на погашение обязательств Государственного казначейства.

VII. Русское правительство принимает на себя обязательство отправить в распоряжение британского правительства по требованию последнего золото на сумму, не превышающую 20 000 000 ф. ст., при том условии, однако, что британское правительство потребует выслать золото только в том случае, если общая сумма золотого запаса Английского банка и золота, обеспечивающего банкноты, выпущенные в обращение, не будет превышать 85 000 000 ф. ст. Ни в каком случае требование об отправке золота не может быть предъявлено ранее 1 января 1917 г.

Казначейские обязательства британского правительства, которые должны быть выданы взамен отправленного золота, подчиняются тем же условиям, которые были предусмотрены статьей 2 соглашения 30 сентября 1915 г., т. е. выпускаются в равных количествах на сроки в три, три с половиной, четыре, четыре с половиной и пять лет, с тем, однако, исключением, что они должны приносить доход из того же процента, из которого учитываются обязательства русского Государственного казначейства на основании статьи VI настоящего соглашения.

VIII. Настоящее соглашение сохраняет свою силу лишь в случае продолжения военных действий; при заключении же мира оба правительства предпримут все возможные шаги к тому, чтобы аннулировать контракты, которые подлежат оплате за счет английского кредита, или же договорятся о порядке ликвидации тех материалов, которые обладают известной рыночной ценностью. Означенный порядок не будет применен к тем заказам, о которых будет установлено особое соглашение между обоими правительствами.

В удостоверение правильности изложенного, нижеподписавшиеся настоящее соглашение своими подписями скрепили и печати приложили.

Сделано в двойном экземпляре в Лондоне 27 октября 1916 г.

Бенкендорф.

Грей.

РГИА. Ф. 1524 (Межведомственная комиссия по учету и распределению иностранной валюты). Оп. 1. 1916–1917 гг. Д. 66. Л. 200–205.

30

Всеподданнейший доклад П. Л. Барка о росписи доходов и расходов на 1917 г.[1]

Согласно ст[атье] 1 Высочайше утвержденных 8 марта 1906 г. Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов (Св[од] зак[онов], т. I, ч. 1-я, изд. 1906 г.) в Государственный совет и Государственную думу внесен 1 сего сентября, в установленный законом срок, проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г.

По означенному проекту, предвидится доходов обыкновенных 3998,6 млн руб. и чрезвычайных 6 млн руб., а всего 4004,6 млн руб.; расходов по обыкновенному отделу росписи назначено 3734,6 млн руб. и по чрезвычайному 343,2 млн руб., а всего 4077,8 млн руб.

Таким образом, обыкновенные доходы исчислены на 1917 г. с превышением над обыкновенными расходами в сумме 264 млн руб., чрезвычайных же ассигнований предусмотрено более ожидаемых чрезвычайных поступлений на 337,2 млн руб., вследствие чего общий итог расходных назначений по проекту росписи превосходит сумму доходов, ожидаемых

[1] На докладе рукою Николая II написано: «Отрадная картина». Ниже — рукою П. Л. Барка: «Собственною Его Императорского Величества рукою начертано: "Отрадная картина". В Царском Селе. 21 октября 1916 г. П. Барк».

как по обыкновенному, так и по чрезвычайному ее отделам на 73,2 млн руб. С присоединением же предвидимого расхода в 165 млн руб. на оплату процентов по предположенному к выпуску в текущем году новому военному займу означенное превышение составляет около 238 млн руб.

Приведенные итоги проекта росписи на 1917 г., несмотря на проявленную при разработке сметных предположений необходимую при настоящих исключительных условиях осторожность в исчислении ожидаемых доходов и возможную сдержанность в определении расходных назначений, не только значительно превышают соответствующие итоги росписи текущего 1916 г., но достигают небывало крупных у нас и в обстановке мирного времени размеров.

Ожидаемый, согласно предположениям проекта росписи на наступающий год, по отделу обыкновенных доходов, излишек над соответствующими исчислениями росписи 1916 г. составляет 966,5 млн руб.

В наибольшей своей части прирост государственных доходов приходится на долю поступлений из налоговых источников, исчисленных в сумме 2107,4 млн руб., более против сметных предположений 1916 г. на 490,4 млн руб.

По отделу прямых налогов ожидается поступлений 566,1 млн руб., более против росписи 1916 г. на 206,4 млн руб., каковое увеличение находится в зависимости от предстоящего в 1917 г. введения подоходного налога, доход от коего вместе с обложением прироста военной прибыли торгово-промышленных предприятий предположен в сумме около 185 млн руб. Доход от косвенных налогов предвидится в сумме 1099,1 млн руб., тогда как по росписи 1916 г. он исчислялся в размере 813,7 млн руб., что объясняется осуществленным в 1916 г. повышением ставок ряда акцизов и введением некоторых новых видов косвенного обложения. Входящий в состав косвенных налогов таможенный доход предположен к поступлению в сумме 421,4 млн руб., в числе коих около 135 млн руб. составляют поступления пошлин с казенных грузов, ввозимых для нужд обороны страны из-за границы, а остальные 286,4 млн руб. должны поступить от частных грузов.

Доходы от пошлин включены в проект росписи на будущий год в сумме 442,2 млн руб., с некоторым уменьшением против 1916 г. на 1,4 млн руб., вызванным тем, что при выработке сметных предположений предусматривалась замена с 1 января 1917 г. введенного в начале войны временного налога на перевозимые по железным дорогам грузы новым постоянным тарифом. Ввиду предстоящего, однако, сохранения, наряду с установлением нового тарифа, означенного налога в половинном против прежнего размере, поступление пошлин в 1917 г. должно быть ожидаемо в размере большем, нежели то предусмотрено проектом росписи и сметными исчислениями на текущий год.

Со значительным, по сравнению с ожиданиями росписи на 1916 г., превышением, подобно доходам из налоговых источников, включены в проект росписи на 1917 г. также и предположения о поступлении доходов от казенных имуществ и капиталов, определяемых в сумме 1445,5 млн руб., или более чем в текущем году на 414,7 млн руб. При этом особенно заметное возрастание — с 728,7 млн руб. до 1028,8 млн руб., или на 300,1 млн руб., — поступлений ожидается по доходу от казенных железных дорог, каковое увеличение обусловлено как общим развитием железнодорожного движения, в составе коего предвидится перевозок казенных воинских грузов, оплачиваемых из средств Военного фонда, на сумму 200 млн руб., так и предстоящим в 1917 г. введением новых тарифов, которые должны поднять доходность казенных железнодорожных линий приблизительно на 92 млн руб. Значащийся по тому же отделу казенных имуществ и капиталов лесной доход, в связи с усиленною разработкою казенных лесных угодий, внесен в проект росписи также в несколько увеличенной сумме 111,2 млн руб., более против росписи 1916 г. на 15,4 млн руб., а поступления прибылей от принадлежащих казне капиталов и банковых операций, в состав коих входят отчисления в казну из получаемых Государственным банком прибылей, ожидаются в размере 208,8 млн руб.

Из других отделов проекта росписи с превышением, по сравнению с данными росписи текущего года, исчислены также поступления в возмещение расходов Государственного казначейства, составляющиеся из обязательных платежей железнодорожных обществ, возврата казне ссудных капиталов и некоторых других поступлений, определяемые в сумме 142,2 млн руб., или более на 29,7 млн руб., а также доход от правительственных регалий, исчисленный в 279,5 млн руб., бо-

лее против предусмотренной сметою текущего года суммы на 27,8 млн руб. Такое увеличение доходности правительственных регалий находится в зависимости от возрастания почтового, телеграфного и телефонного доходов, внесенных в проект росписи в сумме 199,7 млн руб., т. е. с превышением против 1916 г. на 34,4 млн руб., тогда как монетный доход сокращен на 4,8 млн руб., а доход от казенной винной операции, занимавший столь видное место среди обыкновенных государственных доходов и давший в 1913 г. почти 900 млн руб. валового дохода, совершенно утратил прежнее значение и включен в проект росписи всего в размере 49,6 млн руб., менее против росписи 1916 г. на 1,8 млн руб.

Поступления по прочим доходным источникам — отчуждению государственных имуществ, выкупным платежам и доходам разного рода, — проектированы с незначительными изменениями против исчислений росписи 1916 г. и достигают, в общем, суммы 23,9 млн руб.

Ожидаемое в 1917 г. значительное увеличение доходных поступлений казны позволило, при всей сдержанности в назначении ассигнований на текущие государственные потребности, пойти навстречу удовлетворению ряда неотложных нужд государственной и народной жизни, задерживавшемуся доселе ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени. Допущенное в соответствии с этим увеличение, по сравнению с назначениями росписи 1916 г., ряда кредитов коснулось главным образом ассигнований на содержание казенных железных дорог и улучшение железнодорожного хозяйства по сметам Министерства путей сообщения, общая сумма коих, включая ассигнования на потребности и других, кроме железных дорог, видов путей сообщения, составила по проекту росписи 978,7 млн руб., или более назначений росписи текущего года на 301,8 млн руб. Далее увеличены ассигнования на усовершенствование и расширение почтово-телеграфного дела, определенные в сумме 138,8 млн руб., на 45 млн руб. выше соответствующих назначений росписи 1916 г., а также кредиты на потребности народного просвещения, исчисленные в сумме 214,2 млн руб., или на 18,6 млн руб. более предыдущего года. Возрастание расходов предвидится, засим, по сметам Министерства финансов, преимущественно на выдачу разного

рода пособий, вознаграждений и пенсий, всего на 27,9 млн руб. По сметам же прочих гражданских ведомств предусмотренные в 1917 г. кредиты превышают соответствующие назначения росписи текущего года в общей сумме на 55,8 млн руб.

В итоге, обыкновенные государственные расходы составляют, согласно проекту росписи, 3734,6 млн руб., более общей суммы, ассигнованной по обыкновенному отделу расходной росписи 1916 г., на 446,7 млн руб.

Среди предусмотренных проектом росписи чрезвычайных расходов, общий итог коих составляет 343,2 млн руб., крупнейшим является ассигнование на усиление железнодорожной сети в сумме 284,2 млн руб., а также на различные потребности государственной обороны, как то: на постройку новых артиллерийских заводов и на пополнение военных запасов, всего в сумме 54,9 млн руб.

Составленный на изъясненных основаниях проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 г., — третий годичный план финансового хозяйства, вырабатываемый в течение войны, — по необходимости носит на себе, подобно росписям 1915 и 1916 гг., печать переживаемых исключительных обстоятельств.

Но в то время как росписи предшествующих лет отражали на себе в заметной степени тяжелые последствия военных обстоятельств, проект росписи на 1917 г., опирающийся в своих предположениях на данные о состоянии в настоящее время хозяйственных сил страны, свидетельствует об огромной экономической мощи нашей родины.

Неизбежное неблагоприятное влияние условий военного времени на платежеспособность населения, временное занятие части государственной территории неприятелем и, наконец, осуществленные в начале войны меры по водворению в населении трезвости вызвали в 1914 г. крупное сокращение обыкновенных доходных поступлений казны, составившее по сравнению с предыдущим годом свыше 500 млн руб. В следующем 1915 г. государственные доходы претерпели дальнейшее, хотя и не очень значительное, уменьшение. Однако уже в текущем году обнаружился заметный прирост доходных поступлений, давший за первые 8 месяцев года превышение около 750 млн руб. над суммою доходов за соответствующий про-

межуток времени 1915 г. Сообразно с этим и поступления по обыкновенному отделу доходной части росписи могли быть повышены до огромной цифры, близкой к 4 миллиардам рублей, превосходящей на 581 млн руб. наиболее крупную доселе в истории русского финансового хозяйства сумму обыкновенных поступлений в казну за 1913 г.

Итоги эти, о коих я счастлив представить милостивому вниманию Вашего Императорского Величества, знаменуют собою крупный успех на пути к разрешению вставшей перед финансовым управлением с самого начала войны задачи по замене огромного питейного дохода, служившего ранее одним из главных устоев русского бюджета, иными, более здоровыми источниками государственных доходов, а также по восполнению того ущерба, который претерпели государственные финансы вследствие неблагоприятного влияния переживаемой военной страды.

Главным орудием, содействовавшим усиленному притоку средств в Государственное казначейство, явились последовательно, с самого возникновения военных событий, осуществлявшиеся у нас меры по усилению ставок действовавших ранее налогов и введению некоторых новых видов обложения. Финансовые результаты этих мер, исчислявшиеся по росписи на 1915 г. в сумме несколько более 500 млн руб., в текущем году должны предположительно составить 725 млн руб., а согласно проекту росписи на 1917 г. они ожидаются в сумме 1075 млн руб., значительно превышая, таким образом, поступления по казенной винной операции в годы наибольшего ее развития.

Являясь новым мощным источником питания средствами Государственной казны, означенные меры служили также способом возможного усовершенствования нашего податного строя на началах уравнительности и справедливости в распределении налогового бремени. Наибольшее в сем отношении значение принадлежит, бесспорно, введению государственного подоходного налога, согласно высочайше утвержденному Вашим Императорским Величеством в 6-й день апреля 1916 г. закону.

Установление общеподоходного налога, положенного ныне в основу налоговой системы большинства государств, в некоторых из коих оно является приобретением лишь недавнего времени, составит одно из знаменательных событий царствования Вашего Императорского Величества в области устроения русского государственного хозяйства и явится прочною и надежною основою дальнейших преобразований нашего податного дела.

Однако и осуществленное доселе податное преобразование, в связи с полным почти отказом от питейного дохода, повело уже к существенному изменению всего строя нашего доходного бюджета. Тогда как до войны налоговые источники занимали сравнительно второстепенное место в составе государственных доходов, дав в 1913 г. около 35% обыкновенных доходных поступлений, ныне, согласно проекту росписи на 1917 г., от них ожидается более половины (52,7%) общего итога государственных доходов. При этом в наибольшей мере возросло значение прямых налогов, поступления коих в отношении к общему итогу обыкновенных доходов поднялись с 7,9% в 1913 г. до 14,2% по проекту росписи, в то время как общая сумма косвенных налогов повысилась с 20,7% до 27,5%.

На путь усиленного использования налоговых источников для подкрепления средств казны в условиях военного времени вступили и другие воюющие государства. Но нигде эти меры не были связаны со столь значительными преобразованиями, как те, кои, на основе высочайше предуказанного Вашим Императорским Величеством отказа от питейного дохода, удалось осуществить в России в переживаемых исключительных обстоятельствах.

Достигнутое у нас значительное приращение доходных поступлений дало возможность более широкого удовлетворения потребностей государственной и народной жизни. Особенно примечательным является при этом предусматриваемое проектом росписи на 1917 г. увеличение ассигнований на культурные и производительные цели. Кредиты на удовлетворение духовных нужд народа, — церковь и просвещение, — на охранение народного здравия, на развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, на почтово-телеграфное дело, а равно на поддержание деятельности и сооружение новых путей сообщения достигают по обыкновенному и чрезвычайному отделам проекта росписи 1875,8 млн руб. Цифра эта не только превышает размеры однородных ассигнований последнего перед войною 1913 г., когда она выразилась сум-

мою в 1233,4 млн руб., но составляют и большую по отношению к общему итогу расходной росписи часть, увеличившись за время с 1913 г. с 37,9% до 46,0%.

Изъясненные благоприятные условия сведения государственной росписи доходов и расходов на предстоящий год покоятся на усилившейся и окрепшей платежеспособности населения, поддерживаемой как отрезвлением широких народных слоев, так и производимыми внутри страны, в связи с войною, крупными затратами на обеспечение семей лиц, призванных в ряды войск, и на производство огромных закупок и заказов для нужд армии. Необходимо, однако, отметить, что возрастающие военные расходы, составившие на 1 октября около 20 миллиардов руб., требуют для их покрытия особого напряжения финансовых средств путем постоянной реализации займов различного типа, из коих краткосрочные обязательства Государственного казначейства выпускаются в виде векселей и проценты по ним, уплачиваемые вперед при учете, относятся на выручку при реализации, не требуя особых ассигнований по росписи. Между тем при консолидации в будущем этих краткосрочных долгов, составляющих ныне 8,4 миллиарда руб., придется соответственно увеличить ассигнования по росписи на уплату по ним процентов и погашения, и посему приходится предвидеть дефицит по росписи в течение ряда лет после войны. Но я непоколебимо убежден, что затруднения Государственного казначейства будут только временными и что, при правильном ведении финансово-экономической политики, в неиссякаемых источниках естественных богатств России и производительного труда русского народа найдены будут верные и прочные способы для закрепления и вящего развития новых начал, положенных ныне, во исполнение высочайших Вашего Императорского Величества предуказаний, в основу управления русскими государственными финансами.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше изложить Вашему Императорскому Величеству.

Министр финансов Петр Барк.

Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. / публ. Б. А. Романова // Красный архив. 1926. Т. 17. С. 53–59.

31

Меморандум об англо-русских финансовых переговорах на Петроградской конференции

25 января (7 февраля) 1917 г.

Финансовые вопросы, обсуждавшиеся на заседании конференции 25 января (7 февраля) и касавшиеся финансовой помощи, которую должна оказать Англия России, были предметом многократных совместных переговоров г. Барка, лорда Мильнера и лорда Ревельстока. В некоторых переговорах принимали участие гг. Замен, Шателен и Лайтон.

Британские делегаты в самом начале заявили, что они не уполномочены принять за британское правительство какие-либо окончательные обязательства. Их задача заключается лишь в основательном выяснении с благожелательной точки зрения нужд России и сообщить такие средства их удовлетворения, которые будут наиболее приемлемы британскому казначейству, имея в виду тяжелое положение, в котором находится в настоящее время британское правительство, также и то, что не только заказы Великобритании и России, но и других стран в нейтральных государствах подлежат удовлетворению.

Потребность России была изложена в шести пунктах:

I. Снабжение предметами, необходимыми на военные нужды, натурой.

Под этим понимается, что стоимость предметов, доставленных натурой, не будет отнесена на счет каких-либо специальных кредитов, открытых России британским правительством, но будет возмещена обязательствами 5% русского Государ-

ственного казначейства, согласно уже установленному параграфом 5 соглашения 27 октября 1916 г. порядку в отношении тяжелой артиллерии. Британские делегаты заявили, что этому может быть дано желательное направление и что они посоветуют его держаться британскому правительству.

II. Относительно предметов на военные нужды, а также и прочих предметов, заказы коих сосредоточены в Русском правительственном комитете в Лондоне.

Британские делегаты заявили, что размер этих заказов на 1917 г. должен быть установлен применительно к программе, выработанной Подкомиссией снабжения (если эта программа будет утверждена обоими правительствами); эта программа заключает в себе некоторые заказы, данные как в Америке, так и в Европе.

Британские делегаты выразили свое согласие поддержать перед своим правительством, чтобы подобные кредиты были бы открываемы по мере надобности для платежей, причитающихся согласно постановлениям вышеупомянутой программы.

III. Относительно платежей по русскому долгу за границей.

Британские делегаты изъявили готовность рекомендовать своему правительству предоставить на остающуюся часть 1917 г. средств в размере, необходимом для удовлетворения этой потребности.

Означенная потребность выражена в двух пунктах:

а) На обслуживание внешнего долга (за исключением Франции) эта потребность выражается приблизительно в размере 3 млн ф. ст. и 44 млн фр.

в) Расходы по учету и переучету русских обязательств Государственного казначейства, как уже выданных, так и имеющих быть выданными в 1917 г.

IV. Свободный кредит для нужд торговли.

Русский министр финансов обратил особенное внимание на срочную необходимость в предоставлении кредита для приобретения за границей товаров для таких нужд торговли и промышленности, в коих ощущается потребность как частных лиц, так и армии.

Средства необходимы также для содержания за границей представителей русского правительства и для помощи военнопленным.

Министр финансов на основании предыдущего опыта определил потребность в свободном кредите в размере 5,5 млн ф. ст. в месяц и заверил британских делегатов, что правительство ни в коем случае не будет выдавать разрешения частным фирмам на ввоз товаров без надлежащих гарантий, что соответствующие соглашения о тоннаже и доставке действительно заключены и что такой ввоз ни в коем случае не отразится на заказах и закупках русского правительства.

Министр финансов указал далее, что большинство уже имеющихся заказов на удовлетворение нужд частной торговли и промышленности были урегулированы путем так называемых акцептных кредитов, на погашение которых необходимо, чтобы были предоставлены средства.

Британские делегаты приняли к должному сведению крайнюю важность затронутого министром финансов вопроса. Они с особой тщательностью представят означенный вопрос на разрешение во всех его деталях британскому казначейству, но они не считают себя уполномоченными высказать какие-либо соображения министру финансов, насколько британскому казначейству будет возможным согласиться на вышеизложенное.

V. Поддержка курса рубля за границей.

Министр финансов также настаивал на необходимости принятия решительных мер для предотвращения дальнейшего падения расценки рубля за границей. Он обратил внимание на необходимость, принудившую урегулировать заграничные заказы путем продажи рублей, каковая была вызвана крайне незначительным размером вывоза, которым балансировались бы эти покупки.

Ввоз предметов роскоши запрещен, и он заверил делегатов, что строгие и решительные меры будут предприняты в ближайшем времени в видах ограничения ввоза и остальных предметов. Он полагал тем не менее, что одни такие ограничительные меры не будут в состоянии остановить обесценение рубля.

Затруднения внутреннего транспорта, недостаток в сырых материалах и дороговизна труда в высшей степени подняли стоимость жизни. В то же время ввиду малой емкости внутреннего рынка Государственный банк в силу необходимости

продолжал учитывать обязательства казначейства, в связи с чем производился огромный выпуск бумажных денег.

Он полагал, что до тех пор, пока Императорское правительство не сможет внушить доверия к рублю путем установления устойчивости его курса за границей, для правительства не представляется возможным получить в России необходимые средства для покрытия военных расходов, что грозит катастрофой не только в финансовом, но и в военном и политическом отношениях.

Он, однако, не думает, что подобные расходы по интервенции достигнут большого размера, и убежден, что те меры, которые будут предприняты в отношении ограничения ввоза, сделают успешную поддержку рынка сравнительно легкой. Он уверил британских делегатов, что такая поддержка будет производиться с осторожностью и только тогда, когда рубль будет оцениваться в Лондоне ниже 10 ф. ст. за 140 руб. Тем не менее для этого необходим большой резервный фонд, и он надеется, что британское казначейство не откажет открыть кредит в размере 12 млн ф. ст. на каждые три месяца до конца текущего года.

Британские делегаты вполне признали серьезные последствия, связанные с этим вопросом, и понимают, насколько разрешение означенного вопроса должно озабочивать министра финансов. Они разделяют его опасения, что результатом дальнейшего обесценения рубля могут явиться серьезные последствия как для России, так и для ее союзников, и они готовы рекомендовать принятие мер для исправления этого явления.

Они придают значение принятым предосторожностям в отношении ограниченного ввоза и выражают надежду, что таковые меры будут иметь практическое и решающее значение. Согласно полученным заверениям министра финансов в этом вопросе, они будут рекомендовать своему правительству предоставить единовременный кредит в размере 12 млн ф. ст. на три месяца, начиная с 1 апреля. Этот кредит может быть использован в полном размере с момента его открытия в течение трех месяцев.

Разумеется, что открытие каких-либо новых кредитов для этой цели будет зависеть от того, насколько русским и британским правительствами будет признан удовлетворительным результат покупки рублевой валюты в Лондоне совместно с централизованной валютной политикой, проводимой министром финансов в Петрограде, а также насколько будет действительным результат от предохранительных мер, предпринятых в целях ограничения ввоза.

VI. Персия.

Императорское русское правительство обращает внимание на потребность в серебре, необходимом для содержания военного отряда в Персии. Русские военные власти в Политической комиссии конференции отметили, что эта потребность носит весьма срочный характер. Русский министр финансов пояснил, что для этой цели необходимо серебро на сумму 4 млн ф. ст. до конца текущего года.

Британские делегаты признали важность, которую русские военные власти придают этому вопросу, и они признают, что этот вопрос был и является в настоящее время предметом обсуждения между британским посольством в Петрограде и Министерством иностранных дел в Лондоне.

В этом деле вопрос о выдаче чеков Учетно-ссудным банком Персии затрагивает дипломатическую область, и поэтому они полагают, что они могут только обратить внимание на пожелание русского правительства по возвращении в Лондон.

VII. Покупки в Японии.

Императорское русское правительство указало на важность исполнения заказов на военные предметы, помещенных в Японии, имея в виду экономию в тоннаже и дешевизну перевозки.

Британские делегаты согласились с Императорским правительством в отношении необходимости получить кредиты в иенах и признали, что в интересах России, Франции и Великобритании начать переговоры по помещении в Японии займа под их общей гарантией.

П. Барк,
Мильнер,
Ревельсток.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 449–452.

32

П. Л. Барк — А. А. Риттиху
9 сентября 1922 г.
Лондон

Ваше превосходительство.

Я чувствую себя крайне виноватым, что так долго задержал записки г. Яхонтова, мне нет оправдания, но последний месяц я был лишен возможности что-либо написать Вам относительно них, так как я постоянно ездил на континент, вернулся в Лондон всего на несколько дней и на будущей неделе должен буду опять уехать.

Я надеюсь, что Вы простите мне эти строки, написанные по-французски, мне легче диктовать, чем писать самому, а у меня нет возможности диктовать по-русски.

Я нахожу записки г. Яхонтова крайне интересными, и я согласен с ним, что надо опубликовать не только документы, в которых чувствуется недоброжелательное отношение ко всему старому правительству, но в видах беспристрастия их все, — и те, которые дают другое освещение событиям, предшествовавшим революции, и характеризуют лиц, игравших более или менее значительную роль в этот период.

Во всяком случае, я думаю, что напечатание записок г. Яхонтова без предисловия не даст полную картину положения России летом 1915 г. и что было бы полезно прибавить к ним несколько пояснений, которые облегчили бы понимание происшедшего.

Г. Яхонтов охватывает в своих записках один из главнейших периодов Великой войны и вообще истории нашей родины. Весною и летом 1915 г. все наши союзные державы переживали острый кризис в связи с недостатком снаряжения и снарядов. Размах событий спутал все расчеты военных специалистов. Ни Франция, ни Англия, ни Россия не были достаточно снабжены, чтобы продолжать сражаться с Германией, которая годами готовилась к войне. Та же задача вставала на всех союзных фронтах, и всюду замечалось то же напряжение между фронтом и тылом, между военным командование и гражданскими властями. Была постоянная борьба между этими двумя властями, которая во Франции началась с интриг против генерала Жоффра, создателя армии и победителя на Марне, и против генерала Галифе. Это была очень ожесточенная борьба. Французский парламент хотел учредить особые комитеты, которые должны были отправиться на фронт и контролировать все распоряжения, исходящие от военных властей. Результатом интриг против генерала Жоффра было удаление этого доблестного генерала из армии, что же касается генерала Галифе, то распространился слух, что его неожиданная смерть не могла быть объяснена естественными причинами.

В Англии эта борьба тоже началась интригами против военного министра Китченера, создателя английской армии, и его враги добились его удаления. Он погиб на «Хемпшире» в 1916 г., но задолго до этого он потерял свое влияние в правительстве. Эти осложнения продолжались долго, но благодаря глубокому патриотическому чувству этих двух союзных держав эта борьба между фронтом и тылом закончилась во Франции — прочной автократией, возглавляемой на фронте Фошем, а в Париже — Клемансо, а в Англии равновесие было восстановлено благодаря гению Ллойд Джорджа, который овладел властью как неограниченный автократ. В этих двух странах поняли, что во время такой ужасной войны нужно действовать, а не рассуждать. В результате этого парламенты в этих странах были сведены на нет, а всю ответственность за защиту страны несли исполнительная власть и армия.

Тот же кризис разразился и в России весною 1915 г. Но у нас было труднее разрешить эту задачу, потому что она осложнилась революционными стремлениями. Парламент в Англии

и Франции существовал веками, его авторитет был прочно установлен, и борьба между ним и исполнительной властью для расширения власти парламента длилась с незапамятных времен. У нас же парламент (Дума) был новорожденным. Вполне естественно, что этот новорожденный хотел расширить свои права и стремился воспользоваться всеми случаями, и особенно затруднениями, с которыми боролась страна, чтобы утвердить свое главенство. Пищу для революционных стремлений давали вопросы еврейский и аграрный, которые не были окончательно разрешены. Все это создавало в России крайне тяжелое положение, и задачи, которые правительство и император должны были разрешать, были настолько сложны и встречали столько препятствий, что было почти немыслимо их превозмочь.

Возвращаясь к событиям, надо вспомнить, что в марте мы одержали большой успех на австрийском фронте. Мы заняли Львов и Перемышль, и стоял вопрос о продвижении вглубь страны. В это время министр юстиции Щегловитов и я были командированы Государем императором в Ставку для переговоров с великим князем Николаем Николаевичем относительно разных вопросов. Когда мы покончили с этим, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Янушкевич пригласил нас к себе в вагон и сделал нам доклад о военном положении на всех фронтах. Нас как громом поразили сообщения генерала. Он сказал нам, что у нас абсолютно нет снарядов и то, что нам присылает тыл, было ничтожнейшей частью потребностей фронта. Что невозможно удержать фронт при этих условиях и что армия в близком будущем должна будет отступить и покинуть завоеванные области. Мы были совершенно поражены, потому что мы в первый раз слышали, что армия недостаточно снабжена и что будущее представляется в таком ужасном свете.

Вернувшись в Петроград, мы немедленно сделали доклад об этом положении в секретном заседании Совета министров и просили председателя, не откладывая, созвать совещание военных специалистов, чтобы принять все возможные меры для увеличения производства снарядов и необходимого снабжения армии. Это совещание состоялось через два дня, и Совет министров присутствовал при обсуждении военными специалистами требований фронта и существующих возможностей удовлетворить их. Было довольно трудно отдать себе отчет в действительном положении, потому что эксперты обвиняли Ставку в некоторой нервности и давали нам цифры, показывающие, что крупные заказы были сделаны не только в стране, но и за границей и что скоро все потребности фронта будут полностью удовлетворены.

Во всяком случае, после этого совещания большая тревога овладела министрами и некоторые из нас решили, что нужно предпринять срочные меры, чтобы восполнить недостатки технического снабжения армии. Через несколько дней у меня было свидание с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, и мы много говорили о создавшемся положении. Мы вполне отдавали себе отчет, что в этот трагический период надо объединить все жизненные силы страны, чтобы продолжать борьбу с грозным врагом. Ввиду натянутых отношений между Думою и правительством было два выхода: или нужно было распустить Думу на все время войны и возложить всю ответственность за все будущие события полностью на правительство Государя императора, или же принять все возможные меры, чтобы Дума разделила ответственность за войну с Государем императором и исполнительной властью. Наше мнение было таково: раз парламентский режим введен у нас и так как Дума состоит из избранных представителей народа, необходимо, чтобы эти представители и через их посредство вся нация были призваны оказать поддержку в грозном кризисе, переживаемом страной. Необходимо, чтобы Государь император слился со своим народом и чтобы его не могли упрекнуть, что он разобщился со своим народом во время войны. Мы решили посоветоваться с некоторыми нашими коллегами, разделяющими нашу точку зрения, и после нескольких обсуждений этого вопроса с министрами Кривошеиным, Рухловым и Харитоновым мы решили, что нужно немедленно созвать Думу и произвести некоторые изменения в составе Совета министров, для того, чтобы Дума могла беспрепятственно работать с исполнительной властью. Мои сослуживцы поручили мне повидаться с нашим председателем И. Л. Горемыкиным, чтобы сообщить ему наше мнение и просить его сделать подробный доклад царю. Государь император остался очень недоволен нашим выступлением и не

скрыл своего неодобрения ни перед председателем, ни перед министрами, проявившими эту инициативу. Я хорошо помню тяжелый разговор с Его величеством во время моего доклада вскоре после этого выступления. Тем не менее Государь разделил нашу точку зрения, и скоро произошло частичное изменение в составе Совета министров. Министры Сухомлинов, Щегловитов, Маклаков и Саблер были заменены Поливановым, Хвостовым, князем Щербатовым и Самариным. Мы не называли имени нашего председателя, потому что надеялись, что он сам откажется от своего поста в пользу А. В. Кривошеина, бывшего очень популярным в Думе и проявившего себя очень выдающимся администратором; во время управления Министерством земледелия он ввел много замечательных реформ, и вся страна могла приветствовать его как человека вполне достойного. Наша группа была твердо убеждена, что в эту историческую минуту мы могли бы найти общий язык, и Дума и исполнительная власть в великом патриотическом порыве могли бы успешно работать на продолжение войны. Может быть, мы были неправы, может быть, в это время никакое соглашение между Думой и правительством не было уже возможно, но во всяком случае надо было сделать выбор: или идти рука об руку с Думой, или окончательно распустить ее и оставить вполне самодержавное правительство и принять на себя ответственность за все последующие события.

Частичные перемены в составе Совета министров были встречены в стране с большим удовлетворением, но личность нашего председателя не подходила Думе. С первых же заседаний Думы мы почувствовали большое различие во мнениях и взглядах Думы и исполнительной власти под председательством И. Л. Горемыкина, все прения в Совете министров, которые так точно воспроизведены Яхонтовым, носят печать нерешительности, родившейся в июле 1915 г.

Вполне очевидно, что положение было двусмысленным: Государь император разделял наше мнение, что надо вести с Думой примирительную политику, и поэтому те из наших коллег, которые не могли работать с Думой, были заменены новыми министрами, известными своими скорее либеральными взглядами и могли быть приемлемы для Думы и общественного мнения. Но Государь не пошел до конца и оставил во

главе Совета министров Горемыкина, который в 1906 г. распустил Думу и неблагожелательно относился к примирительной политике. Конечно, тяжело было сохранить to have it both ways (следование двумя путями *(англ.). — С. К.*), как говорят англичане. Надо было сделать выбор между Горемыкиным и обновленным Советом министров и не давать им работать вместе, так как нельзя было ожидать благоприятного результата от такого сотрудничества.

Такое двусмысленное положение чувствовалось в заседаниях Совета министров, и, читая внимательно записки Яхонтова, Вы обратите внимание на тяжелые прения между председателем и другими членами Совета министров, особенно теми, кто уже склонялся налево. Последствия такого натянутого положения не заставили себя ждать. С одной стороны, обсуждение дел в Совете министров становилось нерешительным, и трудно было достигнуть компромисса, с другой стороны — министры оказались вынужденными совещаться относительно общей политики вне заседаний Совета министров, в частных собраниях, которые обычно происходили у министра земледелия А. В. Кривошеина, и на этих собраниях происходил самый откровенный обмен мнений. На таких же частных собраниях обсуждался вопрос о верховном командовании, когда Государь император решил освободить великого князя Николая Николаевича от его поста и принять на себя верховное главнокомандование армиями. Все министры были того мнения, что это было роковое решение. Мы давно знали настроение Государя, потому что в самом начале войны он сообщил нам свое намерение стать во главе армии. В июле 1914 г. мы употребили все усилия, чтобы отговорить его от этого решения, и, несмотря на всю трудность идти против воли царя, нам удалось добиться назначения великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим.

Летом 1915 г. положение было еще более тяжелым. Наши армии отступали, мы терпели огромные потери, везде чувствовался недостаток снарядов. Было совершенно неизвестно, где остановятся наши войска и как развернутся события в ближайшем будущем. Многие боялись полного разгрома. В такую трагическую минуту нашей истории решение Государя пойти на фронт и стать во главе армий был акт величе-

ственный, полный самоотвержения, патриотизма, любви к родине и глубокого сознания своего долга. Но, во всяком случае, мы, министры, были убеждены, что этот акт может иметь роковые последствия, потому что он заставлял царя покинуть Царское Село, где он все время был в контакте с правительством и где он мог принять все срочные меры, необходимые в случае новых осложнений. С другой стороны, великий князь Николай Николаевич, несмотря на свои поражения, пользовался, может быть незаслуженно, большою популярностью не только в армии, но и во всей стране. Знали, что он очень заботился о благосостоянии солдата и был строг с начальниками. Он был очень любим своими подчиненными и в то же время пользовался большим авторитетом. Отставление его от его поста в такое критическое время могло вызвать большие осложнения, и мы были глубоко убеждены, что мы обязаны напрячь все усилия, чтобы опять отговорить Государя от принятия верховного главнокомандования.

Так как трудно было сговориться относительно наших решений во время официальных заседаний Совета министров ввиду расхождения мнений нашего председателя с другими министрами, мы неоднократно обсуждали этот вопрос во время наших частных собраний, и мы совместно остановились на тексте письма, которое было подписано большинством министров и передано Государю через одного из дежурных адъютантов. В этом письме отсутствовали подписи военного министра Поливанова, морского министра Григоровича и министра юстиции Хвостова. Военный и морской министры принимали участие в наших собраниях и совершенно разделяли наш взгляд, но мы считали, что не можем предложить им подписать этот документ, ибо военная дисциплина не разрешала им обратиться с подобного рода прошением к их Верховному главнокомандующему. Что же касается министра Хвостова, пользовавшегося нашим уважением, мы не приглашали его на наши частные заседания, так как в течение многих лет он был связан узами близости и дружбы с нашим председателем И. Л. Горемыкиным, он был директором канцелярии Министерства внутренних дел, когда И. Л. Горемыкин был министром внутренних дел, и мы не хотели ставить его в трудное положение, хотя думали, что он разделяет наши взгляды.

Как Вы знаете, И. Л. Горемыкин недолго пользовался полным доверием Государя и в начале 1916 г. был освобожден от своих обязанностей и заменен полнейшим ничтожеством Б. В. Штюрмером, и только тогда Государь решил отказаться от непримиримой политики Горемыкина и принять более мягкую политику по отношению к Думе. К несчастью, за эти несколько месяцев многие министры, в том числе самые лучшие, как Кривошеин, Рухлов, Самарин, были отставлены и заменены другими. Правительство не составляло больше ядра из людей, исповедовавших одну и ту же веру и разделявших одинаковые взгляды, но представляло собой сочетание различных элементов во главе с председателем, не способным к действию. Может быть, мы заблуждались, думая, что можно было установить равновесие в 1915 г., и даже если бы Государь исполнил наши пожелания, Россия все-таки не избежала бы трагических событий, но мы действовали с полной верой и убеждением, что в то время можно было избрать только указываемую нами политику. Но раз наша цель не была достигнута и желаемое нами министерство не было сформировано, ясно, что Совет министров, не слитый в одно целое, не мог принимать окончательных решений, что атмосфера стала напряженной, и работа каждого министра встречала большие затруднения.

Только отдавая себе отчет во всем вышесказанном, можно понять прения в Совете министров, которые так точно воспроизведены Яхонтовым. В его заметках все время видны колебания, нерешительность, недоговоренность, и все это может дать совершенно ложную характеристику отдельных министров, которые входили в состав правительства 1915 г., если не знать всех тех обстоятельств, которые я только что Вам изложил.

Возвращаясь к запискам Яхонтова, я хотел бы отметить несколько отдельных строк, которые обратили на себя мое внимание во время чтения этого столь интересного документа:

страницы 1–5: согласно этому документу, Совет министров отдал себе отчет в трагическом положении армии только после назначения Поливанова военным министром и после его докладов в заседаниях Совета министров. Но, как я говорил выше, уже в марте у нас были секретные заявления начальника Генерального штаба, которые он делал нам со Щегловито-

вым, и Совет министров мог ожидать в самом близком будущем трагического развития событий.

В записях Яхонтова часто упоминается о довольно иронических замечаниях государственного контролера Харитонова. Я должен признаться, что я не имел большого доверия к Харитонову, потому что я предполагал, что он тем или иным способом связан с левыми партиями Думы, и я не думаю, чтобы его замечания были всегда обоснованы. Например (стр. 5), Харитонов говорит, что во время заседания Совета министров в Царском Селе под личным председательством Государя был поднят вопрос о поездке царя на фронт для инспекции, где должен был состояться военный совет. Харитонов сообщает, что эта поездка не состоялась, потому что императорский поезд был в починке. Я должен сказать, что я совершенно не помню, чтобы подымался вопрос об этой причине во время заседаний, а между тем я обладаю хорошей памятью и такой эпизод не ускользнул бы от меня. Стр. 61: генерал Поливанов приписывает Государю слова, которые заставляют предполагать, что не граф Воронцов-Дашков, а графиня управляла Кавказом.

Я сильно сомневаюсь, чтобы можно было верить всем ироническим замечаниям генерала Поливанова.

Несколько раз Яхонтов упоминает о различных выходках и происшествиях с князем Юсуповым в Москве. Конечно, их было много, и многие из них обязаны своим происхождением недостатку опыта князя Юсупова. Но я не думаю, что подобного рода воспоминания могли бы способствовать улучшению мнения о правящем классе, а это, мне кажется, совершенно не соответствует цели, которую ставит себе Яхонтов.

Те же замечания относятся и к другим строкам этих заметок, например, стр. 86, где сказано, что военное положение чрезвычайно грозно и что армия деморализуется; стр. 96: Совет министров не пользуется доверием; стр. 114: заявление князя Щербатова о недостатке власти у правительства; стр. 137: меры военного начальства относительно расширения организаций тыла армии; стр. 256: замечания относительно Земского и Городского союзов; стр. 257: прения относительно печати.

В заключение я хочу еще отметить вопрос, касающийся изменения черты оседлости евреев и их прав. При чтении воспоминаний Яхонтова получается впечатление, что эти меры были приняты неожиданно под влиянием катастрофических событий. Однако надо принять во внимание, что с давних пор, почти с самого начала войны, обсуждалась необходимость изменить законы, касающиеся евреев. По повелению Государя я сам обсуждал этот вопрос с великим князем Николаем Николаевичем и генералом Янушкевичем в Ставке. Разные мероприятия, принятые генералом Янушкевичем по отношению к евреям, были совершенно нетерпимы. Я упоминал об этом на моем докладе Государю, и Его величество меня вполне одобрил и уполномочил меня передать его решение великому князю Николаю Николаевичу. Израелитские делегации были неоднократно принимаемы разными министрами, поддерживавшими их сторону в высших инстанциях. Наконец, во время моих поездок во Францию и в Англию я беседовал по этому вопросу с министрами финансов английским и французским и еврейскими представителями в этих странах, как Ротшильд в Англии и Ротшильд во Франции. Следовательно, меры, принятые Советом министров летом 1915 г. и одобренные Государем, были только результатом подготовительных прений и рассуждений, происходивших задолго до этого.

Читая заметки Яхонтова, является естественное желание прибавить много пояснений, но я и так злоупотребил Вашим терпением и надеюсь, что Вы простите меня за эти строки.

Сердечно жму Вашу руку и прошу Ваше превосходительство принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Возвращаю Вам при сем письмо Яхонтова от 16 мая и его мемуары.

П. Барк.

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / публ. Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, В. В. Лапина, М. Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 432–440.

33

—

П. Л. Барк — А. Н. Яхонтову

11 декабря 1922 г.
Лондон

Дорогой господин Яхонтов.

Вернувшись из Берлина после краткого пребывания, я нашел Ваше письмо от 20 ноября и очень одобряю Вашу мысль написать предисловие к Вашим столь интересным запискам и опубликовать их с этим предисловием. Я думаю, что Ваши воспоминания очень выиграли бы, если бы Ваши читатели были знакомы с обстоятельствами, предшествовавшими эпохе, описываемой Вами, а также с различным мотивами, служившими основанием решений, принятых во время заседаний Совета министров. Я не вполне разделяю Ваше мнение, что беспристрастному историку достаточно воспроизвести серию фактов, мне кажется, что собрание фактов без объяснения мотивов, без описания различных инцидентов, которые могли бы дать полную картину известного исторического периода, не представляет еще полной правды. Возьмем, например, в Вашем изложении рассуждения Совета министров относительно деятельности князя Юсупова в Москве. Вы знаете хорошо, так же, как и я, что, в сущности, ни одна страна не была столь демократична, как Россия. Все карьеры были открыты талантам и энергии, начиная со Сперанского и кончая графом Витте и Кривошеиным. Мы знаем, что главное влияние в нашем правительстве имели

самородки (селф-мейд-мен) и им наша родина обязана особенно своим развитием и прогрессом. Со своей стороны я должен признать, что абсолютное отсутствие влияния на ход дел нашей аристократии было скорее отрицательное явление, потому что славянская душа не была связана старинными традициями и дисциплиной, как в других странах, например в Англии. У нас был скорее анархический характер, что так хорошо изображает наш великий писатель Толстой. Вы помните, так же, как и я, что в правительстве, в котором я принимал участие, было только два титулованных лица — граф Игнатьев и князь Шаховской, но оба были без всяких средств в начале карьеры и выдвинулись не благодаря их связям, а исключительно благодаря своему упорному труду и личной энергии. Граф Игнатьев унаследовал крупное состояние, уже будучи товарищем министра.

Что же касается назначения князя Юсупова на пост московского генерал-губернатора, то мотивом этого назначения было желание Государя императора оказать особое внимание первопрестольной, которая всегда считала себя центром страны. Несколько губернаторов — бюрократических чиновников, сменявшихся последовательно в Москве, сталкивались с большими затруднениями в смысле поддержания хороших отношений с городским управлением, земствами и другими слоями населения. Было намерение сделать опыт в виде предоставления большей свободы москвичам, послав в Москву просто представителя Государя, представителя, не имевшего никакой бюрократической карьеры. Князь Юсупов обладал большими средствами, был всегда независимым, настоящим джентльменом, и предполагали, что такое лицо, исключительно для представительства, сумеет объединить различные московские слои населения, представлявшие легко возбуждающийся материал. Опыт оказался неудачным, владычество Юсупова в Москве было непродолжительно, и более никогда не возвращались к подобного рода опытам.

Во всяком случае, иностранцы, не знающие России, читая Ваши записки, могли бы легко предположить, что наша страна управлялась выродившимися аристократами, не способными ни на какую энергическую деятельность, лишенными опыта, последствием чего вспыхнула революция, вызванная неспособностью высших классов, оторванных от народа, не понимающих его и не способных управлять. Между тем Вы знаете,

что революция обязана своим происхождением пропаганде интеллигенции, которая действительно была далеко от народа, не понимала [его] и, в сущности, совершенно не заботилась о его благосостоянии, проповедуя принцип: «Уйди, чтобы я мог занять твое место».

К несчастию, этот класс действительно был совершенно лишен какого-либо понятия о широкой политике и управлении, и, когда их мечта сбылась, вспыхнула революция и этот класс очутился у власти, на трагическом фоне гибели нашей родины вырисовывались комические фигуры этих отцов революции, цепляющихся за власть и сметенных в несколько месяцев противоположными силами, которые благодаря им же всплыли на поверхность. Может быть, проведя несколько месяцев в Петропавловской крепости и испытав большевистский режим, некоторые из этих господ — но не все — поймут, что они работали на короля Прусского (впустую).

Я согласен с Вами, что еврейский вопрос достиг крайней остроты, потребовавшей решения Совета министров, только в августе 1915 г. Но, во всяком случае, в моем письме я хотел отметить, что решение, принятое Советом министров, не было непредвиденным и Совет министров не принял его необдуманно, очутившись в безвыходном положении. Это решение было результатом долгой подготовительной работы, происходившей в разных сферах, под влиянием целой цепи событий с начала войны.

Я не хотел бы кончить это письмо, не сказав несколько слов о И. Л. Горемыкине, который пользовался самым большим уважением среди большинства моих сослуживцев. Сам я лично был всегда в самых лучших отношениях с нашим маститым председателем и вполне оценивал его высокие заслуги. Я глубоко убежден, что это он спас Россию от первой революции в 1906 г. и благодаря его энергичному вмешательству тогдашнее правительство приняло все необходимые меры для подавления революции. Его предшественник граф Витте, несмотря на все свои таланты, совершенно был неопытен в ведении внутренней политики страны и потерял голову, так же как и все его сотрудники, и только твердая рука И. Л. Горемыкина восстановила порядок, сильно поколебленный после Русско-японской войны. Но теперь, оглядываясь на прошлое, я сильно сомневаюсь, что мог бы быть глава правительства, который

спас бы нашу страну в 1915 г. Я держусь другого взгляда, чем большинство моих соотечественников, относительно причин революции. Я нахожу, что источники революции зародились давно, и надо их искать в 1861 г., когда была учреждена злополучная «община», которая была одной из причин ужасного состояния, в котором находились земли, обрабатываемые крестьянами. Только Столыпин и Кривошеин признали необходимость радикальной земельной реформы. Их политика была единственная верная — создать благосостояние крестьян и поставить нашу экономическую жизнь на прочные основания. Если бы действие закона 1906 г. могло развиваться в течение 10–20 лет, то не произошло бы никакой революции в России. В этом кроется причина оппозиции интеллигенции Думы против правительства, они вели ожесточенную кампанию против принятия закона Столыпина и Кривошеина, и в этом кроется причина убийства Столыпина через несколько лет.

Чрезвычайные потрясения войны создали обстановку, благодаря которой революционные элементы достигли своей цели. Вы помните, как Городской союз и земства во главе с князем Львовым и Челноковым употребляли все усилия на революционную пропаганду в 1914 г., под флагом филантропической помощи больным и раненым воинам. Дело состояло в том, что эти господа получали большие деньги от правительства под флагом Красного Креста, и благодаря этим средствам они свергли правительство. Беспристрастный историк должен был бы нарисовать картину этой деятельности известного класса русского населения, лишенного всякого патриотизма. Правда, правительство несет большую часть ответственности за происшедшее, так как, когда обширный план деятельности Городского и Земского союзов в августе 1914 г. был представлен в Совет министров, никто, за исключением министра внутренних дел Маклакова, не поддержал министра финансов, который настаивал на том, что кредиты могли быть отпущены им не иначе как под условием подчинения всех организаций Государственному контролю. Государственный контролер Харитонов с необыкновенной энергией восставал против этой меры, и я до сих пор не понимаю, как наш председатель высокоуважаемый Горемыкин, имевший огромный опыт во внутренней политике страны, и Кривоше-

ин, также долго служивший в Министерстве внутренних дел, не поддержали министра финансов. Было решено, что отчеты будут контролироваться специальной комиссией, учрежденной при Военном министерстве, но Вы сами помните, что эта комиссия была чисто формальная.

При развитии событий приходится подчеркнуть тяжелое настроение, утвердившееся в Ставке, о чем Вы упоминаете в Вашем письме. Сам великий князь Николай Николаевич — рыцарь и честный воин, но, очевидно, его окружение давало ему плохие советы, и решение Ставки войти в близкое сношение с председателем Думы и разными депутатами, посещающими фронт, было роковым и привело к преступному, с моей точки зрения, союзу начальника Генерального штаба генерала Алексеева с Гучковым. Я ни минуты не сомневаюсь, что план убедить Государя императора отречься был заранее разработан этими господами и что командующие армиями, подготовленные низкой пропагандой, были готовы ко всем случайностям. Ответы этих генералов на телеграфный запрос в роковое число 2 марта были результатом долгой и тщательной подготовки.

Принимая во внимание эти факты и многие другие во время войны, я возвращаюсь к заключению, которое я выше высказал, что ни один глава правительства не смог бы изменить течение трагических событий, разразившихся в 1917 г.

Заканчивая эти строки, я хочу Вам сказать, что я не нахожу никаких возражений к опубликованию моего письма, адресованного г. Риттиху, при условии, что Вы мне представите проект того, что Вы собираетесь напечатать, так как, вероятно, придется кое-что пересмотреть и оставить только то, что представляет общий интерес. Но я предполагаю, что это опубликование не понадобится и что Вы сами сможете написать предисловие, о котором Вы упоминаете в Вашем письме и которое в достаточной мере дополнит Ваши столь интересные записки.

Примите уверение в моей совершенной преданности

Барк.

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / публ. Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, В. В. Лапина, М. Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 450–454.

34

Н. Д. Семенов-Тян-Шанский

Светлой памяти П. Л. Барка

В этом году исполнилось 25 лет со смерти П. Л. Барка, последнего министра финансов Императорской России. Выдающийся финансист большого государственного масштаба, способности которого были оценены не только в России, но и за границей, он был примером того, что наш Государь умел привлекать выдающихся людей к такой сложной и ответственной работе, как управление финансами мировой державы.

П. Л. Барк родился 19 апреля 1869 года в Екатеринославской губернии — где его отец был управляющим крупными казенными лесами «Великий Анадоль». Отец П. Л. был выдающимся знатоком лесного дела. В лице молодой 16-летней девушки — дочери зажиточного помещика Тимченко-Ерещенко он нашел себе прекрасную жену. Он пользовался большим уважением в Великом Анадоле и соседних деревнях. Крестьяне приходили к нему за советами по различным вопросам и получали также лекарства, которые выдавала мать П. Л. В эти времена, отмечает П. Л. в своих мемуарах, жизнь в деревне отличалась патриархальным духом. Ближайшая железнодорожная станция находилась в 24 верстах, а ближайший доктор в 50 верстах. Это было время прогрессивных мер — по инициативе императора Александра II, после освобождения крестьян.

Помещики с либеральными тенденциями были очень заинтересованы устройством школ, которые постепенно открывались в деревнях. В Екатеринославской губернии барон Корф, семья которого была очень дружна с Барками, посвящал много времени улучшению школ, и мать П. Л. ему в этом много помогала.

Когда П. Л. было 10 лет, отец его получил повышение по службе с переводом в Петербург. Уже до поступления в хорошую немецкую гимназию Анненшуле в Петербурге П. Л. свободно говорил на немецком и французском языках. В гимназии обнаружились большие способности П. Л. Барка — он всегда был первым учеником. Когда ему было 13 лет, он лишился отца. Мать его была убита горем, и П. Л. пришлось вместе со старшей сестрой заботиться о матери, тяжело заболевшей. Для пополнения семейного бюджета П. Л. начал подрабатывать, давая уроки ученикам по рекомендации очень ценившего его директора гимназии. Делал он это и будучи студентом юридического факультета и стал очень опытным педагогом. Этот заработок дал ему возможность, еще будучи студентом, совершить два интереснейших путешествия с приятелями по всей Европе. По окончании университета в 1891 г. он поступил в Кредитную канцелярию при Министерстве финансов. Начальник ее, Э. Д. Плеске, вскоре заметил выдающиеся способности П. Л. и с согласия министра финансов С. Ю. Витте, сменившего тогда на этом посту Вышнеградского, командировал Барка в Берлин для ознакомления с постановкой банковского дела в Германии. П. Л. делал стаж в Банке Мендельсона, который был корреспондентом нашего Государственного банка, а также в Рейхсбанке (немецкий Государственный банк) и слушал лекции крупных экономистов Вагнера и Шмоллера. Крупный немецкий банкир, заметив выдающиеся способности П. Л., предлагал ему с настойчивостью остаться в Германии и сотрудничать с ним, уверяя, что П. Л. сделается очень скоро богатым человеком, тогда как в России он, вероятно, будет долго незаметным чиновником Министерства финансов. П. Л. поблагодарил за предложение и совет, но заметил, что, по его убеждению, богатство не всегда приносит счастье.

По возвращении в Россию он был назначен управляющим Иностранным отделом Государственного банка — что для молодого человека (ему было всего 28 лет) считалось в то время необычайным — это место всегда раньше занимали чиновники, достигшие ранга превосходительства. Работа для П. Л. в это время оказалась очень сложной и ответственной, так как С. Ю. Витте проводил большую финансовую реформу для стабилизации рубля и введения золотого обеспечения. Барк также представлял и защищал интересы государственной казны, будучи назначен директором Русско-Китайского банка и председателем правления Персидского учетного банка. Эти по статуту частные банки, в сущности, были государственными — в первом из них большинство акций (контрольный пакет), а во втором все акции принадлежали Министерству финансов. По предложению управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске, С. Ю. Витте непосредственно сносился по этим делам с П. Л.

В 1900 г. П. Л. женился на баронессе С. Л. Бер — и сразу после свадебного путешествия должен был ехать в Тегеран; но персидский шах приезжал в это время в Петербург, и, по распоряжению Витте, П. Л. пришлось начать финансовые переговоры с сопровождавшим шаха премьер-министром Атабек-Азам, который впоследствии был убит в Тегеране. Переговоры эти начались в Петербурге, продолжались затем в Париже. Персии был оказан заем через Персидский учетный банк. Несколько политических параграфов дополняли финансовые условия займа. Через три года П. Л. пришлось самому поехать в Тегеран для ведения переговоров с правительством шаха. Кроме того, П. Л. бывал часто командирован по финансовым делам в Германию, Францию и Англию.

В 1906 г., во время первой революции, П. Л. был директором Петербургского отделения Государственного банка, ответственным за целость его валютного и золотого запаса. Время было очень тревожное, и Барк часто, ночью, в сопровождении офицера — начальника караула, проверял охрану Государственного банка.

Затем П. Л. был назначен помощником управляющего Государственного банка. В это время крупнейший в России Волжско-Камский банк пригласил его быть своим директором и управляющим. На время П. Л. покинул государственную службу. Но, стоя во главе крупного финансового учреждения, он проявляет необычайное умение поддерживать крупными

кредитами развивающуюся русскую промышленность, и эта его деятельность была замечена не только в России, но и за границей.

Конечно, эти выдающиеся финансовые способности П. Л. Барка не могли ускользнуть от внимания такого крупнейшего государственного деятеля, каким был П. А. Столыпин. И вот, в 1911 г., А. В. Кривошеин (крупный сотрудник Столыпина, тогда министр земледелия и государственных имуществ), по поручению Столыпина, пригласил Петра Львовича на должность товарища министра торговли и промышленности — с тем, чтобы, после небольшого стажа в качестве товарища министра, он стал во главе министерства финансов — для больших намечаемых Столыпиным преобразований, которым очень сочувствовал Государь.

После трагической кончины П. А. Столыпина и назначения В. Н. Коковцова председателем Совета министров с сохранением за ним портфеля министра финансов — П. Л. казалось, что план Столыпина о привлечении его к преобразованию финансовой политики в России не осуществится, и он, по своей должности товарища министра торговли и промышленности, начал усиленно заниматься делом развития внешней торговли и устройством и улучшением оборудования наших коммерческих портов.

Однако, в январе 1914 г., П. Л. был вызван Государем императором в Царское Село. Вот как описывает П. Л. Барк в своих воспоминаниях эту аудиенцию:

«К трем часам дня я прибыл в Александровский дворец, в котором жила тогда царская семья. Государь, который был всегда необычайно точен, принял меня, когда часы пробили три. Его величество подал мне руку, сел за свой письменный стол и указал на кресло направо от него. Это в этом кресле я должен был сидеть, будучи уже министром, каждую пятницу, когда я приезжал для доклада в Царское Село. Государь сказал мне, что вызвал меня с тем, чтобы выслушать мое мнение по некоторым вопросам. Император прибавил, что он знает, что я поступил в Министерство финансов при предшественнике Витте Вышнеградском. Я изложил кратко мою точку зрения по финансовому вопросу и высказал убеждение, что настало время изменить финансовую политику. В особенности мне казалось

невозможным продолжать строить обогащение казны, пользуясь доходами с винной монополии, так как увеличивающееся потребление алкоголя подрывает духовные и матерьяльные силы народа. Подоходный налог должен быть введен как можно скорее и приняты меры к понижению потребления водки. Что касается подоходного налога, то проект о нем был подготовлен министром финансов Шиповым, предшественником Коковцова, уже в 1906 г. Указ о нем был поставлен на обсуждение Государственной думы в начале сессии; он тогда же был передан на обсуждение в одну из многочисленных комиссий и с тех пор в течение восьми лет о нем совсем забыли. Теперь же во всех цивилизованных странах он является главной базой государственного дохода. Государь слушал меня очень внимательно. Он часто перебивал меня вопросами. Мы оживленно говорили с ним по разным вопросам, касающимся нашего вооружения, железных дорог, торговли, промышленности, постройки коммерческих портов и кораблестроения. Наш разговор продолжался 50 минут. Государь сказал мне, что он помнит мое имя с 1903 г., когда министр финансов Витте докладывал ему о моей миссии в Персии. Это было 11 лет тому назад. Император добавил, что его очень поразило мое решение оставить Волжско-Камский банк для возвращения на государственную службу. "Вы, несомненно, — сказал он, — как управляющий банком получали большое жалование, я думаю не меньше шестидесяти тысяч". Его величество был очень удивлен узнать, что мое содержание было вдвое больше названной им цифры. Но его еще больше удивило то, что в качестве товарища министра я получаю всего тринадцать тысяч. — "В таком случае, что же вас соблазнило для перехода на гражданскую службу?" Я сказал Его величеству, что я потерял отца, когда был отроком, и привык с тех пор зарабатывать на жизнь, но я никогда не преувеличивал значения денег. Я предпочитаю значительную административную должность рабству для узкого круга частных интересов. Император пристально посмотрел на меня. И это первый раз, что я почувствовал особенно сильное впечатление от взгляда Его величества, проникнутого необычайной добротой и лучеиспускавшего свет, проникавший в душу. В конце нашего разговора император задумчиво молчал несколько минут и затем сказал: "Я решил предложить портфель

министра финансов вам, с тем, чтобы вы изменили всю систему наших финансов согласно с моими инструкциями и базируясь на взглядах, высказанных только что вами. Я знаю, что это будет тяжелая задача, но я убежден, что ваш предыдущий опыт и ваши знания помогут вам осуществить ее. Я уверен, что вы захотите взять на себя эту тяжесть для блага России и на радость мне". Я ответил, что бесконечно благодарен Его величеству за оказываемое мне доверие и что я отдам все свои силы, чтобы оправдать это доверие и осуществить дело, возлагаемое на меня Его величеством.

Император встал, тепло пожал мне руку и сказал, чтобы я никому не говорил о нашем разговоре и об аудиенции. Его величество хочет решить сам время моего назначения и известит меня об этом своевременно».

30 января вышел высочайший рескрипт на имя Петра Львовича, возлагающий на него осуществление коренной перемены нашей финансовой политики:

«Петр Львович,

С Божьей помощью совершенное в минувшем году путешествие по нескольким великорусским губерниям[1] дало Мне возможность непосредственно ознакомиться с жизненными нуждами окружавшего Меня народа. С отрадою в душе Я видел светлые проявления даровитого творчества и трудовой мощи Моего народа, но рядом с этим с глубокой скорбью Мне приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишенного в тяжкую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного кредита. С тех пор, постоянно обдумывая и проверяя полученные на местах народной жизни впечатления и сведения, Я пришел к твердому убеждению, что на Мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведывание государственными финансами и экономическими задачами коренные преобразования, во благо Моего возлюбленного народа. Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных, а посему необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа. Таковые должны быть цели желательных преобразований. В успехе их осуществления и в безотлагательной необходимости их для блага Моего народа Я тем более убежден, что Государственная дума и Государственный совет по поводу пересмотра законов о казенной продаже питей горячо откликнулись на эти нужды народной и государственной жизни. Призывая Вас к управлению Министерством финансов, где Вы начали при покойном И. А. Вышнеградском в царствовании Моего в Бозе почившего Родителя Вашу службу, и возлагая на Вас осуществление тех коренных преобразований, для которых подробные указания Мною будут Вам даны, Я надеюсь, что с помощью Божьей с Вашим опытом и с Вашими познаниями Вы оправдаете Мое к Вам доверие и исполните на пользу России и народа и Мне в отраду трудное дело, на Вас Мною возлагаемое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано

"Николай".

В Царском Селе.

30 января 1914 г.».

Одновременно был опубликован высочайший рескрипт на имя В. Н. Коковцова, которого Государь благодарил за бережливое и умелое управление нашими финансами в трудное время после Японской войны и во время народных волнений и за его государственную деятельность в качестве председателя Совета министров после кончины Столыпина. Император жаловал Коковцова графом Русской империи. Председателем Совета министров без портфеля был назначен И. Л. Горемыкин.

В своих мемуарах П. Л. отдает должное заслугам В. Н. Коковцова перед Россией во время его 10-летнего управления финансами.

Вступив в управление Министерством финансов, П. Л. приступил к подготовке намеченной Государем реформы. Данный на его имя рескрипт представлял собою необычное явление:

[1] Путешествие государя в год празднования 300-летия дома Романовых. (*Примеч. Н. Д. Семенова-Тян-Шанского.*)

рескрипты давались обыкновенно в благодарность за заслуги и чаще при оставлении министрами их постов. В данном случае рескрипт Петру Львовичу оценивался большинством государственно мыслящих людей как открытие новой эры, дающей надежду на полное возрождение нации. П. Л. сам был воодушевлен этой идеей и начал подготавливать разработку своей весьма трудной задачи. 23 апреля он выступил с большой речью в Государственной думе, по духу и тону напоминающей знаменитые выступления П. А. Столыпина. П. Л. призывал Государственную думу поддержать меры, уже выработанные Министерством финансов для борьбы с нетрезвостью. Меры эти двоякого порядка: во-первых, направленные к сокращению соблазна и, во-вторых, — к подъему культурного и нравственного уровня народа. Дума сочувственно отнеслась к выступлению П. Л. Если бы не было войны, то освобождение зависимости бюджета от дохода с винной монополии должно было бы носить постепенный характер. Но когда в 1914 г. в Совете министров Военное министерство настаивало на закрытии винных лавок во время мобилизации, П. Л. с этим согласился, и затем на Совете министров, под подстрекательством самого Государя, было решено запретить продажу питей на все время войны.

Провести такую решительную меру, лишив сразу бюджет большого дохода, можно было благодаря подготовленным уже изменениям бюджета и доходной его стороны, а также потому, что П. Л. знал, что с началом войны понадобятся такие колоссальные расходы на содержание вооруженной силы, которые вызовут необходимость все равно прибегать к большим займам, как внутренним, так и заграничным. Но главной причиной решимости на это была глубокая вера П. Л., что этим путем оздоровится наш народ и, несомненно, увеличится его работоспособность. В этом он не ошибся — за время войны и до Февральской революции крестьяне, несмотря на всю тяжесть ее и лишение громадной части рабочей силы вследствие мобилизации, увеличили доходность обрабатываемой ими земли, и сберегательные кассы, как никогда, ломились от крестьянских сбережений. Не будь революции, накопленные крестьянами деньги пошли бы, несомненно, на приобретение ими земель у помещиков в тех местах, где таковые мало занимались

своим хозяйством, и этим разрешался бы легким путем весь аграрный вопрос.

Мера эта вызвала восхищение как в России, так и за границей. Наша мобилизация прошла блестяще. Председатель Финансовой комиссии в Думе А. Н. Шингарев (впоследствии 2-й[1]) министр финансов Временного правительства, расстрелянный большевиками, в речи, произнесенной в Государственной думе, такими словами оценил это мероприятие: «Это является разумной финансовой политикой — отказа государства от эксплуатации народного порока и недуга — она сопровождается тяжелой жертвой для Государственного казначейства, и за всю длинную историю финансов Российской империи мы не знаем примера, подобного этому. Напрасно искали бы аналогичного примера и в летописях всего мира».

Перед началом войны П. Л. сумел вовремя распорядиться о переводе всех денег нашего казначейства из немецких банков в Россию. Во Франции же, как союзной нам стране, имелись значительные суммы нашего правительства — специально для расплаты с различными поставщиками по заказам Военного ведомства. К сожалению, неудачное распоряжение французского министра финансов, наложившего мораториум на все текущие счета и депозиты в банках, коснулось и этих сумм и, несмотря на настойчивые требования Министерства финансов через наше посольство в Париже, освободить эти суммы так и не удалось. Военное министерство требовало заграничных кредитов для расплаты с заказами. Пришлось просить таковых у англичан. Те открывали кредит, при условии обеспечения его нашим золотом, которое нужно было доставить на английском военном корабле из Архангельска в Англию. П. Л. сильно и настойчиво протестовал против такого рода требования англичан, считая его недопустимым со стороны союзной державы, не принимавшей еще действительного активного участия в войне. В Англии еще не было даже всеобщей мобилизации, на которой усиленно настаивал лорд Китченер.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов, по настоянию П. Л., снесся немедленно по телеграфу с нашим послом в Лондоне графом Бенкендорфом. К сожалению, у наших дипломатов

[1] Первым был Терещенко. (*Примеч. Н. Д. Семенова-Тян-Шанского.*)

не оказалось достаточного умения и твердости, и П. Л. на заседании Совета министров упрекал в англофильских чувствах С. Д. Сазонова и наших дипломатов в Англии. Многие члены Совета министров разделяли точку зрения П. Л., но пришлось уступить, чтобы не лишить армию дальнейшего снабжения, которое наша промышленность не могла осилить.

Во время двух поездок в Англию и Францию в 1915 и 1916 гг. П. Л. удалось добиться личными переговорами с Ллойд Джорджем и Рибо другого отношения к нашим естественным требованиям финансовой поддержки со стороны союзников. Но, как пишет П. Л. в своих воспоминаниях, он был часто в своих переговорах с союзниками очень разочарован их не дружественным, а эгоистично-деловым отношением к России, положившей наибольшее количество своих сынов на тяжелую борьбу с сильнейшим врагом. У России, пишет Барк, не было настоящих друзей даже среди союзников.

Бюджет на 1917 г. П. Л. считал уже освобожденным от пьяного дохода, поступления от подоходного налога уже вполне заменили доходы от винной монополии. Все это оздоровление нашей экономики было напрасным: уже первая, Февральская революция настолько повредила нашему отечеству и с этой хозяйственно-финансовой стороны, что бедный Шингарев ломал себе голову и просил у П. Л. советов, что делать. П. Л. ему отвечал, что, пока будут заниматься спасением революции вместо того, чтобы спасать Россию, никакие меры не приведут к ограждению нашего рубля от падения.

Несмотря на все интриги, которые заставляли П. Л. просить его освободить от тяжелой ответственности по болезни (он и действительно заболел в 1917 г. от переутомления), Государь не хотел с ним расставаться и из всех так часто сменявшихся министров во время войны сохранили свои портфеля с ее начала до революции П. Л. Барк и И. К. Григорович.

Когда разразилась Февральская революция, вооруженная банда ворвалась в Министерство финансов. Бывший лакей, для которого Софья Леопольдовна Барк хлопотала, сыграл отвратительную роль, и П. Л., при помощи выбежавшей на его защиту жены, с трудом удалось освободиться от толпы, которая тут же хотела его убить. Более дисциплинированные солдаты освободили П. Л. и привезли его арестованным в Государственную думу,

где содержались уже почти все министры Императорского правительства. П. Л. не без юмора описывает в своих воспоминаниях свое пребывание в Таврическом дворце.

Этот арест не был длительным. Назначенная Временным правительством следственная комиссия не могла найти ничего предосудительного в действиях министра финансов Императорского правительства. По окончании допроса, когда председатель комиссии поблагодарил П. Л. за объяснения, Барк спросил его, нашел ли он в каком-либо министерстве денежные недочеты. Оказалось, что кроме небольшой суммы в 100 000 руб. из секретного фонда Министерства внутренних дел, на расход которой не было оправдательных документов, — во всех министерствах отчетность была абсолютно точная.

Вскоре Барк перебрался с семьей на юг в Керчь. Образовавшееся в Крыму социалистическое крымское правительство предложило ему портфель министра финансов, от которого он отказался, но согласился давать советы.

Белое правительство, образовавшееся на юге России с помощью союзников и на спасение которого П. Л. Барк посвящал всю свою энергию, командировало его в Париж и Лондон, чтобы добиться финансовой помощи, и уполномочило представлять его при подготовке Версальского мира.

В это время наступление Красной армии стало угрожающим, и его семья, остававшаяся в Крыму, покинула Родину и в Париже присоединилась к П. Л. После этого он вместе с семьей в том же году переехал в Лондон.

В Лондоне началась для него через некоторое время и продолжалась до самой его кончины новая карьера, которая была не менее блестящей, чем первая.

Два визита, которые он сделал во время войны как министр финансов России, — дали ему возможность познакомиться с высшими финансовыми кругами Англии. Его выдающиеся интеллектуальные и моральные качества, его способности как финансиста были ими оценены, в особенности Монтегю Норманом (впоследствии лордом Норманом), управляющим главным Английским банком (Bank of England), который стал и до конца остался его другом. С другой стороны, различные люди и общества, которые имели интересы в России или в соседних с ней странах, обращались к нему за советом.

Газета «Таймс» в одной из статей, посвященной Барку и озаглавленной «A great Anglo-Russian», после перечисления фактов, объясняющих новую карьеру Барка, прибавляет: «Справедливость его советов была общеизвестна, и вскоре очень важные работы были ему поручены английским казначейством, касающиеся Центральной Европы и соседних с Россией стран. Его большая опытность привела в скором времени к тому, что он был назначен директором-распорядителем Англо-Интернационального банка».

П. Л. Барк сыграл исключительно важную роль в заключении займов, которые должны были спасти Австрию, Венгрию и Болгарию.

Относительно займа в 1923 г. для Австрии мы имеем очень интересное свидетельство, касающееся роли, которую П. Л. сыграл в этом деле. Это длинная статья — на другой день после смерти П. Л. Барка, 18 января 1937 г., которую посол Австрии в Лондоне барон Георгий Франкенштейн поместил во всех австрийских газетах. Он писал:

«В один из самых тяжелых периодов истории Австрии, после войны, когда эта страна находилась на краю, он (П. Л. Барк) и я имели задачу реализовать международный заем, который дал бы Австрии базу для ее экономического и финансового возрождения. Его выдающиеся качества выявились полностью в течение труднейших переговоров, которые мы вели месяцами в Риме, Париже, Брюсселе и Лондоне».

Репутация, которую он приобрел благодаря своей деятельности, послужила к тому, что многие банки Центральной Европы пригласили его в их административный совет.

Во время своих поездок для финансовой поддержки Югославии и Болгарии П. Л. имел аудиенции у короля Югославии Александра и болгарского царя Бориса. Он воспользовался личными сношениями с монархами двух враждующих между собой славянских стран и был очень счастлив, что ему удалось убедить короля Александра и царя Бориса встретиться и этим положить начало сближению двух соседних славянских государств.

Место, которое П. Л. занимал у Государя, и его компетентность в финансовых вопросах привели его к заботам о частных делах императрицы Марии Феодоровны, сестры королевы Александры Великобританской. Он стал советником по этим делам императрицы и ее дочерей, великих княгинь Ксении и Ольги Александровны. Его осторожные и вдумчивые советы, его преданность без всякого личного интереса семье Государя заслужили ему уважение и любовь английского короля Георга V — двоюродного брата и личного друга Николая II. Пожаловав ему в 1929 г. «Большой Крест ордена Виктории», чтобы выразить ему благодарность за заботы о вдовствующей императрице Марии, король хотел дать ему и звание сэра (баронет); но для этого нужно было Барку стать английским подданным, а он долго колебался из чувства верности своей потерянной Родине. В марте 1935 г., когда он получил английское подданство — в день, когда это случилось, король, пренебрегая формальностями, пригласил Барка к себе и с обычной торжественной церемонией возвел его в баронеты.

П. Л. имел также высшую степень Почетного легиона.

Нельзя закончить это краткое описание его жизни в Лондоне, не упомянув о его постоянных заботах, при ценнейшем сотрудничестве леди Барк, о русских беженцах, их религиозных потребностях (он был глубоко верующий) и их интеллектуальной жизни. Русские журналисты Лондона и Парижа отметили это с чувством почтения и уважения.

В 1936 г. П. Л. перенес тяжелую операцию в Лондоне. В это же время он лишился своего единственного сына — молодого талантливого инженера, скончавшегося внезапно от менингита в Берлине.

Приехав на отдых после операции к своим дочери и зятю в их имение около Обань в департаменте Bouche du Rhône, он скончался 16 января 1937 г. от кровоизлияния в мозг.

Все знавшие его разделяли горе его семьи, и старая церковь в Ницце, где отпевал его владыка Владимир с сонмом духовенства, была переполнена молящимися.

В «Возрождении» появлялись уже отдельные главы его интересных и беспристрастных мемуаров, полностью еще не изданных.

Возрождение. 1962. № 124. С. 100–109.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава XV ... 5
Глава XVI ... 65
Глава XVII ... 91
Глава XVIII ... 115
Глава XIX ... 145
Глава XX ... 183
Глава XXI ... 208
Глава XXII ... 236
Глава XXIII ... 260
Глава XXIV ... 289
Глава XXV ... 314
Глава XXVI ... 338
Глава XXVII ... 355

Приложения

1. П. Л. Барк — А. В. Кривошеину. 8 февраля 1914 г. ... 377
2. П. Л. Барк — А. В. Кривошеину. 16 февраля 1914 г. ... 379
3. П. Л. Барк — А. В. Кривошеину. 20 февраля 1914 г. С.-Петербург ... 381

4. П. Л. Барк — А. В. Кривошеину. 17 марта 1914 г. С.-Петербург ... 383
5. П. Л. Барк — А. В. Кривошеину. 30 марта 1914 г. С.-Петербург ... 385
6. Выступление П. Л. Барка в Общем собрании IV Государственной думы. 22 апреля 1914 г. ... 387
7. Секретный рескрипт, данный Николаем II 24 июля 1914 г. в Петергофе председателю Совета министров И. Л. Горемыкину ... 406
8. П. Л. Барк — А. В. Кривошеину. 8 января 1915 г. Барановичи ... 408
9. Контракт русского правительства с банкирским домом «Братья Бэринг». 17 (30) октября 1914 г. ... 410
10. Телеграмма А. П. Извольского С. Д. Сазонову. 20 января (2 февраля) 1915 г. ... 413
11. Телеграмма А. П. Извольского С. Д. Сазонову. 20 января (2 февраля) 1915 г. ... 415
12. Финансовое соглашение между Англией, Россией и Францией, заключенное в Париже 23 января (5 февраля) 1915 г. ... 417
13. Телеграмма А. П. Извольского С. Д. Сазонову. 23 января (5 февраля) 1915 г. ... 420
14. Письмо (нота) П. Л. Барка А. Рибо. 24 января (6 февраля) 1915 г. ... 422
15. Контракт русского правительства с банкирским домом «Братья Бэринг». 27 января (9 февраля) 1915 г. ... 424
16. Телеграмма А. П. Извольского С. Д. Сазонову. 28 января (10 февраля) 1915 г. ... 427
17. Письмо (нота) П. Л. Барка А. Рибо. 31 января (13 февраля) 1915 г. ... 429
18. Всеподданнейший доклад П. Л. Барка «Совещание трех министров в Париже 20–23 января 1915 г.» ... 431
19. Мемория Совета министров. 28 августа 1915 г. ... 446
20. Англо-русское финансовое соглашение. 17 (30) сентября 1915 г. ... 448
21. Приложение к англо-русскому финансовому соглашению. 17 (30) сентября 1915 г. ... 452
22. Телеграмма А. К. Бенкендорфа С. Д. Сазонову. 18 сентября (1 октября) 1915 г. ... 454

23. Русско-французское финансовое соглашение. 21 сентября (4 октября) 1915 г. 456
24. Приложение к Русско-французскому финансовому соглашению. 21 сентября (4 октября) 1915 г. 458
25. Всеподданнейший доклад П. Л. Барка «О финансовых соглашениях, заключенных с английским и французским министрами финансов и с управляющим Английским банком». 8 октября 1915 г. 459
26. Протокол заседания Совета министров. 26 декабря 1915 г. . . . 467
27. Лодыженский И. Н. Справка. 470
28. Всеподданнейший доклад П. Л. Барка «О переговорах министра финансов в Париже и Лондоне в июне и июле 1916 г.» 472
29. Финансовое соглашение между британским и русским правительствами (дополнительное к соглашению, заключенному 30 сентября 1915 г.). 14 (27) октября 1916 г. 489
30. Всеподданнейший доклад П. Л. Барка о росписи доходов и расходов на 1917 г. 493
31. Меморандум об англо-русских финансовых переговорах на Петроградской конференции. 25 января (7 февраля) 1917 г. 501
32. П. Л. Барк — А. А. Риттиху. 9 сентября 1922 г. Лондон 506
33. П. Л. Барк — А. Н. Яхонтову. 11 декабря 1922 г. Лондон. . . . 516
34. *Н. Д. Семенов-Тян-Шанский.* Светлой памяти П. Л. Барка 521

Именной указатель. 534

Барк Петр Львович

**Воспоминания
последнего министра финансов
Российской империи
1914–1917**

Том второй

Редактор *Н. С. Самбу*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Корректор *Н. С. Самбу*
Компьютерная верстка *С. Б. Валишин*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
info@kpole.ru
www.kpole.ru

ООО «Мегаполис»
140184, Московская обл.,
г. Жуковский, ул. Гагарина, д. 24

Подписано в печать 21.12.2016. Формат 125 × 200 мм
Усл. печ. л. 28,98. Тираж 2000 экз.

Заказ № 2316.

ISBN 978-5-9950-0750-0 (т. 2)